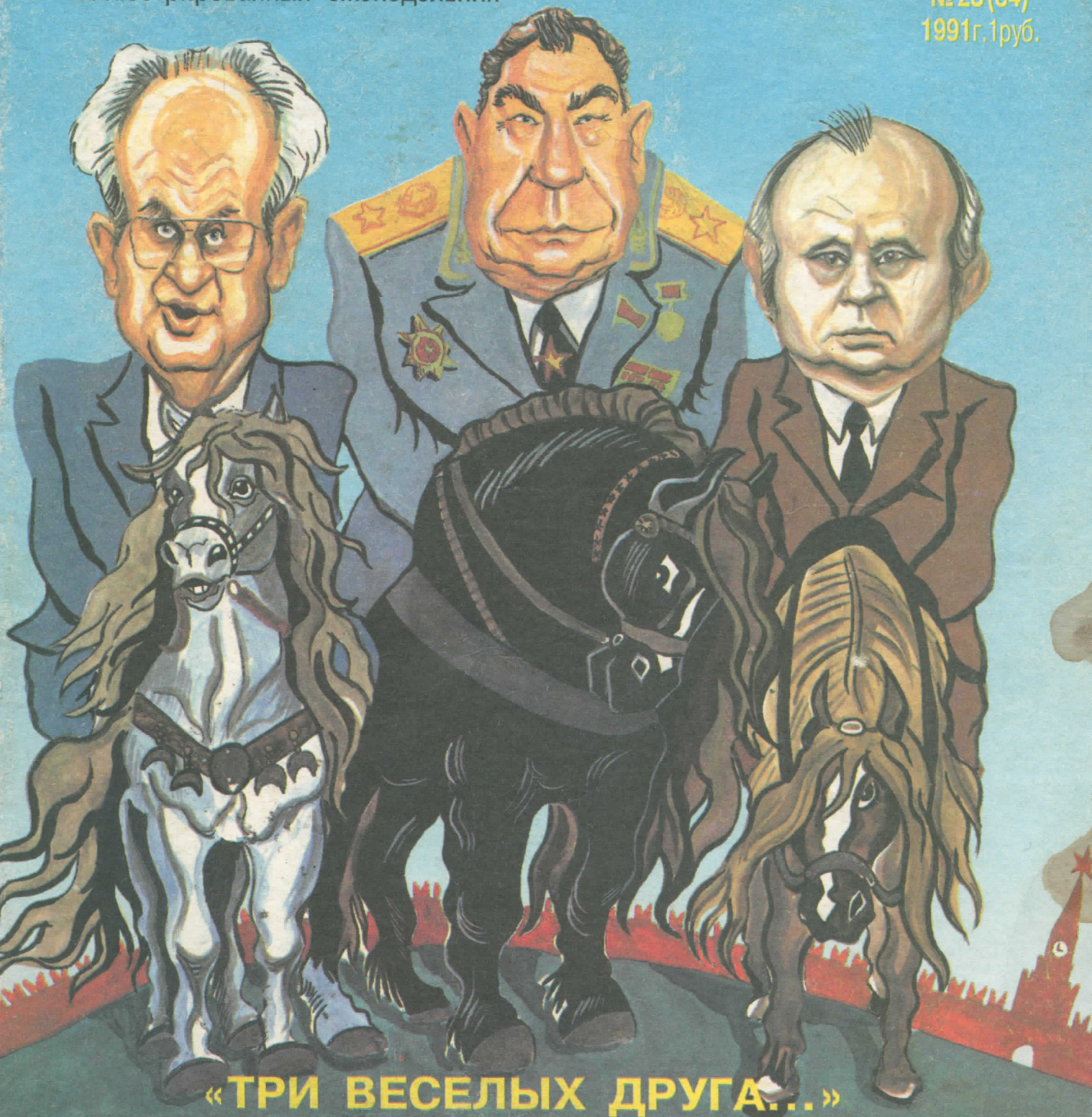

СТОЛИЦА

иллюстрированный еженедельник

№ 28 (34)
1991 г. 1 руб.

«ТРИ ВЕСЕЛЫХ ДРУГА...»

ФИРМА

ПАРТНЕР

ЖДЕТ ВАС!

Наши телефонные микроЭВМ
С ОПРЕДЕЛЕНИЕМ НОМЕРА
ВЫЗЫВАЮЩЕГО АБОНЕНТА
удовлетворяют Ваши требования.
НАДЕЖНОСТЬ,
ПРОСТОТА УПРАВЛЕНИЯ,
ДОСТУПНАЯ ЦЕНА,
СОВРЕМЕННЫЙ ДИЗАЙН
стабилизированные БЛОКИ
ПИТАНИЯ на любые выходные
напряжения мощностью до 10 Вт.

*Наш адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского,
д.24/35, кв.2 ☎ : 331-96-77, 332-78-92.*

Фирма «Партнер» ждет Вас!

Григорий ГОРИН:

Нигде столько не жалуется на жизнь

ГОРИН Григорий Израилевич (1940 г.р.) — писатель-сатирик и драматург. По образованию и первой профессии — врач. Широкой публике известен пьесами «Поминальная молитва», «Тиль», «Забыть Герострата», «Кот домашний средней пушистости», «Прощай, конференсье», которые поставлены в театрах Сатиры, «Современник» и «Ленком», сценариями к фильмам «Тот самый Мюнхгаузен», «Дом, который построил Свифт», «Формула любви», книгами «Хочу харчо», «Комическая фантазия», «Кто есть кто» и другими.

— Григорий Израилевич, не кажется ли вам, что сейчас, как никогда, наступило время писателей-юмористов: кто-то же должен помочь людям выжить, не упасть окончательно духом?

— Я считаю, что время юмористов никогда и не кончалось. Просто с изменением обстановки в стране должны меняться и сатирики. Сейчас, по-моему, люди устали от критики недостатков. Может, поэтому на эстраде стал так популярен юмор без слов — типа «ассисий», «низзя» и т.п.

— А сами вы в эпоху «разгула гласности и демократии» изменились?

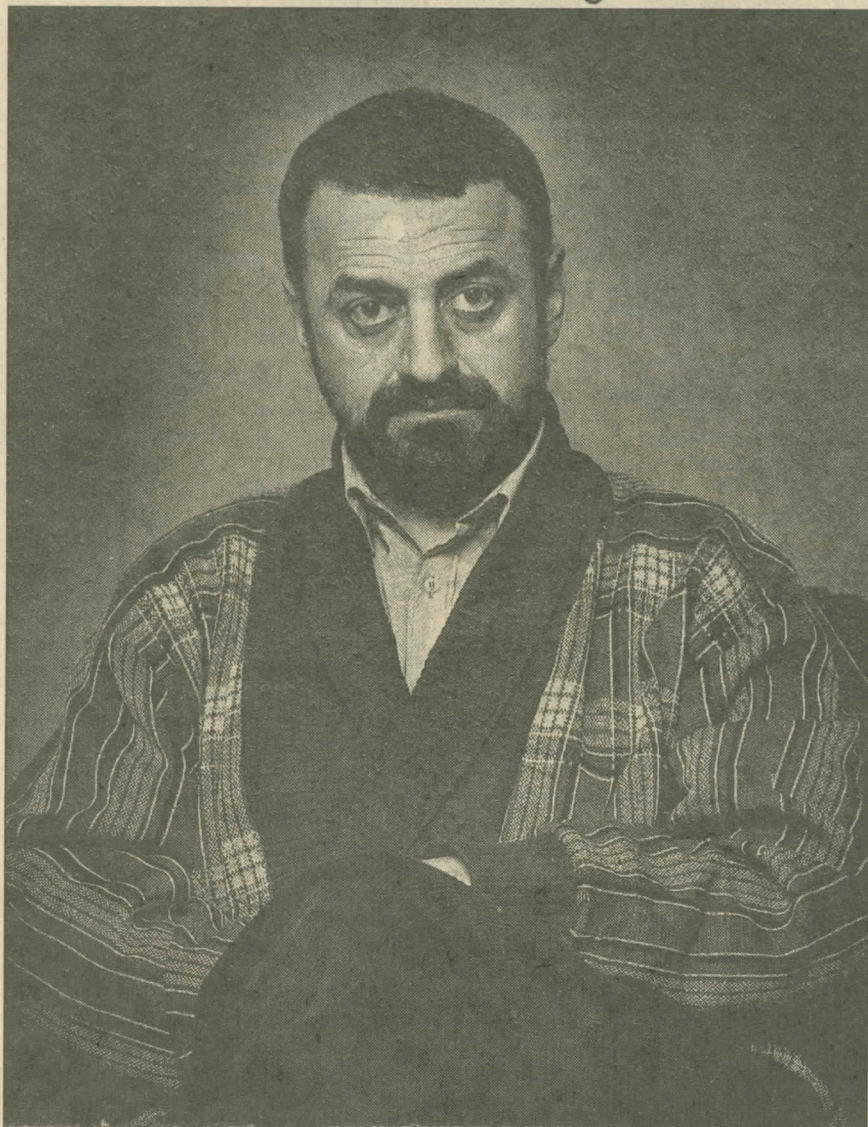

Фото В. Плотникова

— Нет. Я по-прежнему занимаюсь тем, чем и занимался. Мой любимый жанр — пьеса-притча — это своего рода гимнастика для ума, которая заставляет шлифовать эзопов язык, разившийся в России за века до такого совершенства, что тут, на мой взгляд, нас никто не догонит и не перегонит. Не думаю, что он когда-нибудь отомрет. Перестройка

при всей ее свободе эзопов язык не отменила, а, наоборот, усложнила. Если мы попытаемся уйти от иносказания, то многое потеряем. Ведь совсем обнаженная мысль и обнаженное слово утомляют, как женщина, которая гораздо привлекательнее, когда она все-таки чуть-чуть приодета.

— Сейчас модно, а главное —

Общественно-политический
и иллюстрированный
еженедельник Моссовета

Москва, 101425, ГСП, К-51,
Петровка, 22
Телефон: 928-23-49
Телекс: 413739
Телефакс: 921-29-85

Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН

Редакционная коллегия:
Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЫЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Олег ОРЛОВ
Владимир ПЕТРОВ
(ответственный секретарь)
Михаил ПОЗДНЯЕВ
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Петр СМЕРНОВ
(зам. главного редактора)
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.
При перепечатке ссылка на "Столицу" обязательна.
Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о рекламе звоните по телефону: 928-83-40

Эксклюзивный рекламный представитель за рубежом: Ecomews, Швейцария.

Подписку за рубежом осуществляет агентство Ecomews: box 535 Lausanne 1001 Switzerland.

Факс: 41.21-311.45.11
Тел.: 41.21-311.45.05

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантикст-2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)
Номер подписан в печать 11.07.1991

Тираж 150000. Цена 1 р.

© "Столица", 1991

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате Государственного комитета СССР по печати

142300, г. Чехов Московской области. Зак. 1179

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

АКЦЕНТ

- 1 Нигде столько не жалуется на жизнь

Г. Горин

ПОДОПЛЕКА

- 9 Перестройка — провокация партаппарата?

М. Глобачев

СУБЪЕКТИВНОЕ МНЕНИЕ

- 14 Несогласие на «шанс»

В. Васильев, М. Гельман

ВЛАСТЬ

- 17 Грабеж

Ю. Здоровов

СОВЕСТЬ

- 26 Отец Сергей

И. Быстрова

ПОЗИЦИЯ

- 36 «Господи, за что же ты наградил нас этой партией!»

В. Дудинцев

ОТТУДА

- 42 Улыбайтесь, шеф любит идиотов!

Е. Колесникова, Г. Ломанов

ВЫЗОВ

- 46 Твою мать?!

Н. Малинин

АРТ-САЛОН

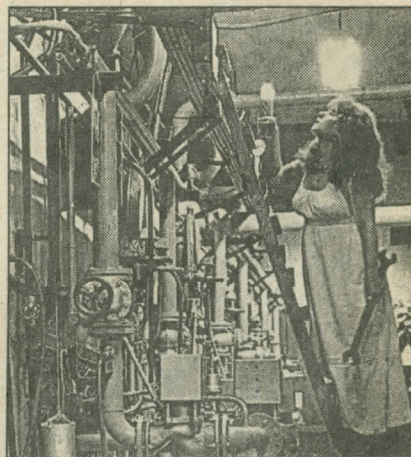
- 64 Шесть граней «Пирамиды»

Т. Дмитрохина

20 Известный прозаик и драматург (М. Рошин) не согласен с мнением известного публициста (А. Минкина) о не менее известном министре (Н. Губенко):

«Зачем при такой отваге пронзять столь яростно шпагой сначала занавес, как в «Гамлете», а потом уж Полония?»

31 Фотоочерк Ю. Журавского «Женщины нашей коцегарки»

Художницы, балерины, натурщицы и просто «баб Мани» и «тетя Наташи»... вот они в одной из ленинградских котельных.

58 Эдуард Тополь. «Московский полет»:

«— Сейчас они отправят эту женщину на гинекологический осмотр! Вот увидите! За то, что ее муж не подписывает акт про контрабанду серебряных вилок. Вчера было то же самое... Только не из-за вилок, а из-за ложек...»

На первой странице обложки рисунок В. и М. Ивановых

Заведующий отделом оформления:
Виктор РЕЗНИКОВ

Над номером работали:

П. Смирнов,
О. Проханов,
Э. Петрова

безопасно ругать времена застоя. Но, мне кажется, вы вряд ли будете на них жаловаться...

— Не буду. Я вообще на времена не жалуюсь. Понимаете, мне повезло: я всю жизнь занимаюсь, чем хочу, и мне за это еще и платят! Мне повезло и в том, что я мог не врать (другой вопрос — степень дозволенности критики). Сейчас, уверен, многие отцы перестройки боятся, что где-нибудь в архивах найдутся все-таки стихи, где они кого-то воспевали, использовали эпитафию из Брежнева или Черненко. У меня этого нет, к счастью!

— На нынешнее время тоже жаловаться не будете? Разве вступление в рынок вас совсем не страшит?

— Рынок не может быть страшным или не страшным. Это неизбежность, как возраст. Когда мне исполнилось пятьдесят — я ночь не спал, переживал. Никогда не думал, что доживу до такого возраста, и не понимал, как жить в пятьдесят один.

Так и рынок — это естественный процесс. А тоталитарный режим можно сравнить с периодом внутриутробного развития, когда пуповина гонит в тебя кровь, а ты, слепой, только крутишься и вертишься из стороны в сторону. Ты — живешь, но это не жизнь свободного человека! Родившись, конечно, можно жалеть о теплом лоне матери, но туда не вернуться. Думаю, только сумасшедший может говорить: «Назад! Назад! В околоплодные воды! Там было хорошо и тепло!»

Мы вступили сейчас в иную систему ценностей, когда человек сам начинает делать свою жизнь и полностью отвечать за каждый поступок. Мне как бывшему врачу «Скорой помощи» доводилось с этим сталкиваться. Скажем, приезжаешь к человеку с тяжелейшим приступом — он задыхается, еще немного — и умрет. Его судьба в твоих руках. Все зависит от того, какое решение ты примешь — спасать самому, не теряя времени, или везти в больницу. Решая такие задачи, человек и становится человеком.

Меняться трудно. Приведу такой пример. Меня ввели в совет Министерства культуры, который распределяет госзаказы на пьесы. Предложил коллегам — давайте разделим полагающиеся на помощь театрам средства между членами совета, и пусть каждый несет персональную ответственность за то, кому и на что он их дал. Скажем, в моем распоря-

жении 200 тысяч. Я передаю их определенному театру на определенный спектакль, и на афише пишут — эту пьесу рекомендовал Горин. Сразу видно: либо ты — дурак, дал денег плохому театру и бездарной пьесе, либо ты — умница, и твоему вкусу можно доверять. Я думал, меня поддержат, но ошибся, и совет действует по-прежнему по старой схеме: «ничейные» деньги коллективно выделяются какому-то театру. Просили — вот и даем... Провалился спектакль — ну и провалился. Никто не хочет брать на себя ответственность.

Социализм, который мы потеряли, оказывался, обладал большой привлекательностью — можно было плохо работать и нормально существовать. Разве сравнишь с бездушным Западом? Однажды в США я стал свидетелем того, как официантка в минуту потеряла работу — она заболталась по телефону. Когда я попытался за нее вступить (директор ресторана — мой знакомый), он мне твердо сказал: «Я не могу ее оставить, потому что не хочу, чтобы у нас были такие кафе, как у вас. Впредь для нее будет наука, если она останется в этой профессии». Жестоко? Да. Пороссийски-то: «Господи... подумаешь — заболталась...» Вот и наши эмигранты приживаются с трудом, ведь они привыкли находить тысячи причин, объясняющих, почему они что-то не сделали. А иностранцев интересует только результат.

Нужен ли нам этот жесткий западный мир? Или, как утверждают некоторые «патриоты», нам навечно предназначен социализм, уходящий корнями в общинный строй? Не знаю. Я вижу лишь то, что, когда обществу дают возможность проявить инициативу, оно выбирает правильные решения. Как только власть выпускает из рук отдельный участок — все: он расцветает! Смотрите-ка: нет бумаги, нет типографий, нет киоскеров — а рынок моментально наполнился периодикой, книгами! Точно так же, как рынок цветов, например.

Я думаю, что, когда люди, которые сидят наверху и планируют посевные и уборочные, отойдут в сторону, вступят в жизнь внутренние силы и в магазинах появятся продукты. Это как в медицине: когда врачи ничего уже не могут придумать, опытные старые профессора говорят: «Отойдите в сторонку, дайте организму справиться самому».

Действительно, он нередко начинает вырабатывать такие антитела, которые невозможно купить в аптеке.

Сейчас еще многие не понимают, в чем прелесть новой жизни. К сожалению, на ее волнах всплыло слишком много муты и пены. Но время все поставит на свои места. Ситуация идеальна для 20—30-летних. Удивляюсь, что они уезжают, наверное, просто не видят, что это страна больших возможностей. 50—60-летним труднее, потому что мы отчасти живем «затылком». В прошлом остались приятные воспоминания. Часто в «интеллигентных» домах можно услышать: «Пошел в ресторан... обед 50 рублей, а было-то, помнишь?» Да. Было. Мы студентами ходили в «Националь» с каждой стипендии (она составляла двадцать два рубля) и брали «Киевскую» котлетку, сто граммов коньяку, кофе и эклер — и это влетало нам... аж в пятерку! Есть что вспомнить... Ну и что? Все стало дороже, но зато настало время свободных людей, не обремененных нашей нерешительностью и комплексами. За ними — будущее.

Но молодых ждут и большие трудности — назревает конфликт поколений. Скоро они окажутся перед фактом, что демократия наступила, рынок худо-бедно засуществовал и нации как-то, я не знаю как, но разобрались в своих взаимоотношениях. А им — молодым — места нет! Все — расписано, квартиры — распределены, участки — розданы, рабочие места — заняты. Кстати, я уже сейчас слышал высказывания о том, что старики-де съедают продукты, которые молодые не успевают купить, потому что работают. А пенсионер, да еще с красной книжечкой, будто бы скупает все и без очереди, в то время как он — пассивный член общества... Это, если хотите, уже опасность фашизма. Наши старики скоро столкнутся с тем, что уже появились целые поколения, которые испытывают острую социальную неприязнь к возрасту. Парижские студенты в 68-м году пошли на баррикады, у нас до этого, слава Богу, дело не дошло, но может дойти.

— Удалось ли вам в нынешней обстановке сохранить чувство, которым мы все долго гордились, — уверенность в завтрашнем дне? — Я — оптимист. Хотя переход к рынку, к новому мышлению связан с большими катаклизмами, которые

предстоит пережить, по-моему, еще не все потеряно.

Да. Общество больно. Но в то же время нытье — наша национальная эгоистическая форма самоочищения. Нигде столько не жалуются, как у нас. Вы мне начнете рассказывать, как вам плохо, а я, не дослушав, скажу: «Это что-о! Вот у меня...» Это такая типично российская привычка — плакаться в жилетку. Во всем мире людей воспитывают с детства, что нельзя засорять чужие уши своими бедами. Американское «файн!» полностью характеризует тот мир: никто не обременяет другого своими проблемами, это неприлично. Иностранцы понимают так: раз жалуетесь, значит, ждете конкретной помощи. Но напрямую ты не просишь, что еще хуже: собеседник остается в недоумении, он чувствует себя обязанным. Случалось, знакомые иностранцы потом несколько раз беспокоило перезванивали, уточняли: «Для чего ты все это рассказал? Я могу чем-то помочь?»

Ведь это их наивность, что они бросились посылать нам бесчисленное количество шоколадок, мучки и тушенки. Они слышали, что мы «голодаем и умираем!», и восприняли это всерьез. Там же не принято врать. Это мы — общество, которое всю жизнь говорило одно, думало другое, а делало третье. Правительство врало нам, мы — правительству. Тут не отмыться: мы все обманщики. Конечно, мы нищие, но до голода в Эфиопии еще далеко. Доверчивость Запада поразительна, но она не беспредельна. В конце концов к нам примут довольно жесткие меры, перестанут нам верить. Запад — другая цивилизация, и теперь нам предстоит перейти в нее. И, видимо, не одно поколение уйдет на переломку костей, но со временем мы поймем, что врать невыгодно.

— Но ведь и у нас есть какие-то преимущества перед Западом?

— Мне кажется, у каждого государства своя особая предопределенность. В этом отношении очень интересны, уникальны две страны — США и Россия. Первая сумела создать некий экономический оазис. Вторую во всем мире ценят за ее культуру (которая сейчас, к сожалению, безжалостно размывается). Ведь ни в одной стране не получилось такого сплава, как в России: ее культура впитала в себя лучшее, что присуще многочисленным народам, ее населяющим. И в этом ее сила. И это наша главная ценность.

Немцы дали нам Фонвизина, итальянцы обогатили скульптуру и архитектуру, еврейская культура родила России Рубинштейнов, создавших консерваторию, и Левитана, типично русского художника. Поэтому во мне вызывает недоумение и смех «восстание» «патриотов» «Памяти» и всей этой кампании из «Нашего современника» против «иноплеменного влияния».

Сегодня, когда решается национальный вопрос, мы слишком легко рубим ветки, оголяя ствол. Спокойно наблюдаем, как от нас уходят немцы — ученые, мастера, пахари, часовщики, а президент почему-то не может дать им долгожданную автономию. Да дело, в конце концов, не в профессиях. Русская культура обеднеет из-за отсутствия, скажем, немецкой пунктуальности.

Я недавно разговаривал с московскими часовщиками-армянами. Они все настроились уезжать! Это ужасно. То же самое можно сказать и о евреях. Пусть, конечно, кто хочет, едет в землю обетованную, это личное дело каждого. Но то, что у нас становится все меньше врачей, аптекарей, — беда. А что происходит с музыкой? Трагедия. Уезжают не только солисты, но и педагоги. Еврей и скрипочка — неразлучны. Евреи всегда учили своих детей музыке и создали многих ойстрахов мира! И мы, которые «трясемся, разрешить ли» вывозить на Запад металлолом, ржавеющий на свалках, безразлично смотрим, как из страны безвозвратно уходит то, что не вернешь и не восстановишь даже за десятилетия!

...Бурно радовались, отмечая 300-летие Куликовской битвы, абсолютно забывая, что татары-то живут с нами в одной стране... Ко всем таким вещам нужно подходить очень тактично, глядишь — и не было бы сейчас проблем с Татарстаном, в котором вспыхнули антирусские настроения. И до тех пор, пока мы не поймем, что наш народ многонационален и нам элементарно невыгодно обворовывать свою культуру, отметая «инородцев», ничего хорошего из заварившейся каши не получится...

— Вы верите, что с помощью общественного воздействия можно что-то изменить?

— Я член четырех творческих союзов, и это, естественно, вызывает необходимость участвовать в решении разных вопросов. Так вот, каждый раз, когда я по долгу сове-

сти иду на очередное собрание, думаю, что смогу что-то изменить, но убеждаюсь, что это была очередная иллюзия, что от меня ничего не зависит. Но некоторые вещи нельзя все-таки игнорировать, например, я в числе активных борцов за восстановление Дома актера. Это сгоревшее здание постоянно стоит у меня перед глазами. Ужасно обидно, что в центре Москвы такие руины. Этот пожар меня просто потряс. Я тогда остро ощутил себя москвичом, причем человеком центра Москвы, который переживает здесь за все, что происходит с улицами, домами. Район Пушкинской площади — моя «малая родина», и она мне очень дорога. Мы ведь люди особого города.

Недаром все так стремятся сюда из провинции. Порыв чеховских степей: «В Москву!» — он понятен и сегодня. Москва, несмотря ни на что, — более свободный город, чем какой бы то ни было другой в нашей стране. Все думали, что здесь хорошо, потому что в столице снабжение лучше. Нет. Здесь микроклимат лучше.

— Мы все время говорим о политике, об экономике, социальных вопросах, а о творчестве совсем забыли. Вы писать-то теперь успеваете?

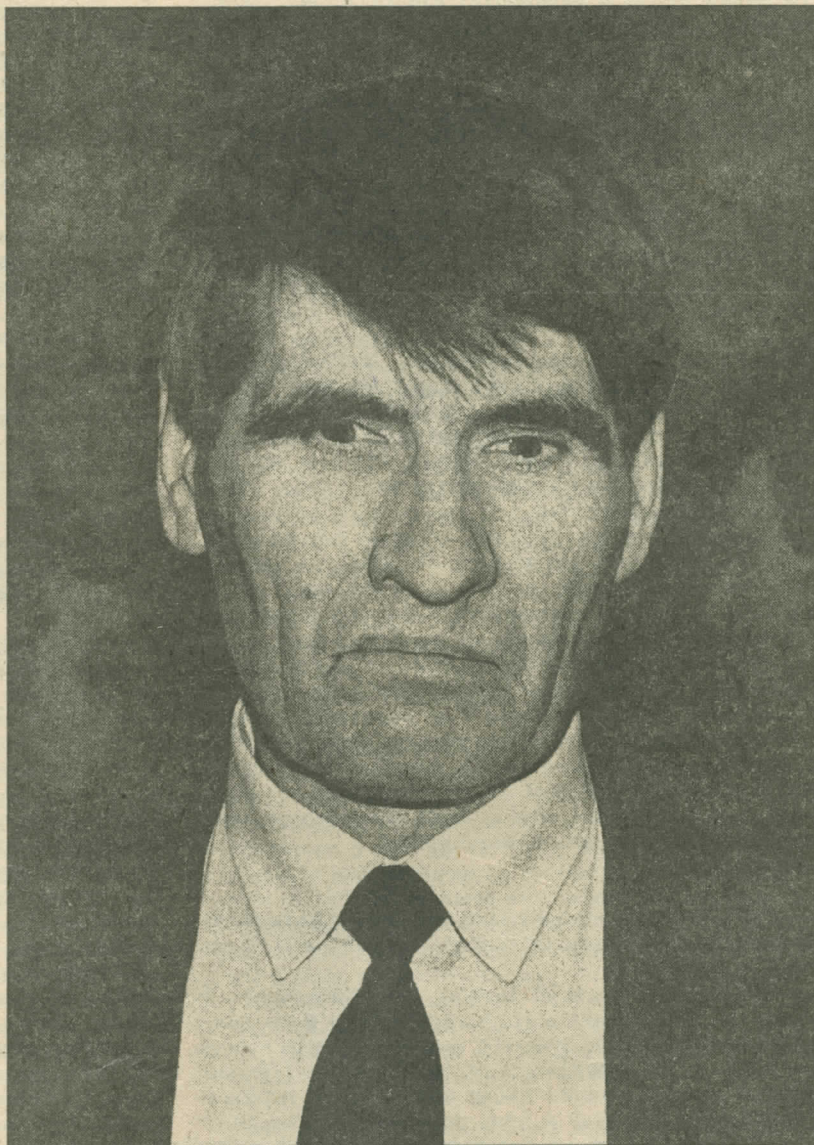
— Не успеваю. Все сейчас жалуются, что они не пишут, но я не рассматриваю это как беду. Это естественный процесс накопления. Фраза Жванецкого, произнесенная три года назад — «сейчас интереснее читать, чем жить», — уже устарела. Я бы сказал, что сегодня намного интереснее жить, чем писать. Тем более что написанное молниеносно стареет — так все быстро меняется. Даже это интервью, когда выйдет, будет выглядеть уже несколько устаревшим. Кто знает, что произойдет к тому времени?..

Беседу вела Елена ЦЫГАНКОВА

Леонид СУХОВ:

«НАС
БУДУТ
ПИНАТЬ
НОГАМИ
ПРИ ВСТРЕЧАХ...»

Леонид СУХОВ, 1940 года рождения, народный депутат СССР из Харькова, член Верховного Совета СССР, с 1989 года — член Комиссии Совета Союза по вопросам транспорта, связи и информатики, с 1991 года — член Комиссии ВС СССР по привилегиям и льготам, член депутатской группы «Союз».

Из стенограммы заседания сессии ВС СССР 2 апреля 1991 г.:

Сухов Л.И. ...Я все равно уйду из этого буржуазного парламента, но мне хочется свое последнее слово сказать.

Председательствующий (Лукиянов А.И.). У меня просьба к Л.И.Сухову: никуда не уходить... Насколько я знаю ситуацию, избиратели не уполномочивали Л.И.Сухова делать такие заявления. Он проводит здесь свою искреннюю политику, высказывает искренне свои позиции. Надо к ним серьезно относиться...

Из интервью Леонида Сухова нашему корреспонденту:

— Обо мне пишут такое!.. Нет чтобы опубликовать

стенограмму моих речей, тогда критикуйте. А так... Я вот, например, выступаю на заводах и говорю: «Я не верю тому, что пишут, и вас к этому призываю. Вот мое выступление — то, что я вам зачитываю, и вот то, что напечатали. Если вы считаете, что это отражает истину, тогда верьте. Если не отражает — не верьте этим газетам...»

— Хорошо, Леонид Иванович, давайте так и сделаем: приведем часть ваших выступлений по стенограмме, а если останутся неясности, вы разъясните, что имели в виду. Идет?

— Ну, пожалуйста.

— Итак, читаем...

«...Я всю жизнь мечтал съездить в Соединенные Штаты, и на сегодняшний день такая поездка для меня возмож-

на. Но для того чтобы иметь право говорить правду своему народу, я готов отказаться от поездки. Я отказываюсь и от «шмоток», как у нас говорят, отказываюсь и от пайка, который напоминает скорее скудную собачью кость и которым сыт не будешь...»

(8 апреля 1991 г.)

«...Я побывал в США. Мне выдал господин Мун, видимо, за «красивые глаза», 500 долларов. Я сразу почувствовал себя крепостным. Теперь мучаюсь с этими долларами, куда их деть? Привез их сюда. Наверное, ранее побывавшие там депутаты, думаю, со мной не согласятся. А я хочу эти 500 долларов отдать в музей и написать: «Как распродали наше государство и будущее наших детей...»

(16 мая 1991 г.)

«...На сессии прозвучало обвинение товарища Ополинского в мой адрес в связи с приобретением автомобиля ГАЗ-2410. Конечно, я не вышел бы сюда, если бы это касалось только моего авторитета, а не всех моих избирателей, граждан нашей страны, которые поддерживают мою позицию и в результате будут тоже как-то дискредитированы, потому что им скажут: видите, вы поддерживаете такого депутата, который скрывал приобретение легкового автомобиля. Я приобрел автомобиль «Жигули», седьмую модель, и ни от кого это не скрывал... У депутата Ополинского имеется гараж, а я за свою жизнь, к сожалению, не заработал пока на гараж. Автомобиль находится на стоянке кооператива... Хотелось бы ответить и на реплику депутата Ополинского, который говорил, как это я не подавился «капиталистической пищей». Но я подавиться этой пищей не мог, потому что смело кушал эту пищу, потому что депутат Ополинский, который бывал в Америке, не подавился. А я в очередях всегда оказывался после него, значит, подавиться этой пищей не мог...»

(24 мая 1991 г.)

— **Стоп. Что-то я не понимаю: вы же вроде сказали, что можете отказаться от поездки в США, а в то же время — поехали?..**

— Нет, не так. Я же не сказал, что отказываюсь. Я сказал: г о т о в отказаться... А отказываюсь я от «шмоток» и прочего. Вы что, думаете, мне не хотелось купить видеомаягнитофон с телевизором, например, за 179 долларов? И ходил я до-олго вокруг него и думал: перешагну через себя или нет? А ведь если не откажешься от каких-то благ, нам же не будут верить люди?! А в том выступлении я не утверждал, что откажусь от поездки, а рассуждал; но как я могу обо всем этом рассуждать, если я только слышал обо всем, я должен с а м увидеть все своими глазами, чтобы сопоставить. Для этого я и решил поехать в США. При этом меня еще интересовало, почему туда пригласили в основном тех депутатов, кто стоит против моей позиции: Цыпляева, например, они пригласили, но в последний момент он отказался. Они, эти депутаты, меня и затащили туда... Емельянов буквально за два дня до отъезда говорил мне: «Леонид Иванович, давай поедем!» А потом, накануне вылета, прихожу в воскресенье получать паспорт, а мне говорят: они отказались от поездки — ни Емельянов, ни Цыпляев, ни Гаер не поехали...

«...Я против митингов, потому что митинги служат разрушению. Но когда митинги разрушают прогнившую струк-

туру — я за них. Но я взял бы сегодня на вооружение самый главный лозунг: «Долой Горбачева и мафиозную группу, которая окружает его» (это А.Н. Яковлев, Э.А. Шеварднадзе, А.Г. Аганбегян и другие, которые ищут приюта на Западе не для того, чтобы помочь нам)...

Здесь говорят, что мы критикуем, — это критикует народ. Я встречался со своим народом. Избиратели критикуют нас, но я к ним еду, чтобы «зарядить» себя, чтобы преодолеть себя, отбросить сомнения, и только после преодоления выхожу на эту трибуну. Люди мне говорили, что уберут Б.Н. Ельцина и М.С. Горбачева, но этого не произошло. Избиратели считали Н.И. Рыжкова и В.В. Бакатина ставленниками М.С. Горбачева и поэтому проголосовали «против»...

(18 июня 1991 г.)

— **Вы сказали: «мафиозная группа». Что-то конкретное имелось в виду?**

— Ну, конечно. Например, Яковлев ездит и решает убирать памятники Ленину! Если бы он не был членом партии, я бы его не назвал мафиозным. Яковлев говорит: мол, памятников Ленину много. Дал понять тем самым, что можно их снимать... Если б он не был коммунистом, тогда я согласен, а так... Он же вступал в партию на коммунистической идее, а сейчас ее отвергает.

А вот Аганбегян сказал: «Леонид Иванович, партия еще сильна, ее еще отпускать нельзя, она много наделает бед...»

— **Куда отпускать нельзя?**

— Ну, помните, я тогда предложил Михаилу Сергеевичу разделить полномочия, оставить пост генсека... А между прочим, знаете, я всегда, прежде чем выступить с трибуны, подходил к Михаилу Сергеевичу, чтобы выяснить его отношение, и так далее. И тут тоже заранее сказал ему о высказывании Аганбегяна. А он говорит: «Леонид Иванович, я не понимаю...» Ну, я вижу, что он обманывает, и тогда уж решил сказать с трибуны...

Или тот же Шеварднадзе. Он не захотел отчета перед Верховным Советом и поэтому выступил, что идет, мол, диктатура... А диктатура если и придет, то только от пролетариата, от простого рабочего класса. Вот если не стабилизируется обстановка через полгода—год, рабочий... Уже сейчас, вот я был в коллективах, ездил по личной инициативе агитировать за Рыжкова, и они постоянно высказываются в таком духе. И проголосовали, безусловно, не столько за Ельцина, сколько п р о т и в Горбачева. Они мне прямо так и говорили: «И Бакатин, и Рыжков — ставленники Горбачева». На каждом собрании. Два часа я выступал, и мы начинали рассуждать, находили контакт. Но я им говорил: «Я пришел и не думаю, что вы сразу станете здесь моими единомышленниками. Моя цель — каким-то образом породить у вас сомнение и мысленно поспорить с самим собой».

Вот сейчас у нас же идет разрыв государства, и я не понимаю, извините, если идут не в народ, не к своему народу обращаются! Вот сейчас и Михаил Сергеевич подтвердил, что Буш ему что-то советует и дает указания, вы меня извините... Что у нас якобы ученых вообще нету, а все они т а м... Да наших ученых просто никто не слушает! Такая громадная страна, а по каждому вопросу экспертов берем за рубежом?! Но, извините, у них же там совсем другие условия. Я, например, уже два года не побывав в таксопарке, не знаю ситуацию! И чтобы я мог что-то говорить, советовать, мне надо хотя бы недели две побыть в этом коллективе, познать. Например, не знает никто, кроме самих таксистов, как они

обманывают сейчас народ! А я, например, знаю, как они обходят некоторые законы...

Поэтому у меня есть обоснования для таких высказываний. Я ведь, если хотите знать, этими высказываниями хотел сделать взрыв в парламенте, потому что так работать, как мы сегодня в Верховном Совете, дальше невозможно! И — никто, вижу, не восстал. Я думал: сейчас начнут на меня нападать, но... нет! Восприняли.

— **Вы возражали против Закона о въезде и выезде. Почему?**

— Опять меня не поняли! Да не возражал я...

— **Читаем стенограмму:**

«...Нет, господа бурлацкие, шмелевы и им подобные, пока не найдете путей изоляции, хорошей изоляции двух противоположных сфер деятельности в нашей социальной среде, никакого вам Закона о выезде и въезде не будет. И нечего депутатов погонять идеей правового государства. Сначала постройте, а потом мы и коврик постелим: летите на все четыре стороны в сказочные миры или в преисподнюю, а нам от земли-матери бежать некуда. Мы народ, нас много, ковриков всем не хватит. Извините за прямоту, но мы простые и упрямые. И политики из нас такие же получают. А ваша политика, как неверная женщина, улыбается тому, кто больше платит. Мы так жить не можем и не будем. Призываю депутатов заняться такими законопроектами, которые стабилизировали бы обстановку в стране, а не привели к перераспределению богатств страны, накопленных предыдущими поколениями, в интересах узкой группы дельцов и подпевал...»

(8 апреля 1991 г.)

«...Принимать закон этот в столь трудное время для нашего государства, считаю, является преступлением... Сегодня наш народ (именно те труженики, которые создали и создавали те скудные блага, которые имеются сегодня) думает не о том, как побыстрее принять Закон о выезде и въезде, а как насытить рынок, который сегодня действительно без продуктов питания; тот рынок, в котором нет одежды и обуви... Кричим, ругаем друг друга, стали уже ненавидеть друг друга. Одни считают, что вот господа (говорю, как депутат Нейланд, — он, наверное, не обидится на то, что называю его господином, ведь у них все господа). Но я видел, как он депутата Себенцова подговаривал, чтобы «протолкнуть» этот закон (депутат Себенцов, наверное, не откажется от этого): «Давай «проталкивай» побыстрее А.И.Лукьянову этот Закон о выезде и въезде». Получается, что это самый главный у нас закон, самая главная проблема, как будто других проблем у нас нет. И надо только думать о том, как бы побыстрее, как говорится, выпустить людей на волю...»

(12 мая 1991 г.)

«...Люди, по 20 лет стоящие в очереди на квартиру, постоянно требуют ее получения. Так вы хотите, чтобы отъезжающие тоже каждый день обращались со своими требованиями? Тогда мы только и будем заниматься тем, чтобы создать им условия для осуществления этого права. Мы не против этого закона, но сегодня нет необходимости его принимать...»

(20 мая 1991 г.)

«...Меня обвиняют в том, что я выступил против Закона о порядке выезда из СССР и въезда в СССР граждан

СССР, вроде я предрешил исход этого закона. Нет, я не против тех, кто уедет из страны, но при условии, чтобы они не возвращались. А то у нас появились такие, что, если туго здесь, они покидают страну, а станет хорошо — они должны вернуться в страну.»

(18 июня 1991 г.)

— Нет, я не возражаю. Я против более широкого круга вопросов по этому законопроекту, которые касаются большой массы населения. Я просто считал, что сегодня этот закон невозможно принимать, потому что не исполняются те, которые уже приняты. Структура власти не работает. И сегодня принять Закон о въезде и выезде и, вы извините, разрешить вам возможность выезда, и вы будете опять приходиться ко мне как к депутату и постоянно теревить: «Есть закон, есть право, значит, давайте предоставляйте мне и возможность». А возможности-то у нас и нет! Таможни не работают, гостиниц нет, дорог нет... Я имею в виду, нет на нашей территории. Значит, опять будут плевать в нашу сторону.

Но я — гражданин, патриот своей страны, и я не хочу терпеть, чтоб на меня плевали. Причем те плевали, которым, отрывая от моего заработка, мы создали возможность покинуть нашу страну. И вывезят машины — все! Почему я должен сегодня этому способствовать? Ни одна страна, где происходят революционные процессы, не открывает границ. Нет такой! И вы у себя в доме, наверное, не откроете двери, если у вас много богатств, но нечем их контролировать. Не откроете настежь двери, если знаете, что вокруг еще существуют воры, верно? Нет, вы будете стремиться закрыть свой дом, сохранить.

— **А как же быть с правами человека?**

— А чтоб соблюдались права человека, надо сначала добиться правового государства. У нас вот сейчас много уволенных и не восстановлено их право на работу. Но почему-то о них мы не говорим, а тот, кто никогда не сохранял права человека, он сейчас должен уезжать, ограбив меня?! Я ж ничего не говорю: может, прав тот, кто выезжает. Может, он выезжает потому, что не соблюдаются его законные права здесь, правильно? Если бы у нас была возможность, ради Бога, пусть выезжают. Но у нас же нет возможности: 400 000 или 500 000 сейчас стоят в очереди на выезд, и, говорят, они стоят годами. А мы, что ж, еще хотим добавить, да? Чтоб они не работали, а стояли в очереди на выезд?!

— **Вы, Леонид Иванович, все время подчеркиваете в своих выступлениях на сессиях и съездах, что вы — представитель рабочих, что защищаете их интересы. Но ведь вы же избраны от определенного региона его и а с е л е н и е м, а не только рабочими, не так ли?**

— Нет, я немного не так говорю. Я всегда высказываюсь от части своих избирателей. А рабочий, в моем понимании, — это всякий, кто производит товар. Вот вы, например, пишете, и если ваша работа способствует развитию экономического процесса, значит, вы совершаете работу. Стало быть, вы — рабочий. Если же вы своей статьей ведете к экономическому разрушению связей, экономики, значит, вы не совершаете работы. Все очень просто.

— **Вот что зафиксировано в ваших выступлениях:**

«...Они отстаивают Закон о предпринимательстве, допускающий эксплуатацию человека человеком... Они тео-

ретически обосновывают сегодняшнюю жизнь, говорят, что она ведет к свободе деятельности человека. Но свобода волка не означает свободу ягненка. Кто же сегодня оказался ягненком? На мой взгляд, это те люди, которые честно трудились. Я, работая водителем такси, старался перевезти (и считал это долгом своим) в первую очередь стариков, людей с детьми. Обсуждаем проект этого закона сегодня... Оказывается, мне не надо было их перевозить — надо было обслуживать пьяниц, негодяев, которые больше платят...»

(26 февраля 1991 г.)

«...Вот однажды я выступал в областной прокуратуре. Мне был задан вопрос: «Леонид Иванович, вы сказали на одной встрече, что написали в 1985 году товарищу М.С.Горбачеву о том, что все — от следователя до прокурора и судьи — берут взятки. Это так?» Да, я писал такое письмо и могу это утверждать сейчас. Никто не встал, не опроверг меня. Я говорю: давайте проверим, как вы живете. Я — водитель такси, имел средний заработок 250 рублей, имел «чаевые» (не отрицаю, имел, потому что не мог обойтись без них). А вы живете на 180 рублей. Давайте сравним наш уровень жизни. Только после этого сделаем вывод: берете вы взятки или нет. Ни один из присутствовавших не сопротивлялся. Это действительно так...»

(28 марта 1991 г.)

«...Мне, как рабочему, уже стыдно смотреть рабочим людям в глаза. Здесь говорят, что народ, в общем-то, нормально с нами обходится. Не знаю. Я часто вижу, как депутаты прячут свои значки, чтобы их не узнали, например в магазине. Меня узнают, к сожалению, и без значка...»

(22 апреля 1991 г.)

«...Мне очень неприятно, что моего коллегу депутата «от станка» объявили чуть ли не «лжерабочим». Значит, и водитель такси — не рабочий, и машинист шагающего экскаватора — тоже. А товарищ Шеховцов знает проблемы трудящихся лучше нас самих — рабочих. Для того рабочие нас и избрали, чтобы мы защищали их права. А не для того, чтобы были здесь вашими статистами и послушно нажимали на кнопки...»

(13 мая 1991 г.)

«...Товарищи депутаты, мне хотелось бы упрекнуть часть интеллигенции, которые упрекают нас, рабочих, за нетактичность. Я никого не называю «писакой», поэтому прошу, чтобы и меня не называли «таксистом». Я не «таксист», а водитель такси...»

(20 мая 1991 г.)

— В вашей реплике о «писаке» нет ли некоего противопоставления вами интеллигенции и рабочих?

— Знаете, я, в общем-то, считал Давида Кугультинова очень интеллигентным человеком, а он назвал меня «таксистом»... А я — в о д и т е л ь такси. Это ж не одно и то же! А он подчеркивает это — «таксист»... Я, конечно, не достиг еще такого высокого уровня общения, у меня же только начало политической деятельности. И человек, который все это прошел, называет меня «таксист»... Это слово имеет все же в народе негативный смысл. Когда им что-то положительное сделаешь, они говорят: «водитель такси». Ну, бывает, конечно, когда пьяница

какой-то скажет «шеф», с таким, знаете, пренебрежением, но... когда обслужишь хорошо — «товарищ водитель такси».

И, конечно, я представляю здесь интересы не только рабочих. Я вообще встречаюсь и желаю чаще встречаться, например, с интеллигенцией. Потому что интеллигенция, она... ну... шире смотрит на все проблемы, будем прямо говорить. А рабочий, он у станка, и он, конечно, более узко смотрит. Ясно, что есть и исключения, есть такие рабочие, как, например, Нина Пирязева, которая даст фору любому профессору в постановке вопроса и ширине мыслей. Но когда выходит Бурлацкий и протягивает свои законы... Или Тихонов, академик, который, пока частную собственность не протянул, постоянно тут был, и с таким я не могу согласиться...

— И последнее, Леонид Иванович. Вы несколько раз заявляли, что уйдете из парламента...

— Да, я не удовлетворен своей работой в Верховном Совете, на съездах, вообще в депутатском корпусе...

«...Только все вместе можем мы построить лучшую жизнь для народа, а украсть ее можно только для себя. Так давайте прикроем этот балаган и скажем народу, что мы почудили немного и хватит! За работу, ребята! Если что не так, извиняться не буду...»

(24 декабря 1990 г.)

«...Если мы данным законом сумеем воплотить это в жизнь, то наше общество нас примет. Если нет, то нас везде будут ругать и пинать ногами при встречах. Из-за этого, к сожалению, я знаю от харьковских депутатов, многие не идут на встречи со своими избирателями — боятся их...»

(26 февраля 1991 г.)

«...Действительно, сегодня обстановка, сами видите, какая. И, наверное, нам всем избиратели говорят, что скоро в нас будут стрелять. Лично мне уже так сказали. За то, что мы два года просидели и ничего, кроме повышения цен, не сделали...»

(8 апреля 1991 г.)

— Меня эта деятельность не удовлетворяет, потому что если я перестану говорить с трибуны то, что сегодня говорю, а завтра я вернусь к своим рабочим — особенно когда произойдет приватизация и процентов 30—40 из них окажутся в худших условиях, чем сегодня, — они меня будут бить на каждом шагу... Но когда я им покажу текст своего выступления, что я отстаивал их интересы, ко мне будет у них отношение совсем другое. Правда, лучше им жить от этого не станет, но я им скажу: «Видите, я же вас обо всем предупредил, почему же вы не боролись?» Это будет уже у меня претензия к ним...

Я днем и ночью думаю об этих проблемах. Другой жизни у меня нет. Для дома я фактически не существую. А у меня ж пятеро детей. Супруга мне говорит: «Я уйду от тебя. Или пиши мне расписку, что ты больше не ввяжешься ни в какие авантюры, в политическую деятельность... А так — лучше уж ты там будь...»

А что я могу поделать? Когда я заявляю об уходе из ВС СССР, мне постоянно говорят на это: «Ну, Леонид Иванович, если и вы уйдете, кто ж тогда останется?»

Григорий КРОШИН

Михаил ГЛОБАЧЕВ

ПЕРЕСТРОЙКА — ПРОВОКАЦИЯ ПАРТАППАРАТА?

Демократическую интеллигенцию российского культурного пространства всегда отличала особая вера в силу слова, способность опьяняться девизом. На другом конце идейного спектра ученики Маркса и Ленина десятилетиями выстраивали систему словесных знаков-указателей, подменивших реальность. Во времена гласности мифотворцы и мифоборцы часто выступают с психологически близких позиций.

В феврале нынешнего года демократы наперебой печатали статьи о «последнем мифе», расправляясь с верой в доброго президента, который решил сразиться с партократией для блага народа. В начале апреля крах власти Горбачева казался близкой вероятностью, но к маю союзный лидер вновь сумел доказать свое тактическое превосходство над оппозицией — как «справа», так и «слева».

Бесспорный автор перестройки «вдруг» оказался во всех отношениях не тем, кого мечтали в нем обрести. Но отечественная мифология подобна арбатским карикатурным матрешкам, и сейчас из-под разъяренной пустотелой оболочки очередного кумира многие либералы и гуманисты с готовностью извлекают образ хорошей перестройки, которая преследовала изначально благие цели, была предана своим пошатнувшимся лидером, а теперь понемногу оживает в лучах «весенней оттепели» здравого смысла.

Суждено ли этому мифу стать последним?

I. АПОЛОГИЯ ЗАСТОЯ

Сегодня мало кто, кроме преподавателей научного коммунизма, помнит, что среди схоластических двенадцати признаков развитого со-

циализма числилась загадочная способность «развиваться на собственной основе». На самом деле роль этой основы в брежневское двадцатилетие играл сырьевой экспорт — классическая хозяйственная модель многих стран третьего мира, способная приносить устойчивое процветание при определенных условиях. Важнейшие из них: отказ от индустриальной гигантомании, от гегемонистских амбиций и сверхмилитаризации экономики, а также продовольственное самообеспечение. Следовательно, стабильность застоя не могла оказаться долговечной. Тем не менее в реальности эпохи страна и ее люди вписались вполне органично...

К 80-м годам в Советском Союзе после всех бурь и потрясений сложилось уродливое, но реальное подобие общественного соглашения — ситуация, в целом устраивавшая абсолютное большинство ее участников. Пример с имитацией труда и видимостью зарплаты стал уже избитым. Но тот же принцип действовал во всех сферах, будь то международные отношения, искусство или деятельность госбезопасности. Система принуждения, оставаясь формально всеобъемлющей, потеряла непроницаемость, и воля к деятельности сопротивлению в «низах» угасала (отсюда и мнимый парадокс перестройки как революции сверху, совершенной одним человеком, и феномены многих ее славных «прорабов», которые прежде вели себя как обычные конформисты). Общество быстро погружалось в маразматический гомеостаз: настала эпоха расслабленной круговой поруки.

При Брежневе социализм вплотную приблизился к официально провозглашаемому идеалу — единению всех и вся в бесструктурном люмпентстве; по сути, к реальному постсоциализму. Но тут же отпрянул,

устрашившись собственного отражения в болоте.

По канонам диамата, достигнутая цель есть отрицание пройденного пути; в житейском осмыслении «лучшее — враг хорошего». Марксистской идее для поддержания жизненного тонуса мучительно не хватало тотальной классовой войны с внутренним и внешним врагом. Наиболее пронзительные «комиссары в пыльных шлемах» ощутили смутную угрозу своей идейной легитимации.

Не случайно, едва разрядка стала приносить первые скромные успехи, плоды Хельсинки были спешно затоптаны сапогами «воинов-интернационалистов». Не окажись под рукой Афганистана — нашли бы другой предлог. С врагом внутренним было сложнее. Ни тебе вредителей-троцкистов, ни кулака-мироода — предшественники поработали на совесть, «обездолить» современных продолжателей ленинского дела.

II. ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛИ

Горбачева восприняли поначалу как верного, не слишком изобретательного наследника андроповских кампаний против коррупции и нарушений дисциплины. Именно этой линии следовали его первые директивы: о борьбе с пьянством и нетрудовыми доходами. Кое-что об изначальном размахе смелого реформатора может сказать и кафкианский сценарий молодежного фестиваля (1985), разработанный ведомством покойного наставника в духе усиленной охраны москвичей и гостей столицы от взаимного общения.

Крутой и довольно неожиданный поворот произошел два года спустя. Любопытна одна из «народных» версий радикальной перестройки. Сог-

ласно ей, летом 1987 года во время отдыха генсека на Кавказе местная мафия покушалась на его жизнь. После этого Горбачев будто бы смекнул, кто его настоящие враги и союзники, отвернулся от бюрократов и стал поддерживать демократическую интеллигенцию. Остается добавить, что во все времена основным источником подобных слухов был КГБ...

Каковы бы ни были подлинные мотивы перестройки, они не имеют ничего общего с романтическим воображением. Логичнее предположить другое: ставшие привычными методы «очищения» в ходе вялотекущих показушных кампаний против социально аморфных и идейно несостоятельных субъектов были отброшены тогда, когда новый лидер впервые дерзнул поставить двойную и двойственную — внутренне противоречивую, почти взаимоисключающую — цель: одновременно модернизировать систему социализма и активизировать его принципы.

Одна из этих силовых линий направлена в неявное будущее; другая — в добрежневское, даже дохрущевское прошлое (которое не осмелился или просто не успел возродить Андропов). Первая определяет интеллектуальное и волевое превосходство Горбачева над его застойными предшественниками и окружением; вторая — обесценивает все домыслы о превосходстве моральном, духовном.

Любые попытки модернизировать «планомерно развивающуюся» систему с неизбежностью были и остаются импровизацией. «Активность» же марксистской идеи всегда и всюду неизменна; для нее — как за сотни лет до Маркса обосновали теоретики инквизиции — необходимы два момента: наличие подозрительной особы и прецедент «порчи». То и другое обществу, выходящему из ступора недоразвитого постсоциализма, предстояло целиком и полностью воссоздать.

Враг потребовался, и он был вырашен в реторте перестройки. Сначала временно «растерявшаяся» власть работала на демократизацию общества, затем — приблизительно с момента XXVIII съезда КПСС — роли поменялись.

Отечественные либералы не прочь закритиковать слепоту и эгоизм западных собратьев в отношении к советскому режиму. Стоит задуматься: не проявили ли мы те же

самые качества, принимая глубинную стратегию за дряблое «запаздывание решений»? Правда, в тоталитарной стране такое поведение легко обманывает необычностью: однако был уже прецедент — в маоистском Китае. Возник лозунг «Пусть расцветут сто цветов»...

Политику Горбачева любят сравнивать с маятником. Однако колеблется он отнюдь не в амплитуде меж тоталитарным коммунизмом и неким вариантом демократии (как это часто представляют) — но именно между «активаторами» лигачевского типа и «модернистами» в рамках соцвыбора с «человеческим» лицом. Отсюда частая смена сотрудничающих команд — как только та или другая линия притяжения временно берет верх в сложной игре генсека. (Он, похоже, единственный на верхнем этаже союзной власти не «прилипают» лишь к одному из полюсов; только в этом пространстве и действует его «идеальный центрзм».) Неудивительно, что в перетасовках заведомо выигрывают либо самые незаметные, как заместители Ивашко и Янаев, либо самые беспринципные, как премьер Павлов и глава союзного телевидения Кравченко. В этом смысле новейший состав компаньонов по перелицовке социализма существенно приблизился к стратегическому равновесию (что не устраняет тактических противоречий между ними).

III. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

1. Единственные реальные силы в сегодняшней «битве титанов» на союзной арене — не большевики и буржуазные демократы (последним, будь то любая из неприсоединившихся республик или новых партий, далеко не то что до титанической мощи, но, по «гамбургскому счету» борцов, и до ковра). Это все те же коммунисты-«модернисты» из ново-огаревской компании и «активаторы» из союзного парламента и правительства. Так что, задаваясь вопросом, чей успех предпочтительней, попробуйте для наглядности персонифицировать обе силы. Скажем, в образах президента Узбекистана Каримова и председателя Совета национальностей Нишанова. Именно такой род альтернативы называли в старину выбором дьявола.

2. Благодаря «плюрализму мнений» КПСС укрепила свое единство

в процессе естественного самоочищения от «случайных людей». Ее идеология окончательно отбросила словесные приличия и уже не камуфлирует свою великодержавную, шовинистическую природу. Раньше ленинский ЦК периодически вырубал все, что слишком высывалось из-под его покрывала как «влево», так и «вправо». За годы перестройки им любовно взлелеян ударный отряд российского национал-социализма под эгидой РКП.

3. Реставрирован ряд традиционных образов врага, казалось, прочно отброшенных в небытие: «буржуазные националисты», «криминальная буржуазия, распродающая Отечество», «лжедемократы на содержании западных спецслужб» и т.п. Все эти жупелы имеют достаточно массовое приложение, а главное, подчеркнута классовый характер. Политика Горбачева прямо спровоцировала создание питательных для коммунистической идеи очагов нестабильности, выделив обширные территории для отработки приемов борьбы с «реакционными нациями» (это определение, ожившее в 1988 году под пером Нины Андреевой, принадлежит Марксу — Энгельсу).

4. Ни одна из карательных структур коммунистической власти не только не сократилась в ходе перестройки, но все они значительно расширили свои бюджеты и законные полномочия. ГБ и милиция легализовали неограниченное право распоряжаться по своему усмотрению достоинством любого гражданина. Милитаризация общества достигла неслыханных размеров; специально создан мощный пропагандистский и репрессивный аппарат в поддержку воинской повинности и психологии «осажденной крепости». Долгожданная профессионализация армии начата с экспедиционных — по сути, карательных — корпусов за пределами России. Нетрудно представить последствия этого новшества...

5. Экономическое насилие государства над личностью приобрело невиданный со времен Сталина размах. В потреблении распределительная несвобода стала господствовать на всей территории страны. Финансовые репрессии павловского кабинета — лишь начало планируемой серии конфискации. Хозяйственные механизмы застоя были разрушены отнюдь не по неразумию, и не случайно «запаздывала» их за-

мена. В перспективе — не более либеральная, как старались уверить иные, но гораздо более жесткая экономическая система.

6. Под лозунгами рынка и приватизации идеологическая элита получила возможность легально обеспечить себе и потомству (независимо от желания и умения последнего вписаться в пайковую номенклатуру) новый, более совершенный уровень благосостояния, сформировав компрадорский класс по образцу некоммунистических стран третьего мира. При этом как непоколебленные монопольные позиции, так и все перестроечные законы надежно ограждают их от любой конкуренции. Западу же так или иначе придется платить на нужды советского военно-индустриального комплекса — за сокращение военного присутствия СССР в мире, объединение Германии и прочие мнимые жертвы доброй воли. Операция по «выравниванию линии фронта» достигла цели.

Вывод однозначен: несмотря на все «издержки» демократизации, сегодня мы живем в гораздо более советском и социалистическом обществе, чем шесть лет назад. Именно этот результат заставляет думать, что перестройка никуда не отступала: с самого начала она была наступлением с обманными маневрами. Раскритикованный радикалами всех идейных лагерей лозунг горбачевской революции воплотился вполне «диалектически»: больше демократии — для одних, больше социализма — для других. Для «верхов» — больше экономической независимости и свободы от политических догм. Для «низов» — больше унижений, нищеты и смертей. Грандиозная политическая провокация, достойная Ульянова и Джугашвили, завершила свой «нулевой цикл».

IV. НАДЕЖДА ЛИБЕРАЛОВ

Роковой, основополагающий вопрос: будет ли маятник горбачевской политики остановлен «правой» или «левой» рукой — и когда это может случиться? Решить его теоретически, на бумаге, в принципе невозможно. Не исключено, что при любом развитии событий страну провалившегося «особого пути» ждет мало-симпатичный гибрид не самых передовых реалий мировой практики. Запутанные перипетии «романа» с

Западом больше подтверждают, чем опровергают такую перспективу.

Все же известную надежду дает память о недавних событиях в Персидском заливе. Тогда не только здешние поклонники Саддама Хусейна ворожили блестящую победу идейных патриотов над «наемниками», но и вполне прозападно настроенные демократы предсказывали

длительную кровавую войну, которая поколеблет позиции Соединенных Штатов и их президента. Действительность жестоко посмеялась над первыми и приятно удивила вторых.

Это ни в коем случае не «аллюзия» и тем более не прямая параллель. Скорее метафора неизбежной судьбы тоталитарных режимов в изменившемся мире.

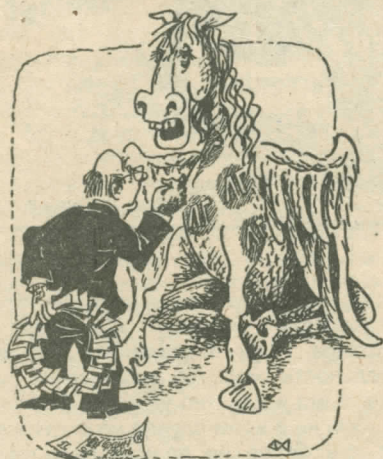
Москва:

«ПАТРИОТИЗМ» ПОДОРОЖАЛ

Красноречивый документ появился на стенде профкома в издательстве «Литературной газеты». Распоряжение, генерального директора гласит: в связи с повышением цен ежемесячно выплачивать работникам издательства по сто рублей из средств Союза писателей СССР. Согласно постановлению секретариата СП компенсацией «охвачены» технические службы, а также штатные сотрудники газет: «Литературная Россия», «День», «Московский литератор» и журнала «Наш современник». Единственное издание, которого сей гуманный шаг писательской братии не касается, — «Литературная газета», хоть тираж ее и превышает тиражи всей вышеупомянутой периодики вместе взятой, а в штате газеты (самом обширном в объединении) немало членов писательского союза.

Причина такого неравномерного распределения «матблаг», очевидно, вот в чем. «Литературка» не так давно вышла из-под отеческого крылышка Союза писателей, не посчитавшись с возможными последствиями. А с творческим союзом, вернее, с его секретариатом, шутки плохи...

Михаил ЮЛИН

Липецкая область:

ЖИВУТ ЖЕ СВИНЬИ!

В одном из совхозов области так разжирили к моменту начала перехода от социализма сами знаете куда, что для создания особой мясной продукции свиней кормили... (не падайте в обморок, читатель) натуральным мясом!

А все потому, что у нас все плано-во. По плану следовало в хозяйстве забить скота общим весом в 2,1 тонны. А куда девать остальную скотину, набравшую убойный вес? Корма тратить на нее уж больно накладно. Следовательно, надо план перевыполнять. И перевыполнили: забили «крупного рогатого» аж 40,8 тонны.

Но в приемных пунктах тоже не дураки сидят, у них тоже есть план и излишки мяса без надобности. Сначала директор совхоза горевал: пропадает почем зря ценный продукт... А потом — из-за отсутствия условий хранения — взял и законно-планово списал. Несколько тонн удалось продать. А остатками кормили хрюшек.

В конце концов приноровились и выработали четкую систему сверх-планового забоя и планового списания. Сколько мяса съели за три года хавроньи — неизвестно, зато известно, что пришлось попросту выкинуть (уж и свиней воротило) больше трех с половиной тонн одной только говядины.

Как вы думаете, чем кончилось? Правильно, прокуратура возбудила уголовные дела против директора совхоза и главного бухгалтера. Неясно пока, сколько времени им будет предоставлено на осмысление философской проблемы: как так — государство сначала вынуждает мясо выбрасывать, а потом за это еще и наказывает?

Олег КОРНЕЕВ

Нижний Новгород:

ОН ДРУГОЙ ТАКОЙ СТРАНЫ ТАК И НЕ УЗНАЕТ...

В районный суд поступило исковое заявление от гражданина (пар-

дон, бывшего гражданина СССР) Виталия Бушуева о привлечении к уголовной ответственности бывшего начальника УКГБ СССР по Нижегородской области Юрия Данилова и сменившего его на этом посту Валерия Тимофеева «за злоупотребление ими властью, что выражается в совершении... этими руководителями... беззаконий и садизма» по отношению к истцу. Второе заявление Бушуев подал на ряд руководителей облисполкома и областного управления внутренних дел.

Все началось 17 лет назад, когда Бушуева отчислили из местного политехнического института «за критические выступления...». Виталию инкриминировали также «клеветнические измышления, порочащие...» и пр. В том же году начались трения с КГБ из-за анонимного письма, отправленного экс-студентом в «Правду». Были угрозы, были проблемы с трудоустройством. Виталий не выдержал и написал письмо Брежневу: просил лишить его гражданства и дать возможность уехать из страны. Вместо «забугорья» угодил в психушку на три месяца.

Ходатайство о лишении гражданства было удовлетворено лишь в 1989 году. Но! Отпускать из бывшего отечества Бушуева никто не спешит. А всех сомнительных прав советского человека он уже лишился. Ни работы, ни средств к существованию. Вот и пишет он свое очередное послание Михаилу Горбачеву: «В сорок пятый раз прошу вас дать указание... срочно оформить и осуществить высылку меня из СССР». Союзный президент молчит. Такими же безответными остались письма Бушуева к Джорджу Бушу и Борису Ельцину.

А заявление в райсуд — это уже, похоже, просто крик отчаяния...

Андрей СМЕРНОВ

Калужская область:

РЯДЫ КРЕПЧАЮТ...

В политико-географическом аспекте Калужская область напоминает Соединенные Штаты середины прошлого века: промышленно развитый север и отсталый сельскохозяйственный юг.

В северных районах, что ближе к Москве, и дороги приличные, и хо-

зайства крепкие, и народ не столь затюканный... На южной окраине области еще можно встретить избы с соломенными крышами, колхозы и совхозы прозябают в нищете, а властвуют по-прежнему райкомовские бонзы. Но и тут они поубавили спеси, вынуждены крепить ряды своих организаций не только «белой партийной костью», но и прочими «товарищами».

Хвостовическая районная газета «Знамя Ленина» с пафосом поведала читателям о решении коммунистов райпотребсоюза восстановить в рядах КПСС некоего В.И.Соломонова. В свое время Василий Иванович изрядно проворовался на посту начальника райбытуправления, был изобличен в приписках и осужден на два года исправительных работ. Из партии, разумеется, вылетел. А теперь вот...

«На серьезный шаг решился В.И.Соломонов, и хочется от души пожелать ему новых дел на благо народа и партии!» — восклицает журналист «районки». Интересно, на какой срок потянут «новые дела» коммуниста Соломонова в райпотребсоюзе?

Александр ШИБАНОВ

Тольятти

ДЕПУТАТОВ ИЗБИВАЮТ...

Еще немного — и депутат городского Совета народных депутатов П.Ф. Безгузиков расстался бы с жизнью: стальной прут просвистел в каком-то миллиметре от головы. Двое здоровенных бугаев, впрочем, не смутились и «обработали» депутата на всю катушку: ссадины на спине, отбиты внутренности...

П.Ф.Безгузиков — местная знаменитость. За последние три года он судился двадцать три (!) раза — и выиграл все процессы до одного. А исковые заявления писали отнюдь не «кухаркины дети»: директора торговых объединений, председатели кооперативов, руководители промышленных объединений. В последнее время герой нашей истории неоднократно публиковал разоблачения торговой и прочей мафии на страницах молодежной газеты «Волжский комсомолец». Не так давно Безгузиков понял: с ним «заговорили» намного серьезнее,

чем раньше. Поджог квартиры — «первый звонок». А теперь вот это нападение.

Мнение специалистов оперативно-розыскного бюро при МВД Российской Федерации однозначно: это была месть. На вопрос журналистов: сколько же в наше время стоит избивание народного депутата? — те же самые специалисты ответили: «Это зависит от личности жертвы и от того, кто заказывает «музыку». Судя по всему, деньги за Безгузикова кто-то из «обиженных» отвалил немалые...

Надежда ОЛЬШЕВСКАЯ

Ярославль:

ДЕПУТАТ БУРОВ И МЕЛОМАНЫ

Не раз он восстанавливал электронную систему голосования в конференц-зале обкома КПСС. С тех пор как в зале начали проводиться концерты классической музыки, система регулярно выходит из строя. Кнопки, контакты и прочие штучки, которыми оснащены кресла, отвинчиваются и уносятся меломанами.

Вечерние концерты слушает почтенная публика. Таким образом, подозрение падает на детей, насильно приобщаемых родителями и школой к музыкальной культуре по абонементам. А фирма «Омега», в которой работает Сергей Буров, депутат облсовета, отвечает за исправность системы, состоящей из тех самых кнопочек и клеммочек. В последний раз депутат привел систему в порядок перед сессией облсовета. После нее станет окончательно ясно, кто радиолюбители — отцы города или дети.

Александр ПЕТРОВ

Киев:

НЕ ОБЕЩАЙТЕ ДЕВЕ ЮНОЙ

Что в интересные жизненные моменты обещают юным девам, мы вроде бы знаем — из рассказов бывших юных дев и анекдотов. Но даже

когда вы готовы на все — удержите эмоции при себе и лучше подарите цветы или потрясите девичье воображение всеми звездами на небе, но не произносите вслух слова «Бурда», имея в виду иллюстрированный немецкий журнал. Потому как далеко не каждый сможет не то что подарить, но даже пообещать один номер за шестьдесят рублей. Старая мужская традиция «брать на троих» в этом случае не выручает — все равно дороговато. Да и не разольешь (извините, не разорвешь!).

Лучше уж подарите деве собачку. С собачки можно начесать пух, спрячь нить, а затем связать все, что угодно, и продать. И купить себе журнал. Для справки: стрижка королевского пуделя (большого), у которого действительно прекрасная шерсть, стоит пятьдесят рублей, а цены на собачьем базаре резко прыгнули.

Словом, все дорого. Так что лучше ничего не обещайте деве юной, а женитесь на ней: кто же из семейного бюджета «Бурду» покупает?

Виктор ОЛЕНЧУК

Осколки собирали Кирилл РЫБАК и Елена АВЕРИНА
Карикатуры рисовал Константин РЫБАЛКО
Наш телефон 921-52-78

В. ВАСИЛЬЕВ
М. ГЕЛЬМАН

НЕСОГЛАСИЕ НА «ШАНС»

Затишье после эйфории, нагнетавшейся вокруг программы «500 дней», оказалось непродолжительным. На очереди широкая реклама «сенсации на завтра» — «плана Маршалла» для СССР, называемого «Согласие на шанс». Его инициаторами являются те же авторы.

Принципиальной ошибкой программы «500 дней», на наш взгляд, стала попытка перенести условия, характерные для установившихся рыночных отношений, в сегодняшнюю экономику, не обеспечив предварительно возможность для возникновения этих условий.

Расписав движение экономики, нельзя гарантировать осуществление намеченного «прибытия» в рынок. Причина здесь элементарная — нельзя заставить человека потратить деньги именно так, как хотелось бы авторам различных программ. Вспомним хотя бы повышение цен на спиртные напитки. Хотели решить бюджетные проблемы — получили в нем «зияющие дыры» плюс сахарный дефицит и всплеск наркомании. В том же ключе была проведена и апрельская реформа цен, после которой многие люди отказались покупать ряд продуктов даже при наличии денег. В «500 днях» людям предлагалось купить в рамках приватизации их же собственность.

Нежелание признать человека субъектом рыночных отношений превращало программу «500 дней», впрочем, как и многие другие, в декларацию о намерениях, часть которых была направлена по существу на продолжение закабаления личности. Поэтому отказ от ее выполнения был, по нашему мнению, вполне закономерным. И если со стороны руководства страны этот шаг, вероятно, явился результатом осознания ситуации, то мотивировка авторов «500 дней», думается, оказалась не совсем искренней. Причины несостоятельности программы заклю-

ВАСИЛИЙ ГЕОРГИЕВИЧ ВАСИЛЬЕВ. Окончил экономический факультет МГУ, кандидат экономических наук, специалист в области политэкономии и финансов. Опубликовал около 30 научных работ.

МОИСЕЙ МЕЕРОВИЧ ГЕЛЬМАН. Окончил Азербайджанский индустриальный институт, кандидат технических наук, специалист в области разработок информационно-измерительных систем, автор пяти монографий и 70 изобретений.

Совместно опубликовали в «Аргументах и фактах», «Независимой газете» и других изданиях ряд статей, посвященных восстановлению в стране товарно-денежного обращения.

чались не в изменениях внешних условий, якобы блокировавших ее реализацию, как утверждали авторы программы, а в отсутствии тех условий и механизмов в самой программе, которые были необходимы для восстановления рыночных отношений.

Таким образом, авторы «500 дней» вовремя сняли с себя ответственность, но все-таки оставили за собой все комплименты, выданные не только советской, но и зарубежной общественностью и прессой, что позволило им пребывать в вызывающем сочувствии положении «без вины виноватых» и продолжать раздавать советы.

Вызывает, мягко говоря, удивление, с какой легкостью авторы несо-

стоявшегося ускоренного вхождения в рынок вновь находят сторонников, но теперь новой программы, именуемой «планом Маршалла» для СССР. Однако есть серьезные опасения в том, что идея вывода страны из кризиса путем интеграции с мировым сообществом окажется очередным лозунгом, если учесть, что объединяться, в полном смысле этого слова, то есть с целью сотрудничества, могут только равноправные партнеры.

Вспомним, что «план Маршалла» был направлен в свое время на восстановление разрушенного хозяйства стран послевоенной Западной Европы и его успех был предопределен сохранившимися в них рыночными отношениями. В нашей же стране сегодня наблюдается противоположная картина: существует мощный промышленный и интеллектуальный потенциал, обеспечивающий, в частности, реализацию космической программы, но действующая надстройка не соответствует требованиям законов рыночных отношений и оказывает негативное влияние на развитие народного хозяйства страны.

Широкое экономическое сотрудничество с Западом безусловно необходимо. Однако оно окажется действенным лишь в том случае, если мы сами (больше никому) создадим условия для восстановления рыночных отношений, загнанных после нэпа в подполье и принявших уродливые и вызывающие возмущение формы. В этом «план Маршалла» нам не поможет. Законы экономики объективны, и им надо обеспечить среду для своего легального проявления. Необходимо менять характер производственных отношений.

Можно ли пойти за покупками на рынок, не имея денег? Авторы «500 дней» и инициаторы «плана Маршалла» для СССР полагают, что можно. Иначе почему первоочередная проблема создания отечественной конвертируемой валюты ими, по существу, игнорируется? А ведь это заранее предопределяет подчиненную роль нашей страны на мировом рынке. Скорее всего это будут отношения метрополии и колоний, которые пытаются сегодня навязать некоторые экономисты, оставляя народу роль статиста. Полагать, что всего этого не осознают на Западе, по меньшей мере наивно. В этих условиях принципы «сотрудничества» будет диктовать одна из сторон.

Чтобы этого не произошло, необходимо предварительно создать условия для равноправного партнерства. Первые шаги в этом направлении мы должны сделать сами, исходя из имеющегося исторического опыта развития экономики нашей страны, который показывает, что выход из кризиса должен, в первую очередь, начинаться, как и во время нэпа, с восстановления товарно-денежного обращения.

Первым практическим шагом восстановления в стране товарно-денежного обращения должно явиться обеспечение экономической независимости личности, что предполагает, в частности, свободу выбора для каждого лица рода занятий и распоряжения своими доходами, а также доступа на рынок любой страны. Материальной основой для этого явится отечественная конвертируемая валюта (без денег дорога только на паперть).

До сегодняшнего дня бумажный рубль в нашей стране служит фигурным листком, прикрывающим принудительное распределение продукции между потребителями. Фактически это не деньги, а талонная система. Отсутствие денег как меры стоимости привело к субъективизму в ценообразовании. Это главная причина нынешней инфляции.

Начиная с 30-х годов экономикой страны управляли из Центра, как большим заводом. «Завод ширился, следить за ним становилось все труднее, роль «талонных» денег прижилась все больше и больше.

Поэтому достаточно было нарушения центральных связей управления — гаранта «талонных» денег, чтобы так называемые хозяйственные или, точнее, директивные связи предприятий разрушились полностью. В мае 1990 года правительство СССР, признав необходимость повышения цен и тем самым фактически несостоятельность существующей денежной системы, спровоцировало усиление ажиотажного спроса. Резко возросла масса бумажных денежных знаков. Это, в свою очередь, обусловило рост цен и, следовательно, заработной платы. Все расходы покрывались и покрываются эмиссией бумажных денег. Так был включен механизм галопирующей инфляции, действие которого поддерживается компенсациями и намечаемой индексацией.

Для вывода страны из кризиса и создания условий для равноправного партнерства с зарубежными предпринимателями необходимо иметь отечественную конвертируемую валюту. Она у нас была и есть. Это золотой запас, который достаточно использовать в качестве товара, исполняющего все функции денег: меры стоимости, средства обращения, средства платежа, мировых денег и сокровищ. Другого подхода, как показывает история развития экономических отношений и, в частности, нэпа, для восстановления товарно-денежного обращения не существует. Для этого достаточно выпустить золотой рубль, а для удобства его обращения — соот-

ветствующую бумажную копию. Такой подход нравственно и социально справедлив, так как превращает заработанные населением деньги в реальный товар и не носит конфискационного характера.

Но если просто покупать на золото за рубежом продукцию, без его оборота внутри страны в качестве денег, то это ведет к проеданию нашего золотого запаса. При этом предварительный обмен отечественного золота на бумажные денежные знаки других стран, практикуемый много лет, фактически поддерживает авторитет зарубежных валют, в первую очередь доллара. По некоторым данным, в 1990 году за рубежом было «продано» или заложено более 230 тонн советского золота. Однако подобным образом можно и необходимо поддерживать авторитет бумажного рубля, то есть показать, что за ним стоит реальный товар — золото.

Золотые деньги должны выпускаться в обращение под исключительной юрисдикцией Госбанка СССР. Вполне естественно, что эмиссия бумажных денег ограничивается золотым резервом, предназначенным для их обмена по первому требованию. Кстати, на золото обменивается бумажный швейцарский франк. Да и бумажный доллар поверяется золотом на международных рынках. А во время нэпа золотой червонец позволил увеличить товарооборот за 1923—1924 годы в два раза.

Наличие в обращении золотого рубля, не подверженного инфляции, явится материальной основой экономической свободы личности, создаст мотивацию к производительному труду и расширенному воспроизводству, и в конце концов возникнут необходимые условия для успешного развития рыночных отношений.

Легализация в стране рыночных отношений также является, несомненно, первоочередной задачей, и решение ее зависит от восстановления товарно-денежного обращения. Но этот процесс будет проходить не в вакууме, а в реальной экономической жизни, которую именуют социализмом. Социализм — это не что иное, как следующий за капитализмом в его высшей стадии развития этап, когда коллективная собственность становится общенародной. Кстати, «капитализм» происходит не

Москва, год 1921. Очередь у столовой №1 (Комитет общественного питания).

от слова «капиталист», а от понятия «капитал», лежащего в основе социализма. Однако проблема нашей жизни заключается в том, что члены общества лишены права распоряжаться своей долей прибыли, то есть фактически не являются хозяевами общенародной собственности. Налицо явное противоречие между декларируемой собственностью и реальной. Как устранить это противоречие? Раздробить и продать средства производства в частную собственность — значит превратить нашу экономику в кустарное производство и возвратиться в XIX век. Но даже этого нельзя сегодня осуществить в полной мере, так как имеется сравнительно небольшая группа состоятельных людей, способных, по оценкам, купить всего лишь не более 10% средств производства, в то время как большинство наших сограждан — малоимущие. Поэтому если пойти на приватизацию государственного имущества путем его распродажи, а не обеспечить всем членам общества равные исходные возможности для «вхождения» в рыночные отношения, то это ускорит процесс дальнейшего обнищания значительной части населения и появится сравнительно малочисленный класс эксплуататоров.

Процесс «приватизации» уже идет. Более того, предложения распродажи общенародного имущества дополняются новыми идеями. Под обещание в ближайшем будущем прогресса от партнерства с Западом предлагается отдать часть народного имущества в распоряжение определенных лиц. Для них согласно одной из версий «плана Маршала» в счет кредитов страны «семерки» должны будут ввозить товары под гарантии правительства СССР. А эти гарантии — общенародное достояние. Исходя из своих «демократических» настроений, авторы такого подхода утверждают, что все, кто пожелает, смогут принять участие в этом процессе. Смогут же немногие. Поэтому распоряжаться общенародной собственностью будет не народ, а круг избранных. Всем остальным оставляется «привилегия» продавать свою рабочую силу.

Все это наряду с начавшейся «долларизацией» нашей денежной системы, инициируемой этим новым

нарождающимся классом, будет способствовать его же становлению на прежних позициях командно-административной системы.

Чтобы создать равные стартовые возможности всем потенциальным субъектам рыночных отношений, каждому взрослому гражданину надо выделить первоначальный капитал путем раздела определенной части общенародной собственности на правах коллективной собственности, что диктуется характером современного производства, его технологией и масштабностью.

В раздел должно быть вовлечено и ранее «приватизированное» общенародное имущество, в том числе объединение «КамАЗ» и другие акционированные предприятия. Неостребованное после раздела имущество может быть распродано на правах частной собственности.

Чтобы избежать уравниловки, необходимо долю каждого человека при разделе определять, исходя из удельной стоимости одного рабочего года стажа (исчисляется делением стоимости имущества, подлежащего разделу, на произведение среднего рабочего стажа и количества взрослого населения) и пропорционально проработанного времени. По оценкам, стоимость одного года рабочего стажа составит примерно 1000 рублей. Необходимо будет ввести поправочные коэффициенты, учитывающие сферу деятельности и условия труда, нормы для инвалидов, сирот, неработав-

ших матерей и военнослужащих.

Вложив свой первоначальный капитал в то или иное предприятие (завод, фабрику, кооператив, банк, страховое общество и т.д.), нынешние наемные (сами у себя) работники станут хозяевами и собственниками акций, заинтересованными в возрастании собственных капиталов.

Стимул зарабатывать отечественные конвертируемые деньги будет способствовать расширению производства отечественных товаров. Возможность приобретения зарубежных товаров, в свою очередь, вызовет их конкуренцию с продукцией отечественных предприятий, а угроза банкротства обусловит объективную необходимость снижения цен и обновления продукции. Указанный процесс будет саморазвивающимся.

Создание финансовой основы экономической свободы личности как субъекта рыночных отношений и наделение каждого человека первоначальным капиталом позволит строить отношения с зарубежными предпринимателями на равноправной основе. Любые планы помощи в этих условиях теряют изначальный смысл.

Сегодня же мы уподобляемся владельцу исправного автомобиля, багажник которого забит канистрами с бензином, однако бак пуст. И этот владелец, не зная, как завести двигатель, стоит на обочине дороги и просит проезжающих взять его на буксир.

Сухаревский рынок.

Юрий ЗДОРОВОВ

ГРАБЕЖ

Кое-что об издательствах
«Московский рабочий», «Правда»
и имуществе КПСС

В 1990 году издательство «Московский рабочий» совместно с советско-западногерманским предприятием «Вся Москва» выпустило в свет два сборника зарубежных детективов («Свидетели обвинения» и «Следствие продолжается») без ведома и, раз так, то и без согласия авторов и переводчиков. Дело, увы, не такое уж редкое, но на этот раз весьма симптоматичное. В принципе узнать о выходе новых книг всегда можно по публикациям «Книжного обозрения» или же просто в магазине. В описываемом случае информация в «Книжное обозрение» не поступало и, что уж совсем непонятно, сборники, выпущенные суммарным тиражом около четырехсот тысяч экземпляров двумя московскими издательствами, в Москве не продавались. Такие издания на жаргоне специалистов по книжному делу называются пиратскими. От кого так прятались?

Пикантность ситуации заключалась в том, что, во-первых, «Московский рабочий» на сей раз, кажется, обманул своего хозяина — МК и МК КПСС. Во всяком случае, в секторе печати горкома КПСС клянутся, что ничего о шалостях своего детища не знали, денег за эти издания не получали и виновных в этих художествах обязательно накажут. А во-вторых, создан международный прецедент. Беру на себя смелость предположить, что два упомянутых издания являются первым опытом участия, пусть и косвенного, западногерманского капитала в книжном пиратстве на территории СССР. Кстати, интересно было бы узнать, что думает о таком бизнесе издательство «Блау Хернер» — западногерманский совладелец «Всей Москвы».

Впрочем, гораздо важнее выяснить, на что может рассчитывать в такой ситуации советский законопослушный гражданин, скажем, автор или переводчик. Прежде всего он должен рассчитывать на счастливый случай. В нашей истории упомянутый сборник совершенно случайно увидели весной 1991 года на лотке книжного спекулянта в Москве. Во-вторых, он может рассчитывать на со-

ветский суд. Тот обяжет издательство выплатить автору по очень низким государственным расценкам то, что автор и так получил бы, если бы издательство вело себя честно и заключило с ним договор. Большого наш родной Гражданский кодекс обманутому субъекту авторского права дать не может. Все наказание издательству сведется к оплате мизерных в данном случае судебных издержек.

И все же, отчего партийно-государственная собственность охраняется законодателем люто, личная имущественная — сурово (посадить могут), а интеллектуальная как бы и не охраняется вовсе?

У меня есть гипотеза на этот счет, которую я постараюсь обосновать на примере издания зарубежной художественной литературы. Чтобы далеко не ходить за примерами, возьмем уже упоминавшееся «Книжное обозрение» (например, N 20). Из него мы узнаем, что за последнюю ко времени написания неделю в СССР изданы 34 зарубежные художественные книги общим тиражом около шести миллионов экземпляров. Более половины суммарного тиража выпущено партийными издательствами, а треть, почти два миллиона экземпляров, вышла в издательстве «Правда». Подобное положение более или менее типично, в этом году доля издательства «Правда» колеблется от 10 до 45% в месяц. Может создаться впечатление, что «Правда» — крупнейший мировой центр изучения зарубежной словесности: штука ли, треть книг громадной страны издавать! А вот и нет. Дело в том, что «Правде» специалисты по зарубежной литературе и не нужны, она собственно изданием и не занимается, она переиздает книги. Причем нередко миллионными тиражами. Каким же образом издательство «Правда» вырвалось в лидеры?

Чтобы издавать книги, надо, среди прочего, иметь бумагу и право на издание. Бумага у нас пока не продается свободно на рынке, а большей частью распределяется. Кто из экономистов объяснит мне, по какому такому принципу

третья часть бумаги, которую страна может выделить на издание зарубежной художественной литературы, оказывается в распоряжении одного издательства? Такое распределение бумаги влечет на собой и перекачивание доходов от обделенных издательств к привилегированному счастливчику. В несколько упрощенном виде ситуация выглядит следующим образом. Специализированное издательство, допустим, «Радуга», выпускает новую книгу зарубежного автора. Самые большие затраты связаны именно с первым изданием книги — отбор, рецензирование, перевод, редактирование, реклама. На этом этапе издательство «Правда» на сцене не появляется. Первое издание книги обычно выходит тиражом не более пятидесяти — ста тысяч экземпляров. В случае успеха появляется возможность переиздания. Если зарубежное произведение не защищено иностранным копирайтом, то на сверхприбыли слетаются те, кому везет с бумагой. А самым везучим в стране, как легко убедиться, является издательство «Правда».

И поскольку «Правда» не платит за право переиздания другим издательствам ни копейки — такова у нас практика, — то получается, что расходы несут одни, а прибыль получают совсем другие. И человек, работая в «Радуге», на самом деле работает на себя и свое издательство всего лишь на пятнадцать—двадцать процентов, а все основное время — на ЦК КПСС, которому принадлежит «Правда».

И не надо думать, что вопрос этот только экономический или политический. Симпатии или антипатии издательства «Правда» существенно влияют на представление советских людей о целых литературах. К примеру, стараниями «Правды» в середине восьмидесятых годов почти каждая вторая американская книга, изданная в СССР, была книгой Теодора Драйзера (17 миллионов экземпляров из тридцати пяти). При принудительном книжном питании издательская монополия дает возможность создавать совершенно уродливую и иска-

женную картину литературы целых стран.

А теперь я сформулирую свою гипотезу, впрочем, весьма очевидную. Интеллектуальная собственность у нас не охраняется потому, что это не выгодно ЦК КПСС. Интеллектуальная собственность — это то, что меньше всего боялись потерять и на чем рассчитывали нажиться. Чужая интеллектуальная собственность — один из основных источников доходов КПСС. Чтобы увеличить собственные доходы, надо не только получить беспрепятственный доступ к чужому добру, но и ограничить законного владельца в праве пользования своей же собственностью. Этому и служит способ распределения бумаги.

Обыденное сознание чаще всего связывает понятие интеллектуальной собственности с интеллигенцией, творческими работниками, людьми умственного труда. Боюсь, что в этом обыденное сознание заблуждается. Интеллектуальной собственностью обладают практически все нормальные люди. К этому виду собственности относятся не

только романы, кинофильмы, научные открытия, но и рационализаторские предложения рабочего, товарные знаки предпринимателя, кулинарные рецепты домохозяйки, агрономические приемы крестьянина, аранжировки дворового музыканта. Конечно, далеко не все они имеют коммерческую ценность, но это совсем не отменяет главного: право на интеллектуальную собственность есть одно из самых основных прав человека.

Так что же делать? Проводить экономическую реформу, переходить к рынку. Согласен. Но как двигаться к рынку в книгоиздании, если большая часть издательских мощностей страны и львиная доля современного полиграфического оборудования принадлежат КПСС? Как вырваться из порочного круга, когда экономическая мощь предопределяет политические возможности, а политическое давление обеспечивает воссоздание экономических преимуществ.

Говорят, надо совершенствовать законодательство. А вот с этим я решитель-

но не могу согласиться. Выше я пытался показать, что нынешнее гражданское право по-своему совершенно. Попробуйте создать что-нибудь безупречнее законов, которые позволяют ЦК КПСС делать что угодно с моей интеллектуальной собственностью. Да не обидятся на меня юристы, но это безупречное законодательство совершенствовать нельзя. Его можно только заменить на другое, построенное на существенно иных принципах. С этой точки зрения я с большой опаской слежу за работой Верховного Совета СССР в области авторского права и интеллектуальной собственности и приглашаю профессиональных юристов публично обсудить рассматриваемые там варианты, а также и уже существующие альтернативные.

Жаль, что не нашлось пока юриста, который бы воссоздал ту Конституцию СССР, по которой мы жили да во многом еще и живем до сих пор. Я имею в виду тот Основной Закон, который никем официально не принимался, но который может быть реконструирован из действующих законов, открытых и закрытых подзаконных актов. Статья об интеллектуальной собственности такой конституции могла бы звучать так: «Разрешения на обладание интеллектуальной собственностью выдаются компетентными органами». Мне кажется, наша юридическая наука еще ждет своего Оруэлла.

Называют и еще один путь выхода из этого порочного круга — национализацию имущества КПСС. Честно говоря, хотелось бы избежать такого развития событий. Боюсь, что КПСС ничего просто так не отдаст даже после намечаемого в России референдума на эту тему. А я сторонник ненасильственных действий. Поэтому еще до проведения референдума предлагаю попросить Президента СССР М. Горбачева издать указ о защите интеллектуальной собственности в стране на переходный период до принятия соответствующего цивилизованного законодательства. Если Президент не намерен делать этого, то я бы попросил Генерального секретаря ЦК КПСС собрать своих товарищей по партии и сказать им честно, по-партийному: «Ребята, кончай грабить». А для вящей убедительности как верховный главнокомандующий вооруженными силами страны он мог бы для острастки послать на Чистые пруды в Москве, во двор издательства «Московский рабочий», пару танков, штурмовавших литовский телецентр. Только, ради Бога, не надо стрелять. В успехе подобной операции я не сомневаюсь.

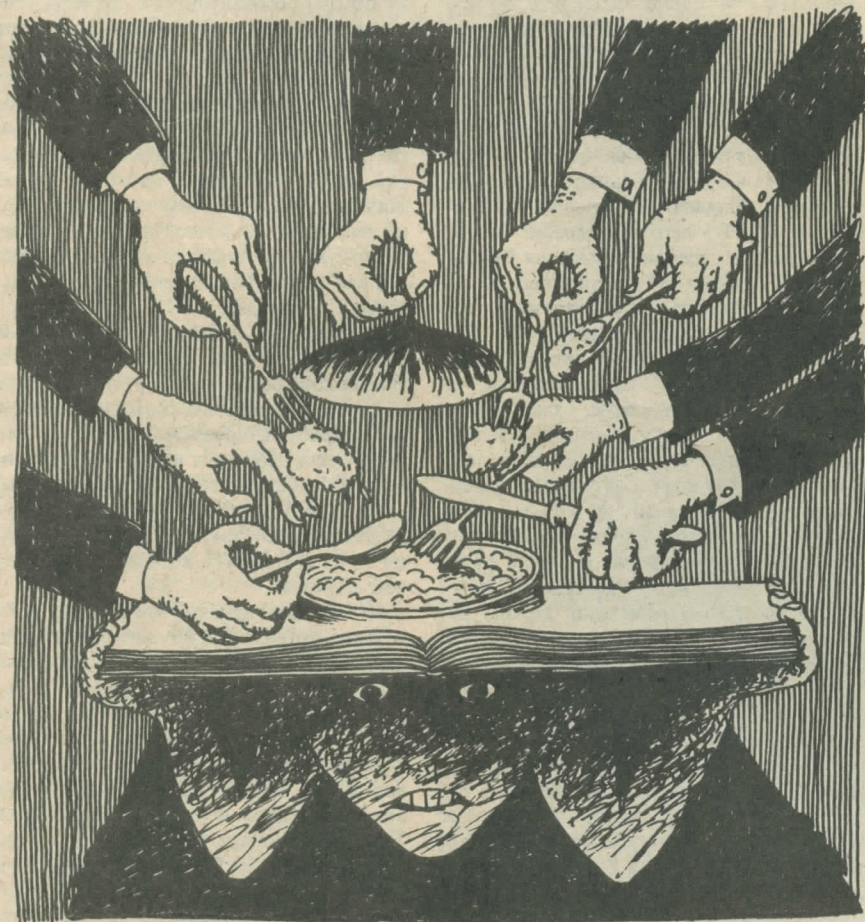

Рис. В. Пасичника

ДВОЙКА ПО ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЮ, или Несколько цитат из школьного учебника

О том, что нас подстерегает светлое будущее, мы знаем еще из школьных учебников. Эти учебники, стабильности которых можно лишь позавидовать (сравнив с нестабильностью нашего бытия), очень убедительно разоблачают поиски трубадуров капитализма, всячески клеветущих на коммунизм. Трубадуры, например, считают, что коммунизм — это общество социальной уравниловки, где каждому будут выдавать одинаковую порцию одних и тех же щей, одевать всех в стандартную робу и т.д. «Нарисовав такую мрачную картину, — констатирует учебник, — клеветники оплакивают участь «несчастливых коммунистических людей», которым-де придется распрощаться с личными вкусами, отказаться от всех радостей жизни и превратиться в стандартные манекены».

— Наглая ложь! — негодуют авторы учебника обществоведения для выпускных классов («Политиздат», 1987, изд. 23, Гос. премия СССР за 1980 г. Подготовлен коллективом под руководством Г.Х.Шахназарова). — Эти «буржуа пытаются судить о коммунистическом человеке по своему образу и подобию. Люди, воспитанные в духе буржуазной морали, попади они в коммунизм, действительно кинули бы клич: «Тащи, что можешь!» Однако в том-то и дело, что стяжатели в коммунизм не попадут».

Развенчав таким образом буржуев с их лженаукой и отказав им в коммунизме, наши ученые мужи в полном соответствии с марксистско-ленинской теорией рисуют светлое будущее четко и конкретно:

«Сознательному человеку коммунистического общества никогда не придет в голову дикая мысль требовать себе, скажем, особняк на 100 комнат, когда ему вполне достаточно трехкомнатной квартиры. Или увешивать стены своего жилища замечательными полотнами живописи, которым место в музее и других общественных местах, где каждый сможет ими любоваться. Или набивать сундуки одеждой, а погреб — запасами пищи, когда все, что ему действительно необходимо, он может свободно получить с общественного склада и из общественных запасов».

Прочитав это в своем учебнике, ученик 11 класса из города Петропавловс-

ка-Камчатского Андрей Гриц задает редакции вопрос: не опубликуете ли вы адреса этих складов и общественных запасов, где бы я мог «свободно получить» все, что необходимо? Список необходимого Андрей обещает прислать немедленно.

Нет, Андрюша, никаких адресов мы не даем. Представляешь, сколько наберит народу, если узнают, к примеру, адрес московской спецбазы N 208 (которая, по официальным данным, уже закрыта, а по неофициальным — функционирует всюю). Вероятно, нечто подобное имеет место и в твоём родном городе, где есть все необходимое, но только для тех, «кому по-

ложено». Правда, неясно, кто это так хорошо для них положил, что они могут «свободно брать все необходимое».

Можно добавить, что для этих же людей имеются и особняки, далеко превышающие по размерам трехкомнатные квартиры. С бассейнами, саунами, персональными автомобилями и прислужой. Прислужа же, как ты сам понимаешь, потому так и называется, что состоит при слугах народа, которые не нами наняты и не нам служат.

Остальная же масса жаждущих «получить все необходимое» может съездить за ним в те самые страны,

Рис. В.Пасичника

где живут трубадуры капитализма. Хотя и сама поездка, и приобретенные необходимые не каждому по карману. Но это уже детали.

Однако, задав свой вопрос, ты, Андрей, обнаружил свое незнание предмета. Выставляем тебе двойку по обществоведению. И напоминаем, что каждый ученик средней школы обязан знать, что коммунизм в нашей стране еще не построен. Вернее, недостроен. А если быть точными, построен частично. Одни (те самые «слуги») уже живут при коммунизме, другие о нем мечтают, а третьи даже и не мечтают. Словом, задуманное прекрасное здание превратилось в обычный наш долгострой. А может, это и к лучшему?

Различные теоретики намечали сроки окончания строительства. Никита Хрущев, например, обещал, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме. И даже называл точную дату: 1980 год. Другие ученые точной даты не называют, полагая, что главное не в сроках, а в краеугольных камнях. Были бы заложены эти камни, а там будет видно. А поскольку с камнями и вообще со стройматериалами сейчас туго (ничего не скажешь — дефицит), то теоретики за ход строительства ответственности не несут.

Ну а коль ответственность нулевая, то не грех пофантазировать относительно будущего. Вот и публикуют эти научно-фантастические байки в учебниках для школьников.

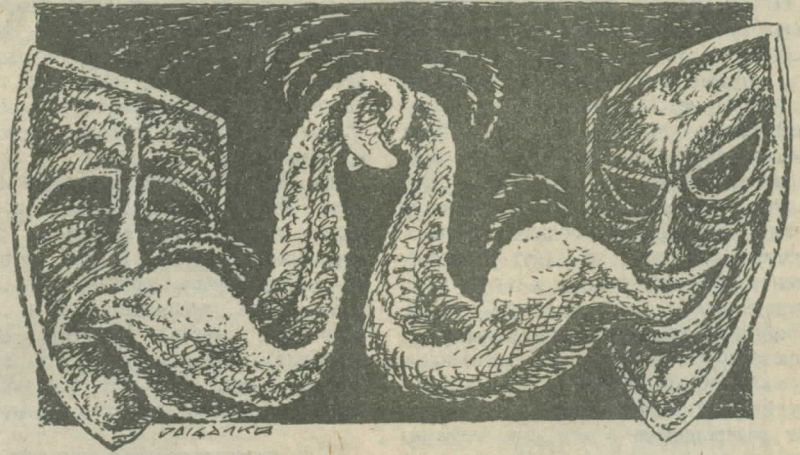
На днях газеты сообщили, что помощник Президента СССР Георгий Шахназаров (да-да, тот самый, под чьим руководством создан учебник) на одном из совещаний заявил: «Коммунистическая идея не может служить флагом практической политики, а следовательно, быть конкретной целью партии, претендующей на власть».

Вот так! Идея коммунизма флагом и целью партии, стало быть, служить не может, а предметом вбивания в головы нашим детям — пожалуйста.

Так неужели был прав тот, не приснившийся в кошмарном сне, а намалеванный гигантскими буквами и тиражированный по всей стране лозунг, гласящий: «Коммунизм — неизбежен!»? Даже если он остался сейчас только в школьном учебнике.

Юрий БОРИН

Михаил Роцин — один из известнейших современных драматургов, автор популярных в разные годы пьес «Валентин и Валентина», «Старый Новый год», «Спешите делать добро», «Мои Надежды», «Близнец», повестей и рассказов.

Уважаемая редакция!
Пишу Вам по поводу статьи Александра Минкина «Перевоплощение» («Столица», N 13), где автор «разбирает» (употребим такое слово) министра культуры СССР Н.Н.Губенко и, как видно из самого заголовка, обвиняет его в том, что вот, мол, Н.Губенко прежде был славным и честным малым, актером с любимовской Таганки («Поведение Николая Губенко всегда представлялось безупречным. Мужественный. Честный. Прямой»), а теперь, ставши министром, он сделался всего лишь «номенклатурной пешкой», игрушкой в чужих руках — со всеми, надо понимать, вытекающими отсюда морально-нравственными перевоплощениями. Статья резкая, «лобовая», без экивоков — вот как захотел, как думаю, так и пишу, невзирая!..

Ну что ж, вот я, человек, много лет знающий Н.Губенко, находящийся с ним в дружеских отношениях, понимающий, как мне ка-

жется, трудности и особенности его положения, происходящие с ним перемены, читаю статью А.Минкина, которого тоже знаю изрядно, и протестую про себя, ругаюсь. Нынче вообще стало модой и шиком обоср... в прессе кого повыше. (А.Минкин сказал, что не любит писать и читать непристойные слова, я тоже, но что ж делать, поквитаемся, про-сти, читатель.)

Начнем с кое-каких этических моментов, о которых рассказал сам журналист: как он пришел, например, в кабинет к Н.Губенко, то, как его там хорошо приняли, долго говорили, а журналист тем временем шарил глазами вокруг «и всякий раз, пока министр говорил по телефону, я, как намагниченный, косился на фотографию в рамочке, стоящую на столе у Николая Николаевича». Не будем о сверхразвязном тоне и разудалости автора, коими он и вообще отличается и в иных своих статьях.

И криминал-то в этой самой

Михаил РОЦИН

ГАМЛЕТ —

ЗАНАВЕС —

ПОЛОНИЙ

подсмотренной «фотке»! «...На столе у министра культуры, — пишет автор, — мог бы быть Пушкин, или Толстой, или Луи Армстронг, или хоть Алла Борисовна (не будем обсуждать, пройдем мимо сих рекомендаций). Но на столе, в рамочке с подпорочкой (ну все рассмотрено до тонкости, просто нельзя в дом пускаты!) сидели и глаз с министра не спускали — Михаил и Раиса... (Вот он, криминал!)». «Хотелось прикинуться юридивым, — пишет А.Минкин, — и спросить Бориса Годунова: — Коль, а это у тебя — че?» И далее автор острит и шутит: вот, мол, зашел бы когда-то к наркомуну Луначарскому Пешков и увидел бы «на столе у комиссара фотку в рамочке, а на фотке Володя с Надюшей... Пешков... горько-горько с горечью спрашивает: «Толя, Толя, это — че? (Опять опустим оценку шуток.) — А я влюбился горячо!» — отвечает нарком. (Опять опустим качество шуточек, но все же заметим,

что это уж не к Луначарскому, конечно, относится, не к «Толле», а к «Колле».) И вот этот-то нюанс, оттенок тона и представляется мне уже переходящим грань приличный и пахнущим оскорбительно — меру, меру теряем, братцы, ей-богу!

Пресса должна быть свободной, несомненно. Нравится А.Минкину писать так, как он пишет (и думает), — пожалуйста. Но и оценить уж позвольте.

Я-то взялся за перо, чтобы высказать рядом с минкинским другое мнение, раз уж на то пошло, и статью на защиту товарища, которого, на мой взгляд, оскорбляют означенной публикацией.

Думаю, не стоит говорить, какое наследство получил Н.Губенко, заняв пост министра культуры СССР. Все знают уровень нашей культуры, ее беды и проблемы. Такое же наследство, между прочим, получил и М.С.Горбачев: драгоценный и старинный бабушкин сундук: все в сундуке есть — шубы, сапоги, сабля, иконы, книги, бусы, кружева и скатерти, свечка и фотоальбом. Все есть, но за что ни возьмись — шубу мошь съела, сапоги из моды вышли, шапка мала, а сабля велика, икона черна, а книги сгнили. Все надо сначала начинать, штопать, перешивать, трясти и выкидывать. Не стоит говорить, думаю, и о том, что работа культуры не делается в один день или одним приказом.

Нас поездом ест глухая нищета, разорение, а весь заработок и приработок продолжают уходить туда, куда и уходили всю жизнь: на «оборонку», т.е. на крепь и мощь великого войска. («Опять в наш огород кирпич», — скажут генералы. Нет, нет, что уж об этом, тоже не новость. Даже могу сказать, что в силах понять: потребности армии, как у Петра Великого, у нас тоже помогали до определенного момента развитию страны, и в том числе науки и культуры.)

А.Минкин все это знает и понимает. Более того, признается,

что ликовал, когда «впервые за долгие десятилетия министром культуры назначили «не ихнего, а нашего (это в доневзоровском смысле слова) Актера. Да еще — с Таганки! А.Минкин не говорит о том, что делал новый министр в области культуры, кто и в чем ему помог или должен был бы помочь. Нет, это автора не интересует. «Разбор» идет по иной линии: где «наш» прокололся, где «изменил» Таганке, ее романтическому большевизму. Да-да, именно так. Раньше, мол, он читал Павла Когана, как «мальчики иных веков наверно будут плакать ночью о времени большевиков...», и это было хорошо, нормально. Вот, буквально, цитирую: «Эта тоска о времени большевиков, эта революционная романтика, где уживались маузеры и комиссары с флибустьерами и бригадинками, — все было протестом против лжи, лицемерия, тупости, против болота, куда уже намертво осела страна». Это, значит, можно было, этот грех А.Минкин Н.Губенко отпускает и даже вроде хвалит, не так ли? Но что же дальше? А дальше включает как-то А.Минкин нечаянно телевизор, а там в трансляции из Кремля, со съездовского концерта, выходит на сцену «плотный мужик в приличном костюме и — с лендой, с барской сытой оттяжкой: «Есть в наших днях такая точность, что мальчики иных веков наверно будут плакать ночью о времени большевиков...» «Гляжу — а это Губенко!» — театрально вскрикивает автор и далее: «Не знаю, как по большевикам, а по мне прошло рычанье: предатель!»

Вот так прямо и написано: предатель! Ну до чего смел автор, до чего крут!.. Но вот именно сей стиль у меня и вызывает гнев и раздражение: помилуйте, А.Минкин, вы так хорошо все знаете, зачем же передергивать карту? И — сразу по личности? Бывают одни времена, приходят другие, и меняются не только «фотки» на столах и стенах.

Здесь я оставлю на минуту автора и объект его критики и позволю себе малое рассуждение вообще на эту тему, весьма, кажется, сейчас актуальную: кто что делал, и как вел себя вчера, и что он сегодня?

Идет такая ревизия 60-х, обвинение шестидесятников (многих) в конформизме тогда и в конформизме теперь. Кто не сидел, кто не уехал, кто не попал в психушку или еще куда, тот тоже почти предатель. Мне уже приходилось где-то недавно говорить на эту тему, готов повториться и снова защищать свое поколение, себя, своих товарищей от глупых и несправедливых обвинений. Все приличные люди в тяжелейших условиях «зажима» по возможности честно делали свое дело (та же Таганка) и даже кое-что сделали, успели. Вопреки, кстати, прежним министрам культуры — эх, не приходилось молодому еще автору общаться с глазу на глаз с ними — они б показали ему фотку (с усам!). Разумеется, плохо, что у нас не устроено было ни одного показательного (кажется, так это называлось раньше?) суда ни над одним следователем НКВД, или начальником лагеря, или вертухаем, которые зверствовали над невинно осужденными, плохо, что у многих не забрали назад незаслуженные награды и награбленное у народа добро, не сократили хотя бы пенсии тем, кто разваливал в свое время хозяйство или калечил природу, — у нас ведь как? Снять с работы, объявить выговор! Сняли, объявили, но моря уже нет, или реки, или месторождения и т.п. Но погибшему на войне Павлу Когану, например, никто не тычет пальцем в глаза за ТЕ его стихи.

Но какие же дела министра, что еще, кроме «фотки», свидетельствует о его перевоплощении или чуть ли не перерождении? А вот: введен Н.Губенко в Президентский совет. «За что? За какие заслуги? Ответ один: за хорошее поведение. Ничем

другим наш новый командир культуры за полтора года не отличился». (Кажется, вот тут бы и поговорить о делах, нет, легче отделаться еще одним оскорблением.) Далее автор обвиняет министра в подписании одних каких-то писем и в неподписании других, в том, что министр не ответил лично ему, А.Минкину, на прямо поставленный вопрос: «С кем вы, министр культуры? Вы хотите, чтобы милиция била или чтобы стреляла?» (Интересно, что бы хотел А.Минкин услышать от Н.Губенко в ответ? Хотя предположительно?) Возможно, А.Минкин сам не понимает (а редакция?), но его статья плывет в потоке всей сегодняшней «ругачки» Горбачева, и Губенко лишь повод, дело не в нем, а в тех, кто на злополучной фотке. И тут вполне уместно, мне кажется, задать вопрос: с кем вы, А.Минкин? И кто? Зачем же при такой отваге пронзять столь яростно шпагой сначала занавес, как в «Гамлете», а потом уж Полония? И не окажется ли когда-то, что автор был лишь пешкой в момент какого-то политического дебюта или эндшпиля? Марал человека зря, походя?..

Н.Губенко инкриминируется даже поощрение кровавого воскресенья в Вильнюсе: «...подписал он с Язовым, Бондаревым и другими идейными товарищами «обращение к президенту», с требованием навести порядок всеми средствами».

Это, разумеется, самое злое и нешуточное обвинение. Впрочем, об этом уже довольно говорили и писали, я не буду, но не могу отделаться от сознания (и знания), что все не так бывает, как кажется со стороны, куда сложнее и запутаннее. И никакого не выражено в этом перевоплощения или злодеяния Н.Губенко, неправда! Среди тысячи великих наград есть одна, которую нельзя ни дать, ни отнять, ни скомпрометировать случайным действием или словом. Она выше орденов, постов, чинов и званий. Эта награда — доброе имя.

Она заслуживается долго и упорно и держится крепко — не на лацкане, не на бумаге, не на лбу, не на спине, чаще всего просто изустно. Я думаю, у нашего «нового командира культуры» есть такая награда, и, в частности, я выступаю в защиту доброго имени Николая Губенко, артиста, режиссера, человека и моего товарища (в доминкинковском и в дожириновском смысле слова).

Итак, главное обвинение сформулировано окончательно к концу статьи: «...я опять и опять невольно (хорошенькое — невольно!) вспоминаю фотокартонку в рамочке и думаю: кто же такой Николай Губенко?»

Министр культуры СССР? Министр культуры Президента СССР?»

А я вот читаю эти вопросы, понимаю, что хочет сказать А.Минкин: мол, Президента, Президента! — И думаю: А как, Саша Минкин, может быть по-другому, ты че?..

Чтобы уязвить министра побольнее, А.Минкин вынес в эпиграф над своей статьей из Пушкина слова: «БОРИС. Молись за меня... ЮРОДИВЫЙ. Нельзя молиться за царя Ирода Богородица не велит». Вот, мол, вам, Николай Николаевич, и ваш театр, и ваша последняя из сыгранных там ролей, и ваша нынешняя роль, и положение, и прочее. Я в конце подумал и придумал другой эпиграф для этой статьи (позволю себе еще такую вольность) — ведь автор тоже много дал министру советов. Так вот, я бы на месте А.Минкина взял эпиграф не из «Годунова», а из «Золотого тельника». Давайте вспомним: когда бухгалтер Берлага попадает в сумасшедший дом, с ним в палате оказывается бывший присяжный поверенный Старохамский, выдающий себя за Юлия Цезаря, читатель. Кай Юлий Старохамский все время кричит: — И ты, Брут, проданся большевикам?

Я не поленюсь и процитирую далее: «Кай Юлий Старохамский по-

шел в сумасшедший дом по высокому идейным соображениям. — В Советской России, — говорит он, драпируясь в одеяло, — сумасшедший дом — это единственное место, где может жить нормальный человек. Все остальное — это сверхбедлам. Нет, с большевиками я жить не могу. Уж лучше поживу здесь, рядом с обыкновенными сумасшедшими. Эти по крайней мере не строят социализма. Потом здесь кормят... Здесь у меня, наконец, есть личная свобода. Свобода совести. Свобода слова. Увидев проходившего мимо санитаря, Кай Юлий Старохамский визгливо закричал: — Да здравствует Учредительное собрание! Все на форум! И ты, Брут, проданся ответственным работникам! — И обернувшись к Берлаге, добавил: — Видели? Что хочу, то и кричу. А попробуйте на улице».

(Какие молодцы были, заметим в скобках, Ильф и Петров! Как давно и хорошо про все сказали! Спасибо.)

Вот, собственно, и все мое послание. Ей-богу, не мог удержаться. И малую энергию надо бы сегодня употреблять с лучшими целями. И повышать, конечно, вообще культурный уровень. Полемики и прочего.

Надеюсь быть опубликованным в захватывающем журнале «Столица». И в дальнейшем тоже.

05-16. 06.91г.

Уважаемый редактор!

Написать вам заставила публикация в вашем еженедельнике рассказов А.Шведова «Жизнь мертвого дома» («Столица», N 20, 1991 г.). Я тоже, как и их автор, в свое время побывал в «местах не столь отдаленных» (соответствующие документы могу представить), но бахвалиться этим считаю ниже своего достоинства — это все равно что торжественно провозглашать на весь свет, что вы моете руки после посещения туалета.

Я туда попал за пощечину, данную сгоряча своему коллеге-журналисту, причем прилюдно. Тот подал на меня в суд, а так как он был родственником одного из членов Политбюро, то я получил на всю катушку — год тюрьмы, точнее, лишения свободы. К этому человеку я сейчас зла не испытываю, как-никак мордобоем в общественном месте заниматься не положено по законам любого цивилизованного государства.

Я понимаю, что человек, просидевший шесть лет, должен вызывать сочувствие, но по прочтении откровений А.Шведова у меня осталось чувство, которое можно сравнить лишь с тем, когда перепутаешь бутылку коньяка с бутылкой машинного масла.

«Следи за базаром», т.е. «не трепи лишнего» — один из главных законов зоны, который автор не соблюдает, причем с первых же строк своего повествования.

«Арестовали неожиданно, — начинает он. — Приехал к следователю узнать, забрал ли потерпевший свое заявление, мы уже договорились». Однако тот заявления не забрал, и нашего героя арестовали. И буквально через абзац он сокрушается: «Жаль, что тюрьму увижу, а зону — нет. Хоть бы месячишко-другой зацепить!»

Явно не сходятся концы с концами: зачем было договариваться с потерпевшим, чтобы тот забрал заявление, если так рвешься в зону?

Или такой пассаж «Хозяйственники» (кто за хозяйственные преступления сидит) сначала загуливали... Но правила уже знаешь немного.

«Ты кто? — Комуника! Твое место где? У параша? — У параша!».

А это уже вранье обыкновенное. Первое, чем интересуются в камере, твоей копией приговора или постановлением об аресте. Ты можешь туда явиться хоть в чем мать родила — это никого не волнует. Но документ изволь представить, он и определит твою судьбу — будешь ли ты спать у параша или на шконке, посадят ли тебя за общий стол. «Опускать» начинают растлителей малолетних, уклоняющихся от лечения венерических болезней, насильников, педерастов и т.п., не особо жалуют «бичей» (тунеядцев). А «хозяйственники», будь они хоть члены ЦК или ЦКК, пользуются в камере абсолютно равными со всеми правами.

Подобных «передежек» в описях А.Шведова превеликое множество, поэтому дальнейшим его рассказам о своих страданиях как-то не очень веришь. Да и описаны они с каким-то поистине сладострастным мазохизмом, что производит обратный эффект: «он пужает, а мне не страшно». А главное, ради чего все это?

Автор дает на это такой ответ: «Конечно, сел не так, как хотел бы. Отказавшись от работы на эту власть, государство, попал в тюрьму не за убеждения, а как уголовник».

Но опять возникает резонный вопрос: а кто ему мешал попасть в тюрьму (и не в «Матросскую тишину», а в «Лефортово») за убеждения? Написал бы плакат: «Свободу Леониду Бородину!» (или кому-либо еще) — и пошел бы с ним на Пушкинскую площадь, выступил бы публично против войны в Афганистане, потребовал бы возвращения из ссылки академика Сахарова...

А то на систему автор работать не хочет, но, окончив школу, затем отслужив в армии, хотя и не без приключений, если опять же ему поверить, автор поступает рабочим сцены сперва в театр на Таганке, а потом переходит в Большой, где декорации для оперы «Октябрь» таскает и при этом искренне считает, что «на систему он не работает»...

Дальше — больше. Попав в зону как самый обычный «баклан», так называют тех, кто попал туда за обычное бытовое хулиганство, наш герой требует ни больше ни мень-

ше, как «перевода в спецколонию для политиков, для иностранцев, для людей без гражданства»... Но, спрашивается, на каком основании его туда переводить? Ведь он даже у КГБ ни разу не засветился.

Но хорошо то, что хорошо кончается. Автор «Жизни мертвого дома» не мытьем, так катаньем оказывается в чистопольской тюрьме. А там и Марченко сидел (кстати, не кажется ли вам, милостивый государь, что упоминание его имени в данном опусе выглядит просто кощунственным), и Казачков (автор попростецки именует его Мишей, наверное, на брудершafft с ним чифрил?), и Щаранский... Хорошая компания, только не для него. Его, естественно, сажают к уголовникам, он начинает постигать законы воровского мира и приходит от них в такой восторг, что кипятком в штанишки делает. Повизгивая от телячьего восторга, пересказывает ветхозаветные, с бородой до пола тюремные байки о некоем «пахане», перед которым чуть ли не навывтяжку стоит начальник тюрьмы.

Для него законы «братвы» — чуть ли не высшее достижение человеческой мысли. При этом он не замечает того, что все эти законы — отражение, подчас и в очень кривом зеркале, законов нашего бытия. Та же строгая иерархическая беспрекословная подчиненность, уравниловка (все на «общак», а потом получай, сколько тебе положено), деление на «чистых» и «нечистых», «наших» и «ненаших» («фраера» и «козлы»), полное подавление индивидуальности, строжайшая дисциплина.

Поэтому они и неприемлемы для людей, больше всего ценящих свободу, неповторимую индивидуальность каждого человека. Потому-то неприемлемы они были ни для Солженицына, ни для Шаламова, а петушинные насочки на них А.Шведова выглядят просто смехотворно.

И еще. Никогда не задумывался автор восторженных, доходящих до истерики панегириков в адрес «братвы», сколько эта «братва» обездолила, унизила, обокрала, о слезах их жертв? А скольким доверчивым пацанам сломала судьбы, жизнь, искалечила их духовно, а часто и физически. А как быть с об-

щечеловеческими ценностями? С поведенью «не укради»?

Кстати, В.Новодворская при всем, иногда чрезмерном, радикализме ее взглядов — убежденная сторонница ненасильственных методов. А что предлагает ее горячий поклонник: «Или с этим Осташили... Я считаю, что очень плохо, что пошли в суд подавать... Вместо того чтобы ответить как мужчины?»

Главное, просто и очень доходчиво: правовое государство нам надо строить с помощью обычного... мордобоя. Стенка на стенку, и чья возьмет?

Милостивый государь! Как профессиональный журналист вы не можете не видеть, что автор «Жизни мертвого дома» явно не обладает большой литературной одаренностью, широтой эрудиции, богатым словарным запасом (даже не может использовать все красочное многообразие блатной терминологии), изысканным стилем изложения. Учиться, учиться и еще раз учиться — вот что хотелось бы ему по-дружески посоветовать.

Вы же, милостивый государь, если захотите опубликовать еще один его опус, то пошлите его на отзыв прямо в Вермонт.

С уважением,

Михаил НИКОЛАЕВ

Дорогая редакция, «не вступающая в переписку»!

Очерк А.Шведова «Жизнь мертвого дома» в N 20 переполнил чашу моей «читательской молчаливости».

Отношение эти «надиктованные заметки» вызывают неоднозначное, но заставляют всматриваться и вчитываться в себя. Подкупает откровенность автора. И даже некоторые противоречия самому себе, будучи

откликом пережитого, тем ценны для нашего читательского сопереживания, что помогают осознать феномен российской свободы-несвободы, коллизии интеллигента в этой ситуации и коллизии гражданской и бытовой культуры нашей российской неустроенности.

Приведу лишь одно явно лежащее на поверхности противоречие. Андрей декларирует «отказ» — от работы в нашей советской среде, от сотрудничества с властью, противопоставляя этому обнаруженную им свободу «мертвого дома». Но даже немногие конкретные примеры (конфликт с уголовниками, где также приходилось всем работать на одного), да и само напечатание данного очерка как факт биографии (ведь нами по-прежнему правят коммунисты) обнаруживают отход от этого декларативного максимализма, его нежизнеспособность. Отсюда мысль невольно перекидывается к доброкачественности восплаваемой А.Шведовым «свободы в зоне», которая якобы потасная и неведомая нам сохраняется там и является чуть ли не тайным источником, подпитывающим народную неуязвимость для несправедливой власти. Мысль перекидывается к доброкачественности романтического ореола вокруг блатных «королей» (а подбрасываемый автором пример с убийством А.Меня считаю прямо некорректным: кем бы ни был конкретный исполнитель, дело явно замешано на политике), мимоходом обозначаемого автором, скорее всего, думается, благодаря эйфоричности его собственного состояния первых недель после выхода из заключения.

Прошу не воспринимать мои критические замечания буквально: очерк Шведова ценен как раз непосредственностью и донесенным в неискаженности субъективным восприятием пережитой им нелегкой доли. Ценен как документ, как репортаж из того круга советского ада, куда доступ нам пока, слава богу (что бы ни утверждал Андрей об обретенных новых горизонтах собственной личности), закрыт.

Борис КАРПОВ,
Москва

Здравствуйте, уважаемая редакция!

Огромное вам спасибо за «Жизнь мертвого дома» Андрея Шведова. Я стараюсь не пропускать ни одного номера вашего журнала, но этой публикацией вы затронули такой пласт и в таком ракурсе, которого не только не было, но который именно сегодня важен и нужен. Все материалы «Огонька» и других демократических изданий, при всей нужности и правильности своих публикаций, не замечают и не анализируют, какой большой опыт (даже отрицательный) накоплен в зонах. А ведь эта жизнь в постоянно экстремальных условиях выработала и правовую базу, которая благодаря экзовскому кодексу чести регулирует общественную жизнь советских концлагерей в человеческую сторону, воспитывает. И если бы не усилия властей (а у ментов целые отделы на это работают) извратить, поставить себе на службу (чем больше «опущенных», тем легче ментам), если бы не стремление властей уничтожить в людях все живое! Я был в Таштюрме, где большое движение (по тюрьме за деньги «гуляет» все: анаша, водка, «белая смерть»), конвейер уничтожения непокорных руками самого преступного мира запущен на всю катушку, только на таких правильных ребятах, как Андрей, и держится тюремная и лагерная жизнь. Там же, где таких нет, — повальный беспредел. И еще одна интересная тенденция, я заметил ее сам, а случай с Андреем ее подтвердил — с начала восьмидесятых, а особенно с 85-го, ребят, противопоставивших себя обществу, стали закрывать по уголовке, т.е. подбирают подходящую статью (а у нас это не проблема) — и ты уголовник, а потом говори, что хочешь, но твоя уголовная статья будет, как клеймо, и в политику с такой биографией уже не попадешь.

Сергей ПАЩЕНКО,
г.Владимир

Ирина БЫСТРОВА

Отец Сергей

В 65 лет он, митрофорный протодьякон, окруженный трепетной любовью и почитанием прихожан, в славе и достатке, будучи настоятелем известного московского храма — Знамени Пресвятой Богородицы на проспекте Мира, по разрешению Патриарха покинул Москву. Еще не верилось, но, не уходя на пенсию, без зарплат, Сергей Николаевич Вишневецкий уехал в ярославскую глушь. В заброшенный храм Вознесения. Навсегда.

«В три дня выписался», — расхотелся слух. Да и сам священник, как ни горько было матушке и сыновьям, догадывался, что девятью из десяти знавших его отъезд был расценен как... старческое сумасшествие. После 38 лет священства на шести московских приходах все происшедшее выглядело действительно довольно странно.

Он рвался в то священное родное место ярославской клюквенной глуши, где в бывших царских угодьях явилась людям чудотворная Тихвинская икона. По приказу Екатерины II была построена на том месте богатейшая церковь во имя святых мучеников Флора и Лавра.

В ней священствовал его дедушка. Прислуживал и он сам. Оттуда уехал в сорок пятом в Москву — по пропуску, в некрашеной, белой телогрейке, в странного, комичного покроя сапогах, на духовно-пастырские курсы. Оставил церковь красавицей.

И будто были с самого начала задуманы и она, построенная так, чтобы вынести все бесчинства, которые, наверное, в силах вынести только святыня, — и он, вернувшийся в вымершее село Флоровское славным пастырем, а уходивший безвестным мальчиком. И созданы были они один для другого. И для тех трех бабушек — Нади, Нюры и Надежды, единственно оставшихся в округе, в соседней Погореловке. Может, потому для них, как и для него, ВОЗВРАЩЕНИЕ это, принятое в Москве за сумасбродство, было благоговым и совер-

шенно естественным, как и их жизнь, давно одинокая, без «скорых помощей», если вдруг прихватит, пещая, прошлой зимой, когда все разъехались, и Нюра осталась одна, — почти волчья.

Здесь в округе одно время трясли все дома. У местных, которые покупали их прямо вместе с иконами, выпотрошили то, что смогли. В саму церковь, рассказывают, приезжала машина из Ленинграда — увезла иконы. Один из здешних жителей навел. Да у местного художника нашли множество пустых окладов... иконы были, видно, проданы.

На бывшую церковную сторожку, сохранившуюся чуть ли не с XVIII в., где и жил Сережа с дедушкой и с эвакуированными, позарился колхоз «Лесные поляны»: вывезли и сделали клуб. Ограда вокруг церкви тоже понадобилась — крупные столбы пошли на колхозную ферму. После того как в пятидесятые покинул церковь последний священник, ключи от храма хранила старушка Лизавета Колесникова. Но председатель колхоза припугнул: «Не отдашь — не видать тебе пенсии». Так, с пятьдесят третьего началось полное разорение и опустошение.

Оставшиеся в изглоданном теле храма иконы обвалились из-за сырости. Во втором, верхнем, почти театральном по краскам храме — кучка снега за алтарем, единственно уцелевшее тяжелейшее распятие да половинка царских врат. Остальное вычищено подчистую: с высоченных печей, которые некому оживить, сбивали старинные изразцы. Выдалбливая дыры в изображениях святых, свои имена, «туристы» даже не подозревали, за что человек может удостоиться такой чести. Ничего не знали о том имени, рядом с которым выцарапали «Таня и Вася были...», — имени Дмитрия Ивановича Расторгуева, который в честь своего святого, построил в нижнем храме придел. Во имя великомученика Дмитрия.

Мамай прошелся по многим церк-

вам области. А потому, когда на автобусной остановке в Новом селе нас спрашивают две старушки, к кому это мы во Фролы, одобрительно качают головой, что к батюшке. В эту первую зимовку он уже стал известен и близок тем, кого никогда и не видел. И кто не видел его, но знал, возможно, его дедушку-священника.

Теперь, приходя на старинное, родимое, недавно очищенное кладбище, прямо вокруг церкви, мимо ветхого, купленного им домишки, они кланяются поначалу храму, могилке дедушки-священника, а он, отец Сергей, освящает их все. Сюда в сорок втором, во Фролы, как для простоты называли село Фроловское. За тот выкуп, наверное, и воздалось трем уцелевшим на родине — Нюре, Наде и Надежде, не чаявшим, что самим доведется зажечь свечечку в этой пугающей поначалу глуши.

Пятнадцать километров на запад почти до самой Волги здесь вообще нет имений. На северо-запад — огромное болото, километров на сорок. По-молодецки взбираясь по узкой лестнице на высоченную колокольню, преодолев перед этим верхний и нижний храмы, он между тем еще и посмеивается: «У меня два колхоза — «Коммунар» и «Лесные поляны». По пять километров до Павлово и Гари. Стоя на голой колокольне, с которой уже в тридцатые, когда был он мальчиком, сняли шесть-семь колоколов, на ужасном ветру, он зазорно заявляет:

— Все на лыжах извездил. Места разунзал. Смотрите, а вот сюда, — показывает крышу под куполом, — я спускался. Подставил крепкую раму. Привязался веревкой, вылез через окно чердака.

— Чистил крышу, чуть не умер, — возмущенно вздыхает рядом его пожилая прихожанка, которая так же вместе с ним почти уже покинула Москву, купив дом.

— Нет. Ничего! — отмахивается. — Вот в позапрошлом году страх был: на крыше скат крутой... когда

я сюда влез, ноги дрожали. Хорошо, что лопата упала, подумал: веревка длинная — сорвусь, буду на краю висеть.

Немного передохнув от ветра, он снова то ли в шутку, то ли серьезно:

— Я вот что думаю — будут продавать землю — куплю поле. Здесь, наверное, гектара три с половиной будет. Ведь раньше у этой церкви, я узнавал, было 350 десятин земли.

— А зачем вам? В округе вообще никого.

— Да просто коз пасти. Жаль, что прежним владельцам землю не возвращают.

Ему бы вернули первому. Весь его род по материнской и отцовской линии — священнослужители Ярославской епархии.

Священство принял от дедушки по материнской линии. Николая Ивановича Добронравова. Приехав, он просмотрел епархиальные ведомости за много лет — все дядя отца были священники. Дедушка по отцу — псаломщиком в селе Введенское, в 40 километрах отсюда, где отец Сергей и провел раннее детство. Отец — исключение. Религиозен не был. «Если бы не перемена времен, конечно, все закончилось бы на дедушке. А сейчас еще три сына — священники!»

Он ступает прямо на лед: «Это вот средний остров у меня». Замерзшая река в эту пору — без единой пупинки, как застывшая слеза. «Куда это вы?» — в испуге кричим ему с прихожанкой Евгенией Ивановной. А он уже издалека: «Только не подскользнитесь. Там промывина, а лед-то крепкий». Страшно доволен, что доставил нам удовольствие, посмеивается: «Трескается, трескается, а да что ж?» «Надо вам коньки привезти», — бросаю в шутку. «Да, к следующей зиме хотелось бы», — откликается. И прямо весь светится при этой мысли. Скользит на подошвах, катится. Священник. «Я сегодня не такой, как вчера, я сегодня...» — запел он залихватски, с удаилою, радостью, чувством, когда спросила о любимой музыке. И ответил: «На первом месте все-таки Бах, за «Страсти по Матфею», Гайдн, — начал перечислять он, — Вивальди, Моцарт».

— Это левобережный и правобережный парк. Там вот — 12 осин. Хочу часовенку сделать — как раз по числу апостолов. А в ту сторону у меня — 2 елки и 13 берез.

В эту минуту он — барин, а потом тут же:

— Я широкой лопатой в одну сторону и в другую километр по реке расчищу. Далеко у меня дорожка.

— А зачем, Сергей Николаевич? Не для кого: брат и вы — тут.

— Да просто нравилось мне — и все.

Лед охнул, мы снова вздрагиваем, а он спокойно, со смешком, наслаждаясь, катится вперед.

— Я здесь как на курорте, — говорит он, сидя у самовара в крошечном фильме, снятом здесь авторским телевидением. Ему неуютно от выпяченных этих слов. (Ведь он-то думает, сидя за самоваром в комнате при 15 градусах: «Я должен изнемогать, падать от усталости, возвращаться, как полумертвый. И так каждый день, без выходных. Потому как считаю — именно здесь можно пастырские проявлять чувства» и намерения. И, может, я исповедую в течение поста десять человек (только от автобуса сюда — пять километров пешком), а не как там было — две тысячи. В городе, где церквей много, свой-то священник — как сладость особая, развлечение. А не необходимость. Служба здесь... как бы всю местность освящает.)

Может, потому кто-то отказался в магазине от телевизора в его пользу.

Уже немного обустроившись, купив на деньги московских и здешних прихожан и просто жителей железо, стекло, но уже привезя в божеский вид церковь, изведав места, он теперь собрался идти туда — к людям — в Дивницы и Гари, за пять километров: «Собирать и говорить с ними о Евангелии. И детям надо бы слушать».

Он знает — где храм живой, там и народ. И действительно, в соседней Погореловке прошлой зимой только одна 80-летняя старушка зимовала. Ей так и писали: «Героиня ты наша!» А в этом году, пусть за несколько километров от отца Сергея, вместе с той было трое. Многие прихожане из Москвы уехали б сюда — жить негде.

— Как же они без вас?

Он уверен, что в более выгодном положении, чем раньше:

— Письма лучше, чем проповеди. За все годы из 200 прихожан, может, у пяти всего и был дома, а теперь они сюда приезжают. Здесь-то вот ничего особо не надо, — слушаю его.

В ближайшем магазине ему положена буханка черного или два батона белого. Много ли на то денег

надо? На праздники местные жители приносят молока, творог. Мечтает только вот о козе и лошади. Этим летом наверняка купят.

У него самого нет здесь ни зарплаты, так как Епархия не может платить ее, если приход не имеет дохода, ни пенсии — негоже священнику с его энергией, темпераментом, задором.

— Если какие деньги бы дали — я их лучше бы на церковь: нужна медь, краска, все абсолютно. Сейчас вот только своему дьякону зарплату положил. Молодой он, из Москвы переехал, ему нужно. Так бы мне его в помощники Епархия по штату не позволила бы, да фантазия и мечта еще у нас — мы же собираемся еще тут одну церковь открывать. Да вы ее проезжали — у Новой Деревни... Я же могу по совместительству (пять километров пешком и 10 минут автобусом).

Я не спрашиваю, как удастся. Он же сказал: одними человеческими силами переезд был бы невозможен, а потому только брат его понял. Кроме того, что это божий промысел. Хотя подозреваю, что он мог бы ответить:

— А как я в Палестину попал? Чудом. А первое-то чудо было за 2 года до того — был на горе Афонской.

Сидя зимой на лавочке возле его домишки, спрашиваю:

— Было ли что-нибудь за 65 лет похожее, что испытываете здесь?

— Жизнь повернулась как будто бы на 180 градусов, — ответил 65-летний священник. — Ничего подобного со мной не было.

И если, уезжая, он старался ни о чем не думать, то теперь хотелось бы, чтобы поняли: это важнее. Это ступень.

В отличие от многих упрекающих своих детей Сергей Николаевич знает, что его сыновья чувствуют пока себя в городе, из которого ушел он сам, как в родной стихии:

— Здесь бы они так себя не ощущали. Да и здешние места — это еще преждевременно. Они не созрели.

И когда люди говорят ему самому: «Вы оставили все. Это подвиг!» — он знает рассуждает: «А вот сунули бы сюда горожанина по рождению и призванию... Вот это и был бы его подвиг. А когда я естественно пришел...»

В воскресенье были в холодном, окованном храме. Отец Сергей, подкладывая задубевшими руками поленья в тщедушную печурку за ал-

тарем, вел службу. Всего две прихожанки — сгорбленные старушки, еле поднимавшиеся с колен даже с помощью друг друга, молились. «Господь, я и народ» — вспомнились его слова. Сегодня они принесли ему, что могут, — лук, картошка в пакете. Кладут деньги — на содержание священника. Рядом со мной — третья героиня из Погореловки — Надежда Сергеевна, из родового дома, которому уже 150 лет. Не только у них, выстоявших, болит сердце за

церковь. Внук Надежды Сергеевны, еще мальчик, горожанин Андрей мечтает с бабушкой: «Куплю землю в Погореловке и буду фермером и священником». Спрашивал отца Сергия: «Как им стать?»

При этих словах я как будто вижу другого мальчика: Сережа идет впервые во Фролы, к деду. С матерью. По болотам. И вот, когда уже видно землю, под ногами все начинает качаться и хлюпать. Хотят броситься назад, и тут Сережин голос:

«Смотри, мама, трава тут скошена! Значит, можно идти!» Так и спаслись: болотом да по скошенной траве.

Благо вот, что сейчас, когда спасения каждый ищет по-своему, Андрей, ребенок, — вопрос: «Как стать священником». Может быть, потом он осмелится и на другой вопрос, который нам в суете, шуме, сутолоке, обыденности оказался не нужен, но который в тишине Храма столько раз задавал отец Сергий: «Как стать истинным учеником Господа?»

В помощь храму Вознесения автор перечисляет гонорар за этот материал на р/счет 701104 в Большесельском отделении Ярославского коммерческого Агропромбанка.

Внимание — конкурс!

КОРПОРАЦИЯ ИНТЕРПЛЮС
ПРЕДЛАГАЕТ
НА КОНКУРСНОЙ ОСНОВЕ
УЧАСТИЕ
В СТРОИТЕЛЬСТВЕ И
ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПЛОЩАДЕЙ
ОСОБНЯКА
В ИСТОРИЧЕСКОМ ЦЕНТРЕ
МОСКВЫ.

Приглашаются советские и
зарубежные организации.

Заявки для получения
условий
в течение 1 месяца
направлять
по адресу:

117334, Москва,
а/я 170; с пометкой
«Конкурс».

ИЩЕМ РОДИТЕЛЕЙ

(Продолжение. Начало в NN 21, 23, 26.)

13. 15 ноября 1986 года сотрудники 1-й детской инфекционной больницы Куйбышева нашли у входа в больничный бокс маленькую девочку, на вид 4—5-месячную. Мать ли распорядилась так судьбой малышки или несчастный случай — до сих пор не выяснено. Девочка растет, ей скоро пять. Воспитывает ее государство. Без мамы плохо. Может быть, малышку кто-то до сих пор ищет?

14. Этот ребенок, мальчик, найден совсем крошечным, по заключению врачей, 3—5-недельным. Его «забыли» на лестнице жилого дома на улице 3-го Интернационала в городе Алапаевске Свердловской области 16 января прошлого года. Ребенок был в светло-зеленой распашонке, на которой нарисован симпатичный цыпленок, двух пеленках, стеганом зеленом одеяле. На красивом кружевном уголке — аппликация в виде двух птичек, красной и зеленой. На чепчике — мишки. Наверно, мама очень любит животных...

15. В Центральный РОВД Красноярска 17 декабря 1985 года доставили девочку примерно 2 лет. Девочка, совсем одна, шла по улице близлежащего поселка. Одета была в осеннее пальто, синее в клеточку, в красную шапочку, красные сапожки и косынку с блестками. Говорить не умела — врачи сделали вывод о некоторой задержке психического развития. Девочка вполне могла потеряться. О ее родных до сих пор ничего не известно.

16. Выписка из справки, предоставленной УВД Воронежского облисполкома.

«14 апреля 1989 года был задержан за безнадзорность и помещен в приемник-распределитель мальчик, примерно 8—9 лет. О себе рассказал, что его зовут Витя, фамилия Елкин, что долгое время он с женщиной, которую зовет мамой (имен называет несколько: Таня, Марина), возраста 60-70 лет, разъезжал по разным городам. Женщина злоупотребляла спиртным. 14.04.89 г. в Ост-

рогожском районе она бросила мальчика и уехала в неизвестном направлении.

Мальчик общительный, легко идет на контакт, в разговоре часто употребляет выражение «на кой?».

К сожалению, редакцией не располагает фотографией этого ребенка, но мальчика и сопровождавшую его женщину легко узнать по приведенному описанию. МВД РСФСР просит откликнуться тех, кто встречал эту странную пару и может помочь в установлении их личности.

Откликов читателей по всем опубликованным данным ждет Олег Андреевич Рублевский. Его телефон: 229-59-64. Адрес: Москва, ул.Огарева, 6, МВД РСФСР.

Материал подготовила
Елена САЛИНА

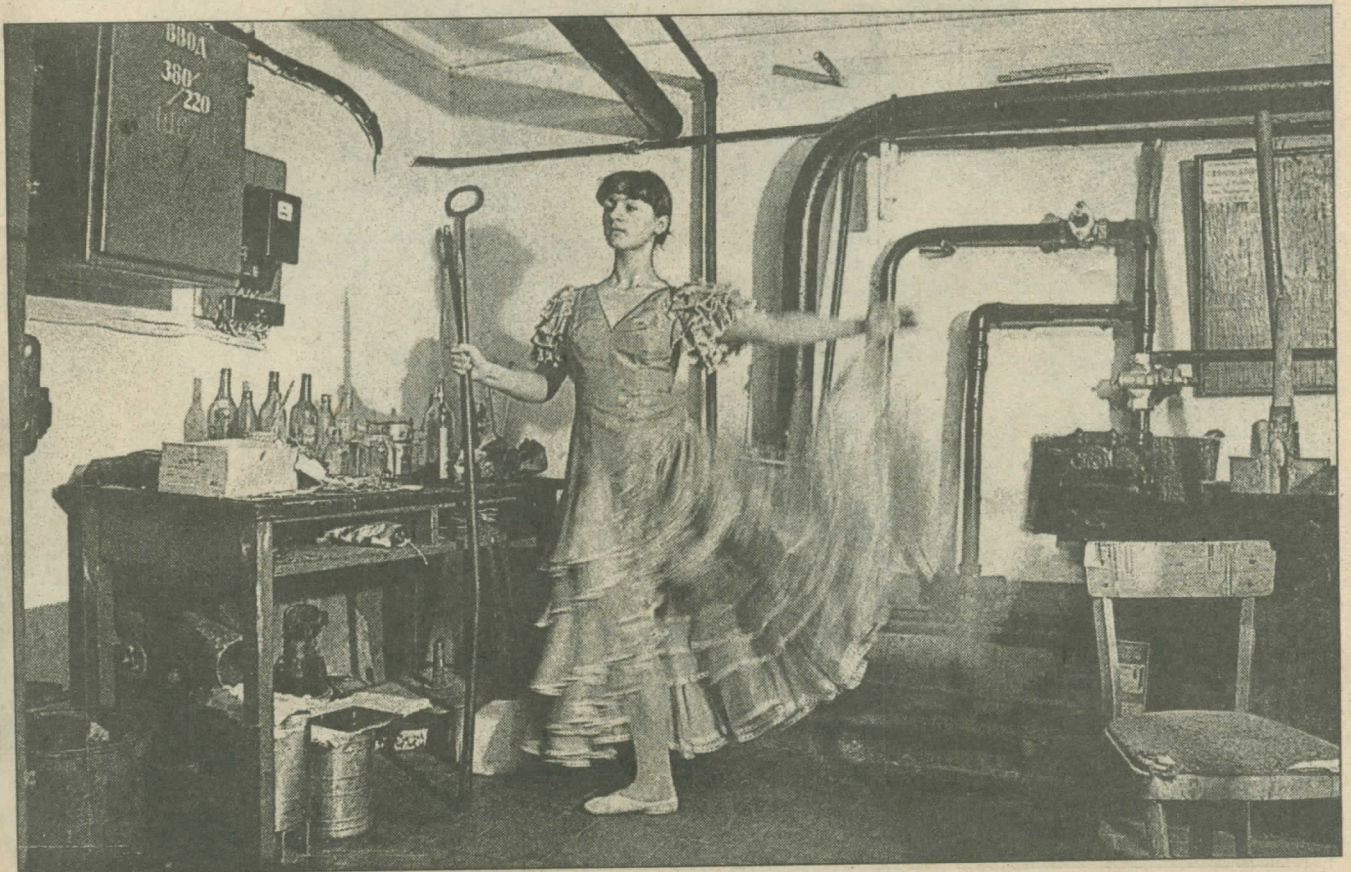
ЖЕНЩИНЫ НАШЕЙ КОЧЕГАРКИ

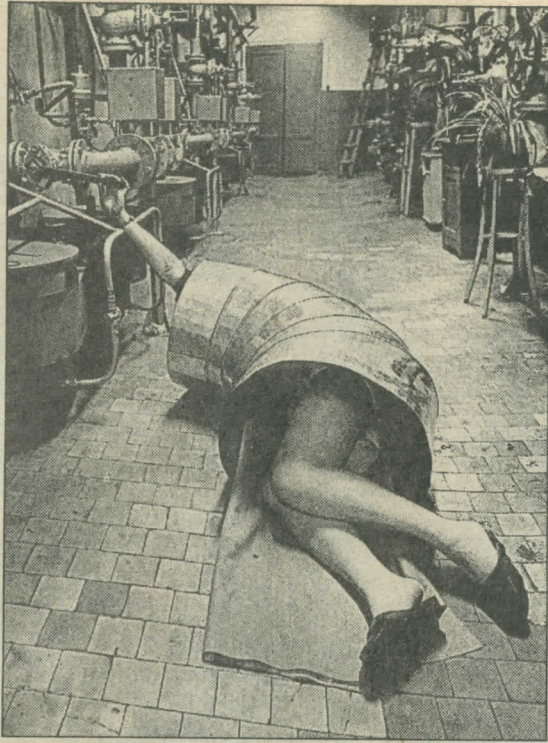

«Нет нашей бабы лучше!» — воскликнул как-то в экстазе Михаил Жванецкий. И с ним не поспоришь. Можно только добавить: «И выносливее!» Мы-то, мужики, можем жить везде. В подвале, в окопе, на свалке и даже в СССР. Ну а женщинам-то каково? Но они, наши милые женщины, рядом с нами всегда, как принято говорить на торжественных заседаниях в честь 8 Марта. Вот они в одной из ленинградских ко-

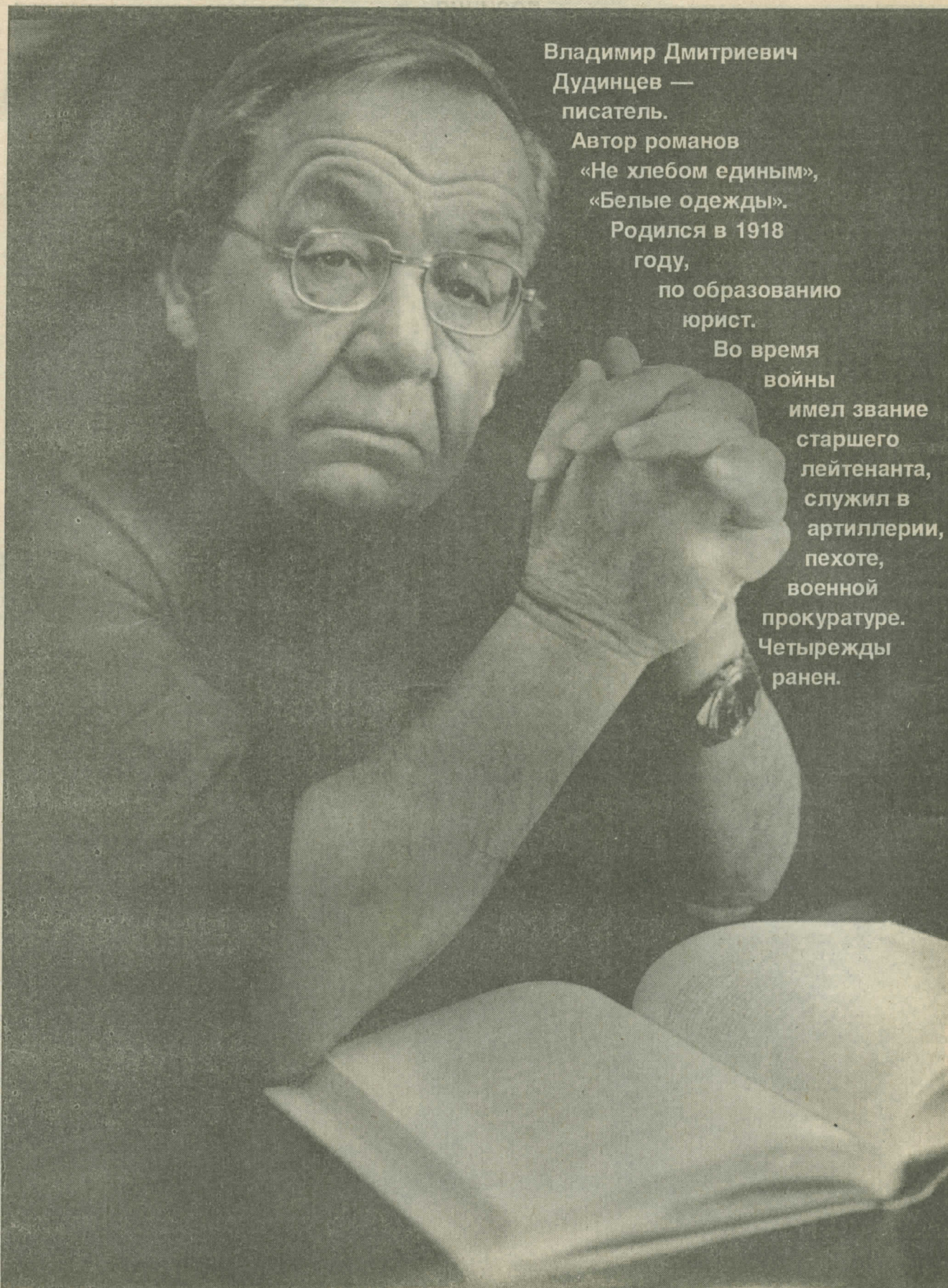
тельных. Художницы, балерины, натурщицы и просто «баб Мани» и «тетя Наташи». Живут, работают, любят, выпивают (ну а как без этого в подвале!). Где-то наверху перестройка, гласность, митинги и приватизация. А здесь их жизнь. «Нормальная», «обыкновенная», «как у всех». Так они и живут, как заснял их фотограф Юрий Журавский (см. последнее фото), основная профессия которого, кстати, тоже кочегар.

Владимир Дмитриевич
Дудинцев —
писатель.

Автор романов
«Не хлебом единым»,
«Белые одежды».

Родился в 1918
году,

по образованию
юрист.

Во время
войны

имел звание
старшего
лейтенанта,
служил в
артиллерии,
пехоте,
военной
прокуратуре.
Четырежды
ранен.

Владимир ДУДИНЦЕВ:

«Господи, за что же ты награди нас этой партией!»

— Владимир Дмитриевич, вы известны как человек бескомпромиссный, для кого и в жизни, и в творчестве такие понятия, как честь, долг, законы нравственности, всегда были главными. Как, на ваш взгляд, вписывается в эти понятия наша послеоктябрьская история?

— На эту тему у меня даже сложился некий образ. Издавна существует обычай, предписывающий капитанам последними покидать тонущий корабль, позаботившись о спасении пассажиров и команды. В этом обычае заложен глубокий нравственный закон, и он соблюдается во всем мире. Что же на определенном этапе сделали самозванные капитаны, отправившие российский корабль в опаснейшее плавание? Корабль, экипаж и пассажиры которого полностью им доверились. Они сорвали с корабля государственственный флаг, спустили на воду самый лучший баркас, загрузили его лучшими продуктами, медикаментами, уселись в него и оттолкнулись от тонущего корабля: «Управляйтесь, как хотите, а мы будем руководить вами по радио». И исчезли среди морских зыбей.

Семьдесят три года носимся мы в этом корабле по волнам. Уж не знаю, как остались живы.

— Когда впервые вы начали это осознавать?

— Наверное, все-таки во время войны. Я служил в артиллерии, но после четвертого ранения был комиссован и попал как юрист в военную прокуратуру. Через этот объектив мог наблюдать наш комсостав в действии. Самое ужасное, что многим из них неведомы были чувства, владевшие теми, кто воевал. Там, на отдельном баркасе, генералы, полковники нещадно пили водку, принуждали к сожигательству мобилизованных на фронт женщин, тех, кто уходил из дома с песней «Вставай,

страна огромная...», и их матери, мужья не подозревали, что их ждет участь «ППЖ». На баркасе выдавали особые пайки, а к тем, кто покрупнее чином, были прикомандированы и собственные повара.

А теперь представьте себе Ленинградский фронт, голод. В роте, которую я первый раз принял, было 150 человек, через сутки — 90. Потом пришло пополнение из тыла — старики, инвалиды, мальчишки. И рота стала как бы укомплектованной. Эти мальчишки и инвалиды не только не умели воевать, многие из них не знали устройства винтовки. Они не умели даже бегать; в них, блокадниках, голод подавил инстинкт самосохранения, они были слабы и готовы умереть. И вот нам сбрасывают с самолета продовольствие — сухари, похожие на кирпичи из обожженной глины. Убить человека можно было таким сухарем. Солдаты расстилают на снегу шинель, раскладывают кучки по числу едоков со строжайшей справедливостью. Один из них накрывает кучку рукой и спрашивает: «Кому?» «Остапчуку, Нечитайло», — несется в ответ... Потом, когда эта процедура заканчивалась, ко мне подходил старшина и вручал пакетик — мой лейтенантский паек. Тут и сухая колбаска, и курево, и галеты, и сахарок. Куда деваться?

Я знал, что у моих голодных солдат существует несколько очередей: на лейтенантов табак, на лейтенантов сахар, на лейтенантов колбасу. Я распечатывал пакет, и от каждой из очередей подходил ко мне уполномоченный и получал то, что требовалось. Некоторое время спустя из леса доносился голос: «Старшему лейтенанту нечего курить! На, курни разок». Я затыгивался, и вместе с затыжкой в меня входило совершенно особое ощущение человеческого единения, с этой же затыжкой зарождалось и представ-

ление о плавающих отдельно баркасе и корабле.

Что меня поражает? Люди, познавшие такое братство, должны были бы и потом оставаться людьми, быть строгими судьями всех нарушений справедливости. А что мы видим? Где ветераны? Где те, кто делил фронтовые сухари? Среди власть имущих их как будто нет.

— Вы отдавали часть своего пайка солдатам. Такое явление было массовым?

— Я бы хотел, чтобы оно было массовым... Почему я отдавал свой паек? Во-первых, родительское начало. Мой отец, штабс-капитан, был расстрелян в Харькове за отказ снять офицерские погоны, то есть за верность присяге. Моя мать, беременная мною, нашла потом тело своего молоденького мужа в овраге, среди многих других. Память об отце жила. Второе, самое важное — это виденное мною на фронте ежедневно. А политруки не понимали меня, они не могли представить, что поделиться с солдатом «лейтенантовым паекком» было долгом офицера еще с суворовских времен.

В каждом человеке должно быть заложено нравственное чувство, которое реагирует на страдания ближнего и требует, чтоб он их не допускал. С детства воспитывали во мне и во многих других этот нормальный мир чувств нормального человека. К сожалению, не скажу — советского человека, особенно если он коммунист и начальник. Знаете, мне хочется иногда взмолиться: «Господи, за что же ты награди нас этой партией, за что послал на нас эту страшную чуму, которая съела нашу Россию, страну нравственности, доброты, мужества!»

Ведь мы были «гнилыми интеллигентами», слюнтяями, «юрдествовали во Христе». Помните, чьи это слова, кто позволил себе насмешки над великим русским писателем, орга-

низовавшим столовые для голодающего люда?

Я убедился, что зло всегда маскируется под добро, хотя при этом, собака, осознает самое себя как зло и воспринимает добро как своего антипода, пользующегося в народе любовью. Поэтому оно, зло, всегда прибегает к демагогии, вроде тех баек, по которым Ленин угощал солдата пирожком или ходок чайком. Какова была цель? Отвечу. В артиллерии используют особые подкалиберные снаряды, на которые для усиления их действия наносится мягкий металл — медь или алюминий. Когда такой снаряд попадает в броню танка, металл служит как бы смазкой. Нашим коммунистическим демагогам нужно было запустить свой снаряд в народный танк, и в качестве смазки они употребили истории о ленинских пирожках.

Я не хочу сказать, что Ильич никогда не делился с ближним своим пирожком. Но для чего печатались все эти многочисленные рассказы о Ленине? Народ, жаждавший нравственных подвигов, с восторгом их принимал. Я сам был среди тех, кто желал таких «пирожков», глотал их. Они входили в мою душу и души многих. Я с ужасом смотрю на длинные очереди в Мавзолей, которые до недавнего времени рассекали Красную площадь, — ведь это все те, в кого попал снаряд. Да разве только в них? Со смазкой почти во всех нас вошла и взрывчатка, разрушающая нас изнутри, нашу жизнь, семьи, будущее наших детей. Но люди, к сожалению, не умеют связывать одно с другим. Я даже думаю, что гораздо связнее мыслили крепостные крестьяне в солдатских шинелях, выведенные декабристами на Сенатскую площадь.

Когда я сегодня смотрю на иных наших депутатов, то невольно ловлю себя на ассоциации: да это те же генералы, что проиграли войну!

— Вы произнесли слово «проиграли». Как же так?

— Вот видите, я даже не заметил своей оговорки, а когда вы обратили на нее внимание, мгновенно почувствовал, что в моем существое жило и живет ощущение поражения в этой войне. Оно складывается из сознания того, что физически ее выиграли мы, а орден «Победы» вручили не тем, кто погибал на полях сражений, а Сталину с его комиссарами. И здесь затесалась привычная нам ложь! Так что моя оговорка — своего рода критерий истины.

— Германия оказывает нам гуманитарную помощь, что вызывает отношение неоднозначное.

— Много здесь есть унизительно-го для того человека, который во время войны осознал себя воином, русичем. Сидящее где-то глубоко внутри меня чувство нравственного дискомфорта мне, например, не позволило взять посылку, что нам, ветеранам, раздавал Литфонд. К тому же я чуть было не поддался привычному, воспитанному в ходе войны представлению о немцах, чуть было не оскорбил их мыслью, что вот, мол, хотят тушенкой откупиться за нанесенное горе. Известна ведь поговорка «Немец и на обушке молотит хлебец». Мол, знает свою выгоду. Так что чуть было не поддался, но вовремя остановился, подумав, что нельзя заливать грязью нравственное чувство, даже если оно имеет вид банки тушенки, ибо в нем заложен путь к очищению.

— Хотелось бы услышать от вас, как вы думаете, почему наш народ до сих пор не может справиться с теми, кто бросил корабль на произвол стихии?

— Когда Карамзин писал о любви россиян к самодержавию, это не были пустые слова. Эта любовь всегда служила тем тормозом, той тиной, которая не позволяла двигаться к прогрессу. Но я не убежден, что русское умение подчиняться и терпеть не аккумулирует в себе энергию сопротивления — чувство, которое народ, как реактор, молча варит в себе. До поры. На войне оно проявляется в способности стоять насмерть, когда военных действий нет — в «итальянской забастовке», т.е. внутреннем отторжении навязываемого ему сверху *modus vivendi*, своего рода саботаже.

Как он саботирует? Он идет делать то, что заставляют, нехотя, при этом он знает, что, если он сделает свое дело не так, как требует мастер, его накажут, лишат премиальных. Но он может сделать вид, что старается, а по сути послать существующий порядок на все буквы. Это вернее. Если он, допустим, шофер, он выезжает на шоссе и сливает бензин в канаву или продает его первому встречному партийцу. И, заметьте, партиец, заливая бензин в бак своей блестящей «Волги», тоже все отлично понимает и по-своему участвует в этой всемирно-исторической забастовке на русский манер.

Я не оправдываю ни этого рабоче-

го, ни партийца, но есть во мне какой-то орган, им обоим сочувствующий, и даже больше, когда очередной акт торможения совершается, я думаю: «Оказывается, я тоже вместе с ними, тоже торможу дурацкое бесплодное коммунистическое мероприятие, которое протаскивают с таким упорством».

Самое интересное заключается в том, что этот саботаж я воспринимаю как проявление одного из уже довольно давно выведенных мною законов природы: она неизменно изблевывает из своего организма все инородные ей тела. Закон этот необратим и универсален, вариантов его действия множество, он распространяется на все сферы жизни, в том числе и общественную.

Но у природы есть еще один закон — она постоянно стоит на страже своего вечного, естественного порядка жизни и всегда стремится исправить свои ошибки. И если однажды она прозевала рыскавший по Европе «призрак коммунизма», а позже не смогла просечь рождение «в глуши Симбирска обыкновенного мальчика Ленина», она обязательно должна была на свою ошибку среагировать. Можно даже предположить, сколь она ужаснулась, прочитав труды вроде «Капитала» или «Государства и революции» с его антиприродным тезисом о государстве как инструменте насилия. Тогда она поняла, что людей надо спасать, и многое что придумала.

Самое главное, что природа заложила в большевиков страшное разрушительное начало, бросила его в них, как изюминку в квас, и они стали грызть друг друга, самоуничтожаться изнутри по законам какого-то террористического братства. Это мне напоминает некоторые места из «Страшной мести» Николая Васильевича Гоголя. Придя к власти, большевики принялись безобразничать, грабить, обогащаться, топить баржи с арестантами, развратничать, жениться на молодых барышнях-аристократках, которых, еще будучи пролетариями, провозжали грешными взглядами. И так далее... А природа ждала, ибо в соответствии с существующим в логике законом достаточного основания предвидела, что если большевики в достаточной мере будут следовать своим привычкам, если революцию они делали ради сосиски, то они на этом пути неизбежно достигнут достаточного уровня, и если при этом достаточного уровня достиг-

нет нищета людей, то у нас, наконец, начнет происходить то, что происходит сейчас. Я, как видите, этот сложный закон сформулировал прежде — природа изливает инородные тела.

Случайны ли были покушения на Ленина? Почему в него стреляла эсерка Каплан? Почему мужики нападали на продотряды? Они что, проявляли свою контрреволюционную сущность? Нет, смысл их действий был заложен в программе природы. Когда Сталин расстреливал лучших наших полководцев, он тоже действовал как бы по велению природы. С точки зрения нравственной, народной — это преступление, но оно необходимо было природе, чтобы ускорить неотвратимый процесс распада этой системы.

Когда расстреливали демонстрацию в Новочеркасске, это дало возможность природе положить начало ликвидации коммунистического мифа, заронить в душах людей зерна антитоталитарного сознания, которые созревали медленно, но сегодня растение готовится плодоносить. Когда, работая корреспондентом газеты, я получал очередное письмо какого-нибудь несчастного изобретателя, я понимал, что это природа, действуя через тупых чиновников, препятствует тому, чтобы партия получила в свои руки данное изобретение, использовала его и система имела возможность хромать на костылях еще века. Не позволяла природа прикладывать припарки смердящему труп.

Более того, когда я взялся писать на эту тему роман...

— «Не хлебом единым»?

— Да. И оказывается, природа снова была начеку! Я же тогда, почти как пионер в красном галстуке, думал: «То-то помогу партии, раскрою ей глаза». И не понимал, что роман был бы тоже припаркой. Природа как бы подталкивала меня под руку и заставляла написать так, что мой роман вызвал бешенство. И партия его не приняла. Меня вызвали на Лубянку, где генерал Каллистов пугал и гипнотизировал меня, считая, что я начну белеть от страха, а я с восторгом изучал и его, и все, что он со мной проделывал. Он не понимал, что дарит мне драгоценные самородки, которые лягут в основу моего нового романа. Я имею в виду «Белые одежды».

— Итак, следуя вашей логике, можно заключить, что сходство между генералами и депутатами,

о которых шла речь, состоит в антиприродной сущности их действий?

— Да, поскольку и тем, и другим одинаково недоступно ощущение идущего от народа нравственного императива. Они — неинтеллигентны, необразованны, бесчестны, они тормозят любое разумное решение. Я говорю не обо всех депутатах и не обо всех генералах (не о тех, кого расстреляли), а о той их части, которая способна, разинув рот, ржать, слушая Макашова, или отдавать свои голоса Жириновскому, о тех, кто радостно подталкивает друг друга локтями, когда одному из них удается подбросить неприятную пилюлю Ельцину. Это страшно, когда люди могут ТАК воспринимать подлость, ТАК ликовать и трясти друг другу руки при поражении соперника. Природа исторгла понятие чести из нашего общественного тела. Даже в старину, когда победенный, обливаясь слезами, отдавал свою шпагу, победитель приглашал его на пир примирения. Разве доступны подобные чувства нашим «тем и другим»? Но, слава Богу, я вижу, что на эти чувства способен Ельцин, и это вселяет в меня не только надежду, но и уверенность. Есть еще льцари на Руси!

— Вы заметно симпатизируете первому Президенту России. Что вас в нем привлекает?

— Прежде всего в Ельцине я, буквально с первых его выступлений, заметил то ощущение нравственного народного императива, о котором уже упоминал. Он из тех, кто пытается вернуть в наше общественное сознание кодекс чести. Удивительно, но его речь лишена специфического партийного лексикона, такого раздражающего ухо «воляпюка». У него нормальный человеческий язык.

Знаете, он мне напоминает Твардовского. Они очень похожи манерой говорить, способностью искренне улыбаться, умением объединять вокруг себя талантливых людей. Мне часто даже хочется назвать его Александром Трифоновичем. Когда он восстал против привилегий, я вспомнил, как отказывался от пайков Твардовский, за что был обвинен в склонности к демагогии и желании дешевого авторитета.

Вокруг Ельцина, как вокруг большого кристалла чистой породы, образовалась целая, пользуясь геологическим термином, «друза» кристаллов поменьше, но построенных

по тому же принципу. И сколько молодых, даже старики рядом с ним молодые. Напрашивается вопрос: «Почему вокруг Горбачева по тому же закону образования друз сгрудились какие-то антикристаллы и нет в них той чистоты, которую природа сообщает продуктам своего естественного творчества?»

— Что ж, Ельцин в самом деле поломал сложившийся у нас стереотип, по которому лишь руководителю дозволено быть умным и прозорливым, а окружающие должны составлять не более как серый его фон. Мужики в моем случае к кормилу власти старались не пропустить интеллигенцию.

— В этом проявляется прежде всего его внутренняя интеллигентность. Давайте, правда, сразу договоримся о термине. Для меня интеллигентность отнюдь не есть степень образованности.

«Образованцы», как хорошо называл их Солженицын, чаще всего антиинтеллигентны, ибо не понимают, что знания никогда не заменяют нравственное чувство, которое присутствует и у малообразованных людей. Когда такой человек совершает свой жест противодействия системе, то в нем словно шевелится маленькая доля того чувства, которое я подмечаю в интеллигенте.

Обратившись к нашему прошлому, мы можем смело вывести важные свойства интеллигентного человека. По-моему, первостепенное из них — готовность ради благородного дела пожертвовать своим личным благополучием. Под благородным делом я разумею такие вещи, как интересы народа, торжество закона, его равенство для всех. Ну а кроме того, интеллигентный человек обязательно должен уметь работать, уметь колоть дрова, копать землю, строить дом...

— Владимир Дмитриевич, не могу не задать вопрос, неизбежный, наверное, в разговоре с писателем. Над чем работаете?

— Пишу роман, назвал его «Дитя». Нравственное чувство существует в нас от момента рождения, ребенок уже понимает доброту, зло, коварство и со свойственной ему чистотой реагирует на их проявления. Эта детская способность сопровождает человека до старости. Мой роман — о том, что видело и пережило «дитя», живущее во мне.

Беседовал Александр
НИКОЛАЕВ

ТАНЦЫ НА ЛУБЯНКЕ

Где в городе Москве можно потанцевать?

В городе Москве можно потанцевать в КГБ, на Лубянке.

Только не думайте, пожалуйста, что это — плохая метафора, за которой на самом деле скрывается что-нибудь ужасное. Лучшая, по мнению многих, московская дискотека действительно находится на Лубянке, в клубе имени Дзержинского.

На вопрос «Почему именно она так хороша?» люди, которые в этом разбираются, начинают загибать пальцы: «Во-первых, там никакой шпаны не крутится. Во-вторых — уютно, чисто, светло. В-третьих — вообще все так, как должно быть».

Афиш и объявлений у входа здесь нет. Сам вход найти тоже не просто. Лично мне помог дождь — можно было сообразить, что та стеклянная панель, перед которой много мокрых следов, и есть дверь.

Два прапорщика с голубыми погонами встречаются в вестибюле. Симпатичные гардеробщицы с готовностью берут и пальто, и шляпу, и сумку, и зонтик да еще пожелают хороших впечатлений.

С впечатлениями здесь действительно все в порядке. Как-то раз был вечер для оперативников. Помимо танцев устроили и другие затеи, обычные для дискотек. Например, конкурс — кто быстрее надует воздушный шарик. Вышел парень — смесь Сабониса и Шварценеггера, набрал в грудь воздуха... Да, он надул огромный шар одним вздохом! Такие ребята здесь танцуют!

Если вам надоело танцевать, можете пойти в буфет. Если устали — посидите в фойе, на мягких, не изрезанных ножами пуфиках, а заодно и подивитесь чудовищному несоответствию здания и того, что здесь происходит. Тяжеловесный холодный «сталинский вампир». Огромный белый бюст «рыцаря революции» встречает у входа в танцзал.

«Когда на сцене танцует ламбаду наша Таня, все мужчины собираю-

тся вокруг! Потому что у нашей Тани самая короткая юбка в этом зале!»

За окном дождь моет ряды длинных черных машин. Неизвестно для кого меняет цвета светофор. Зловещая, неестественная пустота московских улиц вечером выходного дня. Хорошо, что хоть куда-то можно прийти и просто потанцевать. Конечно, попадет сюда не всякий. Для того и нужны два прапорщика у дверей, чтобы пропускать лишь тех, у кого есть приглашения. Основная публика — курсанты и дети, чьи родители работают в институтах и учреждениях при этой организации. Куда в такой же холодный и дождливый вечер деться остальным?

В Москве есть человек, который занимается дискотеками профессионально, создает их, снабжает фонограммами и техникой. Его зовут Александр Сидоров, он руководит экспериментальным творческим объединением «Дискомастерская».

— Саша, я думаю, наш с тобой разговор многих возмутит. Вокруг бог знает что творится, а мы решили поговорить о танц厅ках. Но жизнь продолжается, несмотря ни на что. И если в Москве открываются «Макдоналдс» и «Пицца-Хат», то почему никакому предпринимателю, западному или нашему, не придет в голову создать нормальный дансинг западного типа? Ведь это, должно быть, страшно выгодно. Выгоднее, чем кооперативные рестораны, для которых как минимум продукты нужны. Можно если не построить, то арендовать помещение. Пусть не на сто процентов подходящее — ничего, сойдет. Оборудовать небольшой видеозал, буфет с безалкогольными напитками, комнаты, где можно покурить, просто посидеть. Билеты сделать недешевыми — тоже ничего страшного.

— Теперь я тебе предсказываю дальнейшее развитие событий. На следующий день там прочно засядут

воры и мафиози, и никого, кроме своих, пускать не будут. Или обложат рэкетирь, которые в пять раз взвинтят цены. Мебель изрежут ножами, в буфете будут лакать водку, и твой райский уголок станет крупнейшей в Москве криминогенной зоной.

— Можно поставить охрану.

— Тогда вот тебе второй вариант. Каждый вечер придется оцеплять все окрестные кварталы, ставить бронемашину и тройное ограждение из ребят с автоматами. А еще через месяц этих ребят подкупят, запугают, и мы опять вернемся к варианту номер один. Дело в психологии людей. Тут все смешалось — сформировавшееся десятилетиями изуверство советского быта, нынешний всеобщий развал. Да и прошлое вспомни — почти всегда гулянье в деревне заканчивалось тем, что стенка шла на стенку и кому-то голову пробивали.

— Что же делать?

— Мы, наша «Дискомастерская», сами создаем себе аудиторию. Работаем с тринадцатипятилетними — их еще можно чему-то научить. Но вообще нормально потанцевать в России можно будет не раньше XXI века.

Пока до XXI века остается еще девять лет, советский человек идет в ближайший клуб или дом культуры. Пыльное и гулкое, как гараж, фойе освобождают от стульев. Для световых эффектов подвешивают шар с наклеенными кусочками зеркала. Со стены на все это неодобрительно смотрят застывшими глазами красноармейцы — герои огромной фрески во всю стену под Петрова-Водкина. У ребят, которые под этой фреской будут танцевать, глаза скоро сделаются не лучше. Движения все меньше будут соответствовать музыке, а за дверями и под лестницей скопится все больше пустых бутылок.

В конце концов одной из этих бутылок попытаются запустить в дискотеку. Кто-то упадет перед сценой,

кого-то выведут приятели. На самой дискотеке драки не произойдет. Отношения будут выяснять в ближайших дворах и подъездах. На следующий день жильцы сядут писать жалобы, и директор клуба, испытывая невероятное облегчение, дискотеку закроет. Есть шанс, что через некоторое время он ее восстановит — она очень выгодна, билеты стоят пять рублей, затраты минимальные.

Года два назад было зловещее время набегов на дискотеки, вроде легендарного погрома в ДСК «Союзитель» в апреле 1989 года. Тогда толпа из ста примерно человек окружила здание. Налетчики орали: «Всем стоять на месте! К вам пришли любера и жданы!» (группировка из Ждановского района). На пол летели стекла, в щепки превращались стулья, раскачивалась милицейская машина, которую забавы ради пытались перевернуть. Расцвет перестройки, идеологическая борьба... Все это в прошлом. Крутые ребята зарабатывают деньги и глупостями больше не занимаются. Жданы ис-

чезла вместе с давшим ей названием районом, не совершив, слава богу, больше ничего примечательного. Но дискотека по-прежнему осталась сомнительным местом. Нехорошим. Чем-то вроде притона или Рижского рынка. Как сказал мне на прощание Саша Сидоров: «Она — наше общество в миниатюре».

Этим сейчас не удивишь. У нас все — общество в миниатюре. И магазины, и вокзалы, и армия, и Верховный Совет. Дискотека интересна тем, что она — эксперимент наиболее чистый. Никто сверху в ее существование не вмешивается, никто не регламентирует. Она вообще ушла из сферы общественного внимания. Здесь нас оставили наедине с самими собой — с нашей озлобленностью, агрессивностью и представлением о том, что самое высшее развлечение — это полная «отвязка». Для нынешней Наташи Ростовой ее первый бал запомнится как место, где ее в любой момент могут унижить, оскорбить, даже ударить. Вспомним фильм «Начало», когда

героиня Чуриковой нарывається на какого-то остроумца: «Девушка, вы танцуете?» — «Да». — «А я пою».

Говорят, не так давно иностранные туристы попросили, чтобы в их культурную программу включили посещение настоящей московской дискотеки. Людям захотелось потанцевать вместе с москвичами точно так же, как где-нибудь в Париже или Амстердаме они танцевали в дансингах и найтклабах.

Куда конкретно водили любителей местного колорита, я не знаю. Наверное, выбирали что-нибудь поприличнее. Но после двух-трех попыток гостям из-за рубежа резко расхотелось развлекаться в компании простых советских людей, и они благополучно укрылись в валютные заведения. Бывает и наоборот. Американцы иногда любят посещать самые темные заведения и ждут водки, грязи и мордобоя как особой русской экзотики. Пожелаем им ярких впечатлений.

Е. ГОНЧАРЕНКО

Фото Ю. Штукина

У нас их называют бюрократами, аппаратчиками. За границей — государственными служащими. Несмотря на разницу («там» к чиновникам относятся все-таки почтительнее), людей этой профессии постоянно и повсюду критикуют — либо недостаточно демократичны, либо слишком дорого обходится их содержание... Но ни одна страна мира еще не отказалась от чиновников, и вряд ли это когда-нибудь произойдет. Грамотное управление окупает затраты на него, а безграмотное вызывает раздражение, неприязнь, ненависть. Увы, никто у нас толком не знает — к каким мировым стандартам надо стремиться. Об этом корреспонденты «Столицы» Е. КОЛЕСНИКОВА и Г. ЛОМАНОВ беседуют с представителями европейских государственных служб: Р. РАЙТОМ — руководителем службы развития аппарата Кабинета Великобритании, Г. КРОНКВИСТОМ — директором Агентства административного развития Финляндии, Р. ПИГАНОЛЕМ — содиректором Администрации государственной службы Франции.

УЛЫБАЙТЕСЬ, ШЕФ ЛЮБИТ ИДИОТОВ!

Р. ПИГАНОЛЬ: Система государственной службы во Франции основывается на двух главных принципах. Первый — доступность для любого гражданина. Это закреплено шестой статьей Декларации прав человека и гражданина еще в 1789 году, задолго до появления современных законов, регулирующих деятельность госслужбы.

Второй принцип — независимость служащих от политических партий. Партийная принадлежность не дает никаких преимуществ и не влияет на карьеру. Исключение составляют примерно шестьсот чиновников высшего ранга — префекты, послы, ко-

торых назначает правительство. Остальные работают постоянно, вне зависимости от того, какая партия придет к власти. Такой подход позволяет сформировать стабильный, эффективно работающий аппарат.

Впрочем, должен сделать оговорку — профсоюзы хотя и не вмешиваются в работу чиновников, но все-таки имеют возможность влиять на их карьеру. Любое продвижение вверх должен санкционировать специальный совет, который наполовину состоит из самих служащих, наполовину — из представителей различных профсоюзов. Мы считаем, что такой порядок помогает аппара-

ту вести диалог с трудящимися; лучше понимать их нужды. Участие синдикатов в формировании госаппарата, в подготовке служащих закреплено принятым два года назад специальным декретом. Для нас это знаменательный документ — впервые в истории Франции правительство и профсоюзы подписали документ, касающийся не только оплаты труда.

Р. РАЙТ: В Великобритании служащих подбирают на конкурсной основе. Соискателем на должность низкого ранга может быть любой человек. Понятно, что условия конкурса на разных уровнях отличаю-

тся, но при отборе на государственную службу мы всегда предпочтем кандидата с высоким интеллектуальным уровнем. Его определяют с помощью стандартного набора тестов.

У конкурсной системы подбора чиновников есть особенности, для вас, видимо, непривычные. Как правило, на государственную службу приходят люди молодые, в возрасте 30—35 лет. Они твердо решили посвятить себя этой деятельности — ведь в большинстве стран принята система пожизненного найма чиновников. Уволить их можно только в случае совершения уголовного преступления или по этическим мотивам — по подозрению в аморальном поступке, взяточничестве... А в молодые годы конкурс воспринимается спокойно.

— Отдаете ли вы предпочтение выпускникам престижных колледжей, таких, как Итон?

Р. РАЙТ: Нет, конкурс открыт для всех. Мы против любой дискриминации. Другое дело, что у выпускника Итона больше шансов победить, поскольку своеобразная селекция идет еще при поступлении в эти колледжи — с давними традициями и высоким качеством образования.

— А много ли женщин в аппарате? Надеемся, этот вопрос не покажется наивным представителю страны, правительство которой долгие годы возглавляла Маргарет Тэтчер?

Р. РАЙТ: Исторически сложилось, что служба в государственном аппарате — дело мужское. Правда, сейчас мы стараемся отойти от традиции, на среднем иерархическом уровне представительниц прекрасного пола становится больше. Например, колледж по подготовке государственных служащих возглавляет женщина, которая, кстати, немало сделала, чтобы приспособить систему обучения к современным требованиям.

— Работник правительственного аппарата нередко имеет дело с государственными секретами — проходит ли он проверку в спецслужбах перед поступлением на работу?

Р. РАЙТ: Специальной проверки нет, но все служащие знают, что хранить государственные тайны — их прямая обязанность. А людей, имеющих дело с сугубо секретными сведениями, не так уж много в аппарате.

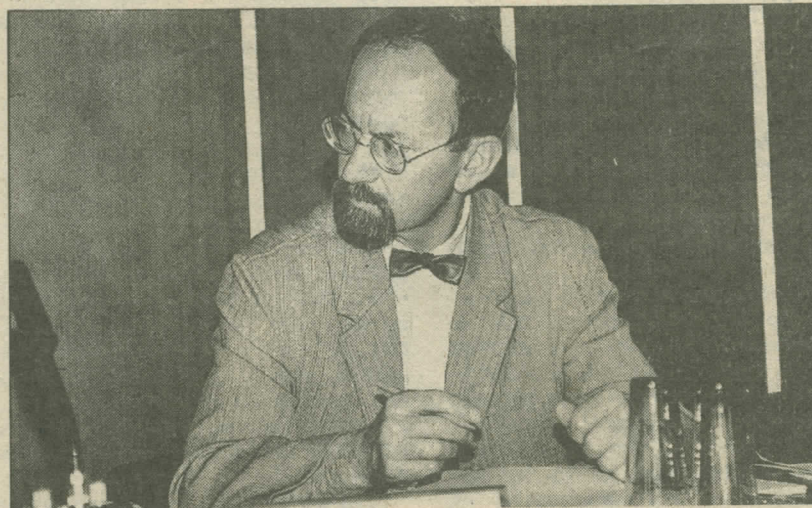
Р. ПИГАНОЛЬ: Компетентность

Р. Райт

Г. Кронквист

Р. Пиганоль

государственных служащих мы считаем важнейшим условием всех позитивных перемен в обществе — ведь от работы зависит очень многое в жизни страны.

— *На лацкане вашего пиджака значок, который, похоже, опровергает то, что вы говорите. На нем надпись: «Улыбайтесь, шеф любит идиотов!»*

Р. ПИГАНОЛЬ: О, я купил его здесь, в Москве!

— *Все ясно. Вопрос снимается, возникает другой — не приобрести ли и нам такой? Если же говорить серьезно, политики приходят и уходят, а государственные служащие остаются на своем посту до пенсии. Из литературы известно — они чувствуют себя в «коридорах власти» увереннее политиков, поскольку определяют суть решений — хотя бы уже потому, что более информированны и компетентны. Насколько далека писательская интерпретация от реальности?*

Р. РАЙТ: Государственные служащие — связующее звено между людьми, стоящими у власти, и народом. Политика — экономическая, социальная, культурная — определяется все-таки на высших этапах управления. Аппарат же консультирует политиков, помогает им принять оптимальные решения, нередко притормаживает слишком рьяные порывы. Например, министр одержим какой-нибудь идеей, которую невозможно реализовать, — в таких случаях аппарат аргументированно объясняет, почему такое решение не стоит принимать.

— *Как оплачивается за рубежом труд аппаратчиков?*

Р. РАЙТ: Мы стремимся, чтобы зарплата государственных служащих не очень отличалась от заработка менеджеров примерно того же уровня. Это очень важно, поскольку во многих странах работники аппарата получают порой в два-три раза меньше, чем в частном секторе экономики.

— *Легко ли уволить государственного служащего?*

Р. РАЙТ: Очень трудно — их защищает хорошо продуманное законодательство. Но это не означает, что человек может работать кое-как — его компетентность и соответствие занимаемой должности ежегодно оценивает босс. Если он не удовлетворен качеством работы, служащий может стать кандидатом на увольнение.

— *Но оценка начальника не*

всегда объективна, к тому же на нее может повлиять, допустим, личная неприязнь.

Р. РАЙТ: Во-первых, аттестуют работника двое — непосредственно начальник и руководитель департамента. Если служащий не согласен с оценкой, он может обратиться с апелляцией в специальный арбитраж. Мы считаем нашу систему жесткой, но справедливой.

Р. ПИГАНОЛЬ: У нас тоже есть специальный правовой орган, разбирающий конфликтные ситуации. Поясню на примере — если один из участников считает, что конкурс был проведен неправильно или пристрастно, он обращается в специальную комиссию. Рассмотрев жалобу, она может отменить результаты конкурса. К этой комиссии апеллируют и те, кто считает, что его уволили несправедливо.

— *Интересно, а бывают ли за рубежом кампании по сокращению аппарата или это чисто наше, советское явление?*

Р. РАЙТ, Г. КРОНКВИСТ, Р. ПИГАНОЛЬ (дружно): О, конечно, бывают!

— *Есть ли на Западе у аппаратчиков привилегии?*

Р. ПИГАНОЛЬ: У французских чиновников никаких привилегий нет, если, конечно, не считать гарантированной работы до пенсии. При хронической безработице это, безусловно, серьезный стимул. Впрочем, смотря что считать привилегиями. На Западе чиновник получает гарантированную пенсию. Для вас это обычное дело, у нас — привилегия, поскольку в частном бизнесе пенсионного обеспечения нет — выплачивая страховые взносы, человек должен сам позаботиться о своей безбедной старости. У вас государственную квартиру получает подавляющее большинство граждан, на Западе квартиры покупают. И то, что чиновнику частично оплачивают расходы на жилье, — безусловная привилегия.

Хотя все это вовсе не означает сладкой жизни — служащий ограничен в своих правах. Например, он не имеет права на забастовку, не может активно участвовать в политической жизни, у него нет восьмичасового рабочего дня.

— *Но, как мы поняли, у него все-таки нет привилегии быть вне критики...*

Г. КРОНКВИСТ: Действительно, чиновников всегда критикуют — это, по-моему, явление планетарное.

Финляндия — не исключение. Более того, у нас сейчас к государственной службе предъявляют чересчур высокие требования. А ведь желаемое и возможное не всегда удается совместить — средства на социальные программы, которыми распоряжается правительство, ограничены. Значит, чиновники, во-первых, не могут прыгнуть выше головы, во-вторых, должны действовать очень профессионально.

Настало время кардинально изменить психологию аппарата — чиновники, особенно служащие высшего ранга, должны любить свой народ, заботиться о нем, а не рассматривать сограждан как объект для экспериментов. Образно говоря, общество — покупатель административного аппарата, а покупатель, как известно, всегда прав.

— *Как же изменить государственную службу, чтобы чиновники, как у нас говорят, стали «слугами народа»? Подлинными, конечно, — от деклараций проку мало.*

Г. КРОНКВИСТ: Однозначного ответа нет. Более того, лично я считаю, что должно смениться поколение, возможно, не одно, прежде чем появится генерация служащих, которые думают прежде всего о служении народу, а не о собственной карьере. Это идеальный вариант, к которому мы стремимся. Если же говорить о конкретных мерах, сегодня упомяну прежде всего проходящую в Финляндии децентрализацию аппарата — все больше функций передается на нижние этажи управления. Это великолепный способ повысить ответственность служащих, предоставить им возможность острее почувствовать реальные нужды сограждан. Второе — не по важности, просто по порядку — ориентация на конечный результат. Думаю, термин советским людям хорошо известен, поскольку вы тоже этим озабочены. Руководители высшего ранга обязаны думать не о том, как израсходовать средства и ресурсы, — прежде всего о том, чего они с их помощью добьются. Раньше государственный бюджет определял, сколько средств и на какие нужды надо выделить. В будущем мы намерены закладывать в бюджет набор результатов, которые мы ожидаем от различных управленческих структур. Важно не количество потраченных средств, ресурсы — лишь средство для достижения цели.

Фото А. НАЗАРЕНКО

Российская лесная биржа Лесопромышленники России — к единству и сотрудничеству!

Шаг за шагом на пути к экономическому изобилию

Владимир ТОКМАКОВ,
президент Ассоциации
"Российская лесная биржа"

Российская лесная биржа учреждена совсем недавно, но, как мы считаем, вовремя. В лесной отрасли, как и во многих других, сложилась ситуация, когда горизонтальные связи уже разрушены, а новых нет, поскольку для их установления нужно время. Но главное — нужен путь, по которому шаг за шагом наша промышленность выбиралась бы на проторенную тропу экономического изобилия. Таким путем нашими учредителями, экономистами, специалистами в области управления была признана необходимость создания Лесной биржи. Ее отличие от уже существующих бирж заключается, конечно же, в специализации. На наших торгах встречаются прежде всего производители лесной продукции. С другой стороны, на них открыт вход для всех, кто может предложить товары самого широкого профиля, ведь представителей Сибирского леспромпхоза покупка мяса и овощей заинтересует, возможно, не менее, чем москвичей сибирская древесина.

Естественно, что в начале своей деятельности нашей бирже не избежать аукционной системы ценообразования, хотя мы делаем все возможное, чтобы цены были экономически обоснованы. Здесь срабатывает прямая зависимость — чем меньше товара предоставляется на продажу при существующем огромном дефиците, тем выше цены. Поэтому основной своей задачей мы видим привлечение как можно большего числа потенциальных продавцов.

На сегодняшний день в числе учредителей состоят 88 организаций. Многие из них представляют территориально-производственные концерны. Например, в состав Министерства лесного хозяйства РСФСР входит до двух тысяч предприятий, а потенциально нашими членами могут быть около 3,5 тысяч предприятий, ранее объединявшихся Министерством лесной промышленности СССР. Сумеем ли мы привлечь их к своей работе? Убедим ли в эффективности новой системы хозяйствования? Эта своеобразная "агитация" и "пропаганда" ложится на брокерские конторы, которые

создаются почти при каждом учредителе. Если предприятие лесной промышленности или леспромпхоз решит воспользоваться нашими услугами, им следует обратиться в центральное объединение или головную структурную единицу — например, в "Нижегородлес" или "Енисейлес".

Для тех, кто хотел бы ознакомиться с принципами работы Российской лесной биржи и поучаствовать на торгах, которые сегодня проходят каждый четверг в одиннадцать часов, мы предоставляем возможность купить входной билет стоимостью 50 рублей.

Прежде всего в интересах производителей

Вильдан ЗАЕДИНОВ,
член Совета директоров
Ассоциации "Российская лесная
биржа", директор
оптово-посреднической фирмы
"Лескомплект"

Почему наша фирма стала учредителем ассоциации "Российская лесная биржа"? По роду своей деятельности, "Лескомплект" является своеобразным связующим звеном между предприятиями-производителями лесной продукции. Мы участвуем не только в заключении договоров между ними, но и в их финансовых расчетах. "Лескомплект" всегда находится в самой гуще проблем предприятия лесной отрасли. Наш выход на биржу — это шанс решить часть вопросов материально-технического обеспечения. Мы получаем возможность увеличить перечень услуг, который оказываем нашим предприятиям.

Прошли первых два торга. И уже сегодня можно сделать вывод, что организаторы пока не добились своей цели —

привлечения к работе биржи большого количества производителей лесной продукции. Их сейчас в числе учредителей менее 50 процентов. А это означает, что на многие виды продукции будет сохраняться монополия цен. Меня как члена Совета директоров биржи — исполнительного органа ассоциации — очень беспокоит эта ситуация. Наша задача стабилизировать цены на рынке. И не методом убеждения, а путем пополнения рядов акционеров "Российской лесной биржи" собственно "лесными" производителями.

**Контактные телефоны:
923-32-93, 207-98-34**

Николай МАЛИНИН

ТВОЮ МАТЬ?!

Последнее издание словаря Даля, 1978 год. Между словами «блягирь» (малярная краска бледно-желтого цвета) и «блязик» (татарское запястье) пусто. Но вот Даль 1903 года издания, та же страница. «Блядь — ж. публичная женщина, проститутка; вообще распутная женщина. Блядун — развратник, распутный мужчина. Блядунья — ж. ниже обыкновенной бляди, лахудра, плеха... Блядовство — ср. любодеяние, распутная жизнь». Странно, согласитесь?

Видит Бог, автор статьи ни разу в жизни матерно не ругался, несмотря на то, что мат — особенно в последнее время — активно осваивает кино, театр и литературу. Видимо, именно на этой почве у него сложился некоторый комплекс неполноценности, который и материализовался несколько лет назад в курсовую работу «Матерная лексика и ее роль в русской художественной литературе» (МГУ, кафедра русского языка).

Курсовая работа, на основе которой написана ниже следующая статья, была выдержана в сугубо научном стиле... Поэтому, думается, было бы последним лицемерием, рассуждая о мате, ставить только стыдливые точки вместо самого предмета рассуждения. И все же мы заранее просим прощения у наиболее целомудренных наших читателей.

АРКАДИЙ, НЕ ГОВОРИ КРАСИВО!

Арвид Крон, редактор журнала «Ковчег», выразил как-то довольно забавное опасение, что, вводя мат в литературу, писатель рискует оставить русский народ без... ругани. Сомневаюсь, что нам грозит подобная опасность, тем более что окружающая действительность каждый день дает новый повод высказаться на ее счет, но суть в том, что корни сквернословия куда глубже.

Один английский журнал писал еще сто лет назад: «...достоинства бранной лексики как предохранительного клапана для наших чувств и использование ее вме-

сто воздействия на противника в соответствии с известным законом о преобразовании сил исследованы еще мало. Между тем человек, которому вы наступили на мозоль, либо вас отругает, либо ударит, обращение к тому и другому сразу происходит редко... Так что верно мое мнение, что тот, кто первым на свете обругал своего соплеменника, вместо того, чтобы, не говоря худого слова, раскроить ему череп, тем самым заложил основы нашей цивилизации».

Действительно, цивилизованный мир бранится, не смущаясь присутствием ругани в книжках, — только потому, что нарушение табу (чем и является любая инвектива, сиречь ругательство) есть естественный способ восстановить равновесие нервной системы. Обнаружена даже тенденция к понижению кровяного давления у людей, часто прибегающих к ругани, в отличие от тех, кто пережигает обиды внутри...

Другое дело, что ругается мир по-разному. Поскольку основной метод инвективной лексики — обвинение в нарушении норм национально-культурного поведения, то и отбор этих норм носит ярко выраженный этнический характер. Так, в основе немецкой инвективной стратегии лежат оскорбления с упоминанием экскрементов. Причина — известная чистоплотность этого народа. Во Франции и Англии самое обидное ругательство носит коитальный характер, а в Италии это — богохульство («мадонна путана», например), что объясняется пресловутой набожностью потомков Ромула.

В славянских культурах, где особенно высок статус родственных отношений по материнской линии, самым страшным ругательством является сексуальное оскорбление матери.

НАРОД НЕ БЕЗМОЛВСТВУЕТ

В статье «Наш язык» (сборник «Из глубины», 1918 год) Вячеслав Иванов писал: «Нет, не может быть обмирщен в глубинах своих русский язык! И довольно народу, немотствующему про свое и лопочущему только что разобранное по складам чужое, довольно ему заговорить по-своему, по-русски, чтобы вспомнить и Мать сыра-Землю с ее глубинною правдой, и Бога в вышних с Его законом».

И верно, стоит только народу вымолвить что по-своему, по-русски, — Мать сыра-Земля тут как тут. И Матерь Божья тож. Да и собственная матушка...

Борис Успенский, языковед, умница, очень изящно описал в венгерском журнале «Студия славика» мифологическое происхождение и ритуальный характер российской матерщины. Совершенно справедливо понимая под «матом» круг инвектив, образованных глаголом «ети», Успенский утверждает, что первоначально в этом ругательстве подразумевалась именно Мать сыра-Земля.

Дело было как? Была Земля. Было Небо. Потом между ними произошло «это». Животворящим разрядом стал удар грома, оплодотворяющим семенем — дождь. Так на Земле началась Жизнь.

В космосе язычников телесное играло одну из первых ролей и потому весь окружающий мир осмысливался через образы тела. Ну а пол и сексуальность, как самые характерные проявления телесного, стали частью символической культуры человечества.

Мужской половой член у язычников — религиозный символ. Он подразумевается в кресте. Перед греческими храмами ставятся квадратные колонны без рук и ног, но зато с головой и эрегированным «скипетром страсти». В римском театре непременно участвуют фаллофоры — носители фаллоса. Древние израильтяне клянутся, положив руку на оный предмет. В древнеиндийской же мифологии семя отождествляется с абсолютным началом.

То есть, Эрос у древних — это не только половое влечение, это универсальная космогоническая энергия, соединяющая первоначальные элементы мира.

Точно так же и все выражения с коитальным смыслом не имеют поначалу ничего кощунственного, являясь магическими формулами или священными заклинаниями. Они употребляются как часть языческих ритуалов: во время сева или жатвы, на свадьбе или похоронах; на праздниках гумна акт срамословия уподобляется акту плодородия.

Мат вообще функционально эквивалентен молитве: матерятся, чтобы спастись от лешего (если не помогает крестное знамение). Матерятся, откапывая клад, охраняемый, как водится, нечистой силой. А при лихорадке мат, считается, помогает даже лучше, чем молитва. Об этом же сходстве говорит и особое отношение к языковому знаку: мат не употребляют всуе; цитируя, говорящий все равно несет ответственность за вымолвленное...

Да, но откуда же берется отрицательный момент? И кто является субъектом действия в инвективе; где объектом — Мать сыра-Земля?

КТО ТАКОЙ СУКИН СЫН

Иностранцы немало помучались, пытаясь перевести наше великое, могучее, правдивое и свободное «Еб твою мать» («Ихь шэндэ дайне мутер» — выдвигал версию Адам Олеарий); кончилось это тем, что сегодня три четверти населения планеты ругается по-русски. Без перевода.

Видимо, есть в этой загадочности своя прелесть, но пора рассеять стыдливый туман. Борис Успенский утверждает, что в этой инвективе подразумевается пес. Дело в том, что пес есть животное грязное.

Итак, пес — бесовское начало, недаром песья голова считалась символом опричнины. Само же представление о псе, как о враге Бога Неба, сложилось в эпоху общеславянского единения, тогда же наш фразеологизм получил дополнительное отрицательное значение: пес, оскверняющий землю.

Кстати, и само слово «пес» произошло, по мнению исследователей, и не от прилагательного «пестрый», и не от латинского «pecus» («скот»), а явилось как табуистическая замена неприличному названию нечистого животного. И пришло оно из литовского языка, где глагол «pisti» означает как акт мочеиспускания, так и акт совокупления, а производное существительное «pisnius» значит «распутник»!

Доказательством этой версии служит и популярная в народе номинация «сукин сын» — то есть, сын женщины, от совокупления с псом самой превратившейся в собаку. Кроме того, самое древнее письменно зафиксированное матерное выражение (1432 год, болгаро-валашская грамота) звучит примерно так: «Да ме ебе пес жене и матери ме...»

Что же касается этимологии самого глагола «ети», то он восходит к древнеиндийскому «jabati» и имеет родственные слова во всех славянских языках. Посему совершенно беспочвенны попытки зачислить мат в «татарщину», а подобные происки некоторых новых славянофилов, мнящих «обелить» русскую историю и отказать русскому народу в способности к амбивалентной полноте восприятия мира, просто даже обидны.

ИКС, ИГРЕК И НЕИЗВЕСТНАЯ НАУКЕ БУКВА

Необходимо, видимо, сказать несколько слов и о происхождении других блоков нецензурной брани. Хотя, как мы уже заметили выше, к «мату» они исторически не относятся, для приличного слуха все они одинаково «матерны»...

Самое, пожалуй, смачное слово в русском языке — междометие «бля». Достоевский так писал о своих наблюдениях за его употреблением: «...одно слово, одно и то же, крайне немногосложное — презрение, брань, отрезвление; упоение, успокоение».

Произошло от «односложного существительного женского рода», как стыдливо выразилась недавно «Комсомолка». А то, в свою очередь, от старинного русского слова «блуд», означавшего как «уклонение от прямого пути в прямом и переносном смысле», так и «незаконное, безбрачное сожитие, любодействие», потому и было легальным вплоть до 1730 года, когда специальным царским указом было запрещено.

Однако в народе оставалось любимо. И усвоилось почти ритуально, как «Отче наш». Вот какую забавную жалобу на русский народ писал один мелкий князек: «Ей, государь, вашему величеству не по чему знати, какое в народе обыкное безумие содевается. ...Не безумие ль сие дело есть, яко еще младенец не научится, как и ясти просить, а родители задают ему первую науку сквернословную и греху подлежащую? Чем было в начале учить младенца, как Бога знать, и указывать на небо, что там Бог, ажно вместо такового учения отец учит мать бранить: мама, кака мама бяля; а мать учит подобное отца бранить: тятя бяля; а как младенец станет бякать, то отец и мать тому бяканию радуются и понуждают младенца, дабы он непрестанно их и посторонних людей бякал».

Действительно, это слово постепенно утратило всякий сексуальный оттенок и превратилось в так называемую «детонирующую запятую», утратив заодно и всякую оскорбительность. Еще Владимир Одоевский отмечал, что мат в речи народа редко воспринимается как оскорбление, и старый солдат поприветствует другого никак не «Здорово, брат», а непременно — «Трах-тарарах, старый пам-бара-бам!»

Все дело, по-видимому, в контексте. Пушкин считал, что «истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности». Вот, например, абсолютно нетворческая и шаблонная форма речи у одного айтматовского героя:

«Привычка Мишана приговаривать по каждому поводу «бля» для него была что вдох, что выдох.

... — Ты что, бля, лежишь? А ну давай поднимайся.

сука-поп. Обер требует тебя на ковер, допрашивать будет».

А ведь каким ароматом может веять от того же по сути слова! Сцена ссоры Мартынова и Лермонтова в исполнении Фаины Раневской и Анны Ахматовой.

«Ты говорил, — заговорила она грубым голосом, почему-то с украинским «г», — за мою сестру, что она бядь?» Слово было произнесено со вкусом. «Ну, — в смысле «да, говорил», — откликнулась Ахматова за Лермонтова. «Дай закурить, — сказал бы Мартынов. — Разве такие вещи говорят в больших компаниях? Такие вещи говорят барышне наедине... Теперь без профсоюзного собрания не обойтись».

Что касается еще одного распространенного русского слова из трех букв, то уважаемые специалисты считают, что здесь имел место процесс не метафоризации (от «хвои» как табуизация), а скорее — омонимизации, то есть параллельного происхождения от общей основы по общему признаку — длине, колкости и остроте. Аналогичное по звучанию и значению слово есть в любом славянском языке.

Сам же фразеологический оборот имеет древнюю историю. Помещение ругаемого в женскую сексуальную позицию и отождествление ее с подчинением, а мужской — с господством человечество унаследовало еще от своих животных предков.

Благодаря краткости и универсальности смысла мат способен заменять любую по сути часть речи. Еще Даль отметил, что рассматриваемое нами слово «становится почти местоимением в значении «что, что-либо, какой, какой-нибудь». Ни х-я нет — ровно ничего нет. Ни х-я не видно или не видать — ничего не видно». Или так: «Х-ев. Это, батюшка, х-ево (скверное) дило, нвг».

А когда возникла потребность в табуизации этого слова, то, по-видимому, в среде семинаристов возник эвфемизм «хер». «Хер» — это, собственно, всего лишь название буквы алфавита, на которую начиналось исконное слово.

Третий основной блок русских ругательств отправляет адресата в зону женских гениталий, проще говоря, половых органов. А так как женское лоно считается символом смерти, то такая фраза по сути — пожелание сдохнуть. Впрочем, это одномерное восприятие. Тут самое время вернуться к истории.

МАТУ — МАТ

Выбравшись из «глухой несознанки» средневековья, мир веселится в бахтинском карнавале (расхожее ощущение, что Бахтин куда интереснее самого Рабле, поэтому эпоху часто определяем через первого). Во времена карнавалов ругательства теряют свой первоначальный практический (магический и заклинательный) смысл, но как воспоминания человечества о детстве, которые не могут быть грязными или злыми, остаются замечательно амбивалентны. То есть брань в принципе выполняла свое прямое назначение, но как-то не воспринималась всерьез...

Посылая кого-то в направлении материнского чрева, инвектант (ругающийся) как бы подразумевал амбивалентность смерти. Ведь в представлении раблезианцев смерть — это никакой не конец, это воскрешение через обновление; жизнь вообще в натуре замкнутый цикл, и смерть лишь одно из звеньев в цепи превращений («... пожалуйста, не говори отвратительного слова «кон-

чай», когда имеешь дело с бесконечностью», — говорит Влада Юрьевна у Алешковского, находясь, образно говоря, в положении инвективируемой). И вообще тот материально-телесный низ, куда мы так часто рекомендуем маршрут друг другу, подразумевал у древних прежде всего богатство и избобилие: низ рождает, низ зачинает, низ забирает в себя и возвращает, обновив; другого низа нет!

Впрочем, все это — в карнавал. Когда нет запретов и норм, привилегий и иерархий, «когда смешное плещет в уши, само бессмертье хлещет в душу, как виноградное вино!» В карнавал можно брызгаться мочой, можно для смеха описать целый город, в честь чего его потом и назовут (Гаргантюа описал город для смеха — «*rag gus*», получился «Париж!»), можно обзывать и пихаться.. То есть брань как бы сростается со смехом, ее непосредственное значение осознается, но через призму юмора не воспринимается обидно. (Кстати, по-моему, самое смешное произведение современной русской литературы — «Николай Николаевич» Юза Алешковского, и не столько из-за оригинального сюжета, сколько именно в силу поразительно смешной матерщины!)

Но это все — «там». На Руси в это время царит жестокая антисексуальная мораль — христианство. Секс — грех. Смех — грех. Христос никогда не смеется, смеется только дьявол.

Мат именуется не иначе как «еллинское блядословие». Что понятно — ведь с принятием христианства матерщина как бы распространяется и на Матерь Божию! Иван Грозный в 1552 году велит, чтобы христиане «матерны бы не лаялись» (хотя сам лаялся ого-го как).

Матерщина однозначно отождествляется светской и духовной властью с бесовством, с грехом, со злом.

XVIII век ознаменовался несколькими правительственными указами против мата. Но мыслимое ли дело — изъять из народной речи слово? Помимо юродства карнавальные традиции, в том числе и матерные, присутствуют в народных гуляньях. В святки наряжают кого-нибудь покойником — и давай отпевать! Посредством отборнейшей брани. А в масленицу для священника материться — святое дело, обязанность. Частенько образы ругателей просачиваются и в литературу. У Княжнина один персонаж не сильно, кстати, изумил публику тем, что «пустил слов токи сильны, скоры, кончая все на мать».

Барков Иван Семенович. Блестящий историк и филолог. Отдельные переводы Горация не имеют равных себе по сей день. Увы, его творчество почти забыто, а имя Баркова стало символом фривольной литературы благодаря каким-то двум десяткам скоромных стишков. Кстати, в издательстве «Советская Россия» появится сборник Баркова, в который войдут оды, эпиграммы, сатиры, сказки, стихи из сборника «Девичья игрушка».

Потом был Пушкин, который помимо «Гаврилиады» написал еще «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты...», посвященное, как известно, Анне Керн. Но это — в альбом. А своему приятелю Соболевскому Пушкин так описывает то чудное мгновенье: «Безалаберный! Ты ничего не пишешь мне о 2100 р. мною тебе должных, а пишешь о М-тце Керн, которую с помощью божией я на днях е...»

Потом был Толстой, у которого Кутузов ругается старым, «дедовским» словом, и чувствуется, что хоть и называть слово писатель не может, но матерщину он все же воспринимает как предмет национальной гордости...

В начале семидесятых А.Н.Афанасьев печатает 77 своих «непристойных», «заветных сказок», но — в Женеве. Анонимно. Возможно, с помощью Герцена. Причем «едиственно для археологов и библиофилов в небольшом количестве экземпляров».

«И НЕМЕДЛЕННО ВЫПИЛ»

Маяковский в 1915 году обмолвился, что он, мол, лучше в баре блядям будет подавать ананасную воду. Но после Октября материться перестал.

Новое государство объявило себя приличным. Варлам Шаламов вспоминал, как в двадцатые годы один журналист заключил пари, что напечатает матерщину. На ведро пива. Напечатать-то он напечатал — акростихом в частушке, — да получил год тюрьмы. За хулиганство в печати.

В виде высочайшего благорасположения Шолохову дозволялось сунуть в «Поднятую целину» реплику «Эх, ...твою мать» — и то только как народное одобрение колхозной идеи...

У Фадеева Сережка Тюленин кричит «самыми страшными словами», которые в его устах звучат как «святое заклятье» — сколько себя помню, ужасно меня разбирал интерес — матом он ругается или как?

Оттепель обозначилась валом жизнерадостной классики (Рабле, Апулей, Боккаччо), где мелькало площадное слово, и — реабилитацией. Популярна точка зрения о пришествии мата на Русь с потоком лагерников, что, конечно, наивно...

Первое же произведение на лагерную тему ознаменовалось характерным анекдотом. Стремясь хоть как-то приблизить лексику повести к действительности, Солженицын выдвинул такой эвфемизм — «Пошел на фуй!», за что незамедлительно получил ласковое клеймо «фудожника»...

Матом занимаются ученые. Профессор МГУ Е.М.Галкина-Федорук, личность поистине легендарная, читает на Моховой в Коммунистической аудитории спецкурс «Мат как языковое явление». Не меньшей популярностью Евдокия Михайловна пользуется и на Зацепском рынке, где заслужила гордое прозвище «бабки-матерщинницы». А однажды, вляпавшись в горячий асфальт и выслушав от рабочих несколько грубых слов, прочитала им такую лекцию насчет безграмотности их языка, а потом загнула такой «пятиэтажник», что рабочие просто на руках вынесли ее из асфальта и долго глядели вслед. Впрочем, возможно, это легенда. Как и докторская ее диссертация о мате, которой все-таки не было...

Как не было, кажется, и пятой главы «Москвы — Петушков», целиком состоявшей из мата, что несколько не умаляет гениальности Венедикта Ерофеева, а, наоборот, придает поэме неизъяснимую прелесть.

А вот, например, Саша Соколов: «Он сказал им: эй вы, механики, верните струмент, кто заиграл, корешок обмылся а то. Но артель отвечала: отзынь, на болт нам долбаный рашпиль его».

Ну а те, кому крутиться не хотелось, уезжали на Запад и там оттягивались вволю, как Эдичка Лимонов:

«Где-то сказано, что роденовский «Мыслитель» насквозь лжив. Я согласен. Мысль — это не высокое чело и напряжение лицевых мышц, это скорее вялое опадание всех лицевых складок, стекание лица вниз, расслабленность и бессмыслица должны на нем в дейст-

вительности отражаться. Тот, кто наблюдателен, мог не раз заметить это на себе. Так что Роден мудака. Мудаков в искусстве много, как и в других областях».

Вряд ли, конечно, писатель имеет право, говоря о самых низах жизни, обходить за километр стихию истинного народного слова. Разве высокое предназначение литературы в том, чтобы сгладить и приукрасить любую сферу жизни до потребительского уровня? Неужели, взявшись говорить правду, мы все-таки оставим, по взаимному соглашению, последнюю приятность для глаза, последнюю уступочку «дяде», великодушно разрешившему говорить правду, только — попристойнее?

Как нельзя прочувствовать Гете в переводе, так невозможно ощутить речь народа в подлинном ее богатстве и оригинальности, если она дается с откровенными купюрами. Вячеслав Иванов гордо писал: «Величав и ширококрыл язык наш: как старательно подстригают ему крылья, как шарахаются в сторону от каждого вольного взмаха его памятливых крыл!» По-моему, это и о мате — тоже.

P.S.: Поскольку жанр журнальной статьи не позволяет усеивать страницы тучами ссылок, мне остается лишь с глубокой благодарностью назвать имена ученых, чьи научные разработки были использованы в материале. Это М.М.Бахтин, О.М.Фрейденберг, Л.С.Выготский, Б.А.Успенский, Д.С.Лихачев, А.М.Панченко, И.С.Кон, В.И.Жельвис.

Гравюры Александра Дмитренко по иллюстрациям Г.В.Малакова к «Декамерону» Дж.Боккаччо.

ПЕРЕПИСКА

ПОВЕРХ ЗАБВЕНИЯ

В журнале «Столица», который, несмотря на молодость, приобретает все большую и большую популярность и у себя дома, в Советском Союзе, и за рубежом, в номере четырнадцатом на последних страницах обложки помещены цветные репродукции открыток 1917 года («Большевик», «Меньшевик», «Анархист» и т.п.). Они восхитительны. Однако, отметив живость художника, автор статьи в «Столице» сосредоточивает внимание на трагической судьбе той, кому эти открытки были отправлены. Судьба же художника остается в тени. Кто он? Фамилия его Топиков. О нем очень мало известно. Знаменитый в первые годы революции и гражданской войны художник Ре-Ми (псевдоним Николая Ремизова) как-то говорил мне: «Топиков начинал у меня, пока не вышел из повиновения. А талантлив, каналья. Я любовался его карикатурами в «Крокодиле» и в других сатирических журналах, но после 1934 года Топиков исчез, точно сквозь землю провалился. А я волнуясь: мо-

жет, из-за меня человек пострадал?»

Юрий Павлович Анненков, находивший, что Топиков чем-то напоминает то ли Замятину, то ли Зощенку, тоже удивлялся тому, что он исчез с сатирического горизонта.

Я еще в школьные годы, до университета, увлекся карикатурами В.Топикова. А уже в эмиграции понял, что, начав с выучки у Ремизова, как мастер он пошел дальше своего учителя.

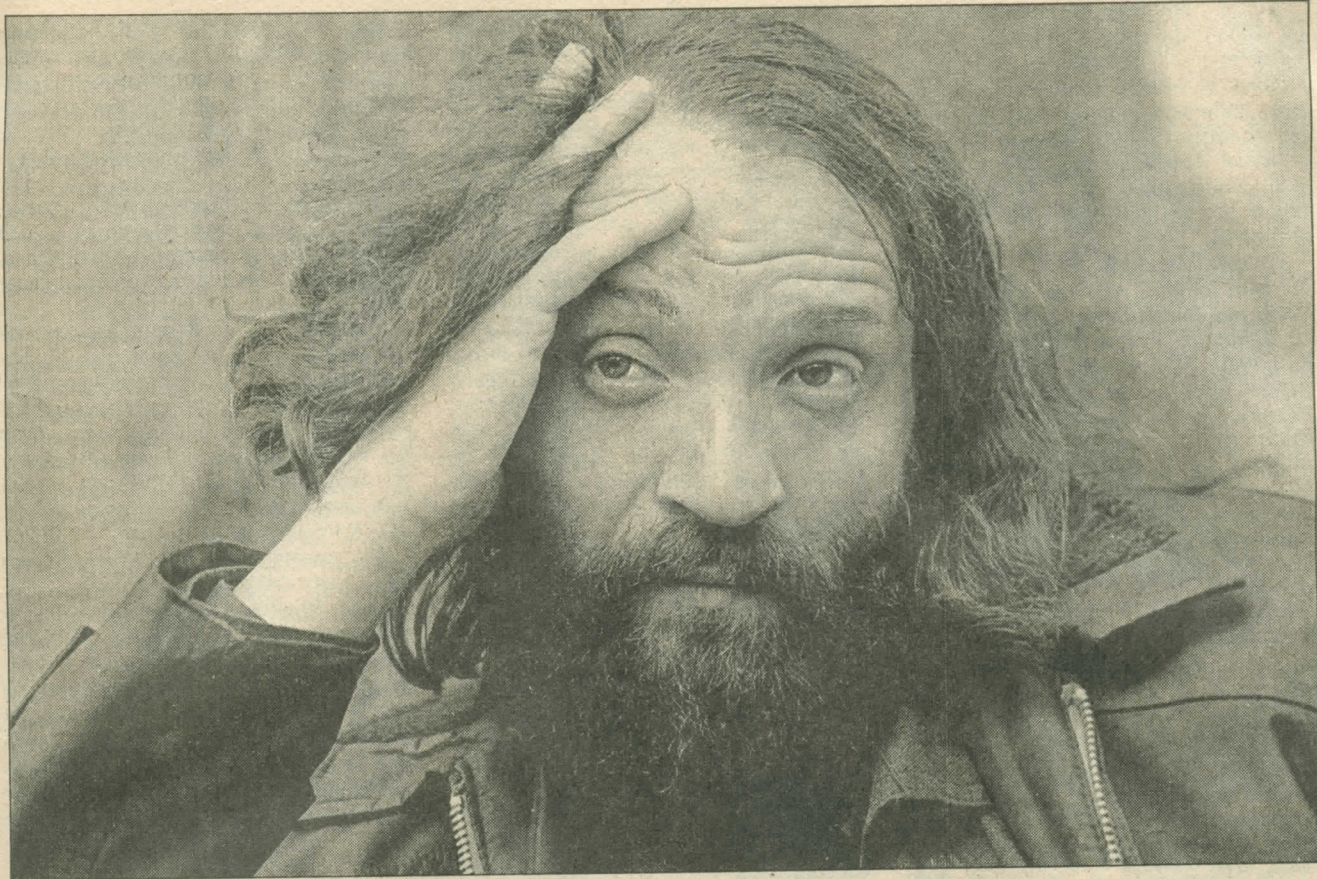
В эмиграции же я восстановил в памяти высказывания Абрама Эфроса, который, помнится, назвал Ре-Ми «злостным контрреволюционером». Топиков же, по его мнению, недалеко ушел от Ре-Ми, ибо яблоко от яблони недалеко падает. И чтобы проиллюстрировать свою мысль, Эфрос показал студентам одну карикатуру Топикова, на которой был изображен Ильич, едущий в большой галаше по бурной реке; в руках вождь пролетарской революции вместо весла держал внушительных размеров чернильное перо.

Сейчас я работаю над книгой о русских художниках за рубежом.

Большое внимание в ней я уделяю зарубежному периоду творчества Ре-Ми. В последний раз я виделся с ним, когда ему было уже около 90 лет (скончался он на 91-м году). Но даже в этом почтенном возрасте Ре-Ми не забыл Топикова, которого считал самым лучшим, хоть и своенравным своим последователем.

Сегодня, в период гласности и перестройки, о Ре-Ми все-таки начинают вспоминать. О Топикове же, насколько мне известно, хранят молчание (хотя охотно допускаю, что мог чего-то не заметить). А В.Топиков, думается, достоин того, чтоб его извлекли из забвения, достоин занять свое место в истории русской культуры, в том ее разделе, который относится к сатире и юмору в изобразительном искусстве. Во всяком случае, большое спасибо «Столице», познакомившей широкий круг читателей с открытиями его работы и помянувшей этого художника добрым словом.

Вячеслав ЗАВАЛИШИН,
Нью-Йорк

«МИСТЕР ОРТОДОКС»

Анатолий Васильев

Имя этого режиссера очень известно, его постановки — тоже, но больше по названиям: «Взрослая дочь молодого человека» и «Первый вариант «Вассы Железновой», «Серсо, или Мне 40 лет, но я молодо выгляжу» и «Шестеро персонажей в поисках автора»... Как ни недавно все это было, но сегодня эти спектакли уже имеют самое прямое отношение к истории театра.

Он обладатель очень престижных наград на Западе: французский орден Искусства и Литературы, Кубок UBU за лучшую зарубежную постановку (1988, Италия), приз за лучшую театральную постановку (1989, Испания), приз за лучшую режиссуру (1989, Канада), премия «Новая реальность европейского театра» (1990). Действительно, он русский режиссер европейского уровня.

Васильев окончил химический факультет Ростовского университета, путешествовал, служил в армии, работал на Дальнем Востоке и только затем был ГИТИС. Чтобы начать театральную жизнь, ему понадобились годы. Чтобы ее продолжить, сейчас ему нужен театр. Не Театр, который он уже создал и который так стремительно становится легендой, а простая, обычная и почему-то недоступная для него театральная крыша, а под ней — сцена, а перед ней — зрительный зал.

— ...В 1987 году «Серсо» пригласили сразу три крупные театральные державы — Германия, Голландия, Англия. И немцы с их настойчивостью добились, чтобы нам разрешили выехать. Сумасшедший был тур и успех потрясающий. Это сделало мне биографию на последующие много лет — и в своей стране, и за границей.

Трудно сказать, как сложилась бы моя судьба, не будь этого турне. Ведь мы были ничем для советского аппарата и для государственной культуры. Мы играли в Москве, на наших спектаклях сидели интеллигентные люди, часто — коллеги по искусству, но тем не менее Европа должна была объяснить советской публике, что та имеет дело с более или менее приличной или даже выдающейся вещью.

— Но «Серсо» вы больше не играете...

Нет. Труппа, участвовавшая в постановке, распалась. После «Серсо» мы гастролировали с «Шестью персонажами в поисках автора» Пиранделло, а весной 1990 года я подписал странный контракт с организаторами фестиваля в Парме. Они хотели увидеть новую вещь и предложили «конт-бланш» — я приезжаю, репетирую в присутствии публики, что захочу, и выпускаю премьеру. Так оно и было — состоялись репетиции, а потом премьеры спектакля «Сегодня мы импровизируем» того же Пиранделло.

Спектакль игрался в старом итальянском театре: ложи, ярусы, довольно небольшая сцена. Такой маленький дом. Партер «чистый» — из него убраны кресла, стоят только специально расставленные стулья. Действие происходит на сцене и в партере, а публика сидит на ярусах, благодаря чему устанавливаются совершенно особенные взаимоотношения зрителя и спектакля. Потом мы повторили этот эксперимент в Зальцбурге и в Сплите. С этим проектом думаем и дальше выезжать в Европу, только теперь будем строить временный деревянный итальянский театр. Правда, я еще не знаю, решусь ли на это. Жизнь здесь складывается довольно странно — дождь идет, все время идет дождь.

— Увидят ли «Сегодня мы импровизируем» в нашей стране?

— Вряд ли. Спектакль, от начала до конца сделанный на Западе, может жить только там.

— Вы сторонник свободного импровизационного театра?

— Дело в том, что я ставлю чужие пьесы, значит, одной из свобод у меня уже нет — я не делаю спектакли по собственным произведениям и не занимаюсь «свободными сочинениями». В этом смысле мой вкус воспитан очень традиционно. Есть текст, но я не хочу выступать его толкователем или переводчиком. Конечно, движение в сторону свободных структур, складывающи-

хся в процессе игры, очень интересно. Но движение это непростое, постепенное, революционный ход здесь, я считаю, невозможен, потому что вместе с текстом будет уничтожаться богатейший культурный потенциал.

Возьмем «Сегодня мы импровизируем». Здесь импровизация идет вокруг текста пьесы Пиранделло. Это уже не сам текст, а этюды к тексту.

Однако мне сложно двигаться дальше в этом направлении. Я почувствовал, что покровительственную дилетантскому и невежеству исполнителей. Возникла опасность, что мы будем делать по наитию какие-то вещи «от лукавого». Тогда я сделал шаг назад, собрал труппу и сказал: а ну-ка, сначала.

Не думаю, что театр обойдется без литературного текста. Помоему, будущее связано как раз с возвращением к тексту. Почему авангард терпит поражение? Он задыхается в отсутствии текстов, в отсутствии великих идей; нельзя же на 20—25 лет замыкаться в себе. Нужен партнер. Нужен приятель, неплохой приятель. Время от времени прошлая мировая культура говорит: «Я твой приятель, давай-ка попробуем пообщаться». Тогда авангардист оказывается в полной растерянности — что делать с этим приятелем? — и отвечает: «Нет, старик, я лучше с самим собой общаться буду». — «Ну и общайся!» Все.

— Насколько я понял, вы не считаете себя авангардистом. Между тем ваше творчество достаточно нетрадиционно...

— С понятием «авангард» у меня довольно сложные взаимоотношения. Во-первых, я человек уже немолодой. В моем возрасте странно заявлять, что ты авангардист. То, что я делаю, скорее, можно назвать нетрадиционными формами театра, поиском нетрадиционных взаимоотношений в нем.

Во-вторых, под «авангардом» в театре подразумевают, как правило, некие визуальные новшества. Для меня же вещь нетрадиционна, если она прежде всего структурирована по-другому — не классически. У таких вещей есть внутренние, а не внешние признаки. И здесь мне очень сложно говорить о себе, трудно самому оценивать собственное творчество. Конечно, намерения мои нетрадиционны, но я всегда занимался поиском структур, а не разрушением их. Меня не устраивает

деструктивное творческое мышление — то, с чем обычно связывают сейчас слово «авангард». Я понимаю, что оно красиво, оно даже нравится мне, но сам выбираю другое. Я — человек 60-х годов и нахлебался уже жизненной дисгармонии. Мне больше по душе гармонизированные структуры. Поэтому, когда меня об этом спрашивают, я предпочитаю говорить, что я, скорее, не «мистер парадокс», а «мистер ортодокс».

— **Социальная обстановка отражается на ваших спектаклях?**

— Я не занимаюсь социальными вещами. После «Серсо», пьесы достаточно социальной, репертуар сильно изменился: две пьесы Пиранделло, Достоевский, Дюма, новеллы Пиранделло. Потом мы обратились к чистой философии и эстетике: начали репетировать Платона, Эразма Роттердамского, философако-эстетические работы Оскара Уайльда, Томаса Манна, Достоевского, Гоголя, Фолкнера... Я полностью пересмотрел весь репертуар и изменил саму тему творчества, отказавшись от внешних идей. В русле движения от анализа к синтезу постепенный отказ от социальной проблематики и обращение к чисто художественным вопросам театра — это довольно естественно.

— **Насколько это элитарно?**

— Не думаю, что слишком. Помнится, когда мы репетировали «Серсо», мне указывали, что это, как принято говорить, «народу не нужно», и первая рецензия называлась «Прекрасная неудача». Но когда мы выехали в Ленинград, на первые и единственные гастроли «Серсо» в Советском Союзе, я увидел, сколько человек пришло на спектакль. И это был совсем не элитарный спектакль. Тема же, которой я сейчас занимаюсь, по-моему, элитарна.

— **Каковы принципы, по которым вы подбираете актеров?**

— Они формулируются очень простым словосочетанием, традиционным для русского театра: «театр-ансамбль». Думаю, все театры мира хотели бы быть такими. Если к этому не стремиться, само существование театра становится бессмысленным. Его назначение — это общение между людьми.

— **Вы говорите «русский театр». Что это такое в вашем понимании?**

— Помимо сказанного о «театре-ансамбле» существует два основных понятия, на которых держится русская традиция, — переживание на сцене и сопереживание зала со

сценой. Интернациональный театр тоже стремится к этому. Все стремятся.

— **Тогда почему вы считаете это прерогативой русского театра?**

— Потому что речь идет о национальном сознании. Но сейчас русский театр сильно отстал в этом плане, поскольку слово «переживание» не означает «реализм». Это разные вещи. Русского театра — я его понимаю как прививку к ветви культурного дерева, а не к территории — ныне в России очень немного, и это не парадокс. Во-первых, умерли корифеи русской культуры — люди, которые держали это все на себе. Во-вторых, огромный приток невежества, вызванный появлением бесчисленных театров-студий, фактически уничтожил, как сорняк, и без того редкие колосья.

— **Вы никогда не жалели о том, что ограничили себя рамками своего театра?**

— Нет. Я к этому долго шел, безумно долго. Нынешний мой театр — некий замкнутый мир, в котором можно производить, как я надеюсь, творческую энергию, идеи... Но, увы, такая жизнь способна продержаться год, два, ну, три от силы. Постепенно город, государственные отношения, внешний мир все равно возвращаются в эту замкнутость, где я установил свои принципы взаимоотношений — творческие, организационные и прочие. Строгая художественная жизнь исчезает, сюда

снова просачивается нехорошее театральное бытие... Нужно создавать что-то новое. Я на пороге серьезного решения.

— **Пожалуй, на Западе вас знают и ценят больше, чем здесь. Не собираетесь уехать?**

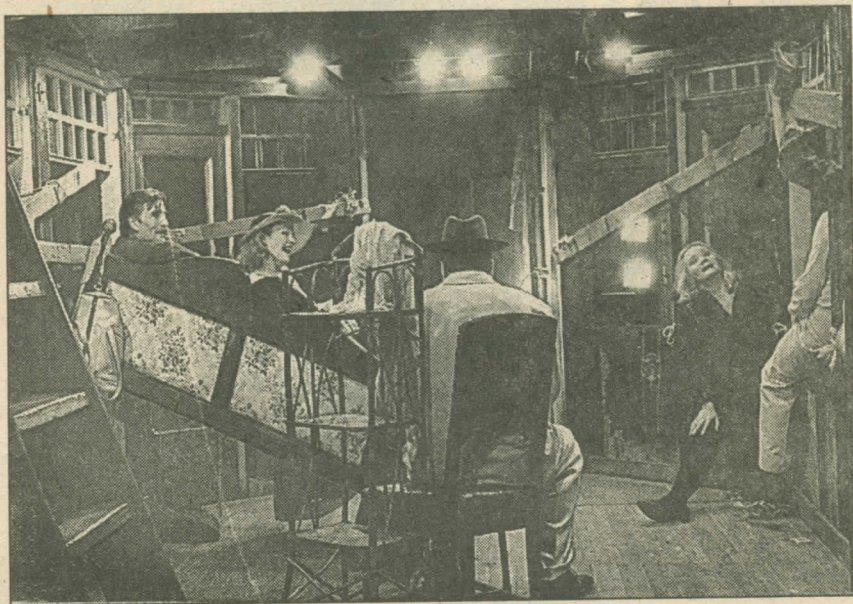
— У меня, действительно, очень хорошая репутация на Западе. Мне неудобно говорить об этом, но в мае прошлого года я получал премию вместе со Стрелером. Его — называлась «Премия Европы», моя — «Новая реальность европейского театра». А в свое время для меня не было больших авторитетов, чем Стрелер, Брук... Однако я все-таки занимаюсь театром, а театр — понятие национальное, он должен жить здесь. Даже несмотря на то, что сегодняшние проблемы убивают творчество, и не только творчество — они просто уничтожают физически.

— **А Любимов или, скажем, Захаров не предлагают вам перейти под крышу своих театров?**

— Нет. Да я и никуда не пойду. Для меня это закрыто. Я не вернусь назад — в театр, от которого ушел. Я могу только перестать заниматься театром, а вернуться — нет. Моя дорога в одну сторону.

Беседу вел Мирослав САРБАЕВ
(ИМА-ПРЕСС)

Сцены из спектакля «Серсо»
Фото В.Баженова

Artist КНИЖНОЙ графики

Павел Бунин — человек вне политики, пожалуй, это первое, что о нем должно сказать еще раньше, чем определить профессию — художник. Впрочем, более точное понятие есть в английском языке — *artist*. Если этимологически разложить это слово, то получится — принадлежащий искусству. В переполненном вагоне метро, где атмосфера накалена и взрывается то перепалкой из-за свободного места, то отголосками шумного спора попутчиков, а в руках у всех одни и те же газеты или детективы в бумажных обложках, Бунин едет, читая томик Шекспира в подлиннике.

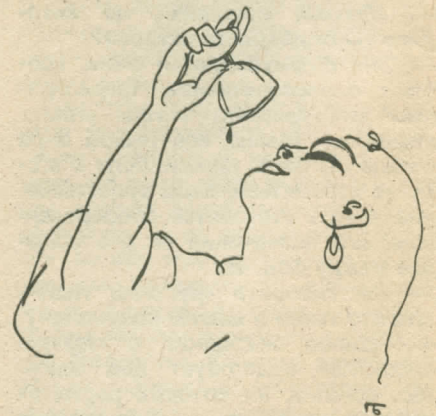
Политика — главная тема наших разговоров — Бунина совсем не интересует, и когда я рассказываю ему, как жена ссорится с мужем даже не из-за того, кому посуду мыть, а «по мотивам голосования», он заливисто, по-мальчишески смеется.

Ведь он из тех, для кого последняя новость в культуре не роль министра в «Годунове» и журналистские проходы по этому поводу, а сама пушкинская трагедия. А если уж он станет рассуждать о политике, то это будут сюжеты времен Александра Македонского или, на худой конец, Наполеона.

Даже более чем из пластических искусств Бунин вырос из хорошей литературы и в любой беседе так и сыплет цитатами, почти дословно воспроизводящими текст оригинала. Эту его манеру страшно любил Корней Чуковский — старший друг тогдашнего студента Суриковского института. Сам Бунин пишет. Его эссе, небольшие литературоведческие работы публиковались в разных изданиях, и в Дантовскую секцию Академии наук его приняли когда-то не только за рисунки, но и за статьи о творце «Божественной

комедии». Его переводы Редьярда Киплинга на русский язык еще не напечатаны, но одобрение лондонского профессора Питера Нормана, думается, рекомендация достойная.

Бунин нашел в этом жителе туманного Альбиона по-настоящему родственную душу. Нашел, кстати, пресмешным образом — буквально на улице. Обратился с вопросом в свой первый английский день к случайному прохожему, им оказался профессор, который, узнав в нем русского, сообщил, что как-то общался с одним русским — Чуковским. Бунин вынул из кармана фотографию, с которой он почти никогда не расстается, ту — где он снят с Корнеем. Так они и подружились с Норманом. История эта для Бунина в высшей степени характерная — он удивительно легко сходится с людьми, не прилагая для этого никаких усилий. Ему, например, ничего

не стоило обаять чиновника австрийского консульства в Греции, нарисовав, по его просьбе, тут же прикрывшись на краешке стола в офисе, нескольких исторических персонажей, соблюдая полное портретное сходство. Виза была получена без проволочек.

Бунин иллюстрировал Пушкина и Лермонтова, Шекспира и Гете, Франса и Андерсена. В России у него вышло полсотни книг, была дюжина выставок. Его экспозиции проходили в Париже и Кембридже, Базеле и Вене, Берлине и Тель-Авиве... География обширная. Хотя начинать с нуля ему приходилось три раза. Первый раз — вначале, здесь, как всем молодым, второй раз — там, когда он уехал за границу, потом — вновь здесь, когда вернулся.

Павел Бунин уехал не только потому, что в середине 70-х в этой стране человеку было трудно дышать, нет, его издавали и выставляли. Просто не было иной возможности увидеть мир, а художнику это необходимо. Кто-то подумает, что цена путешествия слишком велика, но таков этот человек. Он не мог примириться, что *никогда* не увидит древних камней Европы. В Грецию он приехал нищим, несколько месяцев зарабатывал на жизнь рисованием портретов на улицах, потом пошли потоком выставки. Прожив лет десять в разных странах, вновь обретая признание и материальное благополучие, он все бросил и вернулся на Родину, в Москву, ибо здесь остались дорогие могилы и кривые деревца бульварного кольца. Невыносима стала мысль о том, что он тут *никогда* больше не бывает. Вернуться оказалось хоть и трудно, но возможно, свою роль сыг-

рали и перемены в стране, и то, что имя художника не было связано ни с какой политикой.

Из-за чего же перипетии смены гражданства, походы в консульства и посольства? Всего лишь из-за невозможности получить постоянную визу, чтобы, как предназначено человеку, жить свободно там, где он хочет. В общем, из-за политики, как это ни печально...

Впрочем, не стоит напрасно сетовать на то, что всем и так известно. Лучше, как сделал бы Бунин, вспомнить Омара Хайяма, всегда звучащего удивительно современно:

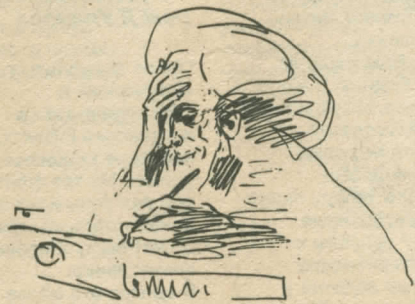
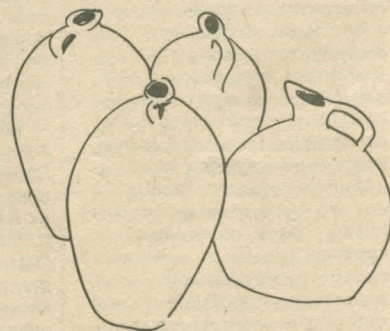
Если есть у тебя для жилья закуток —

В наше подлое время — и хлеба кусок,

Если ты никому не слуга, не хозяин —
Счастлив ты и воистину духом высок.

Эта стихотворная ассоциация — «рояль в кустах», потому что в московском филиале польско-советского издательско-полиграфического общества «Орбита» вышли «Рубаи» Омара Хайяма с иллюстрациями Павла Бунина. Художник — автор всего макета этого изящного томика, поэтому он столь органичен: от продуманного шрифта обложки до каждой страницы, где так много «воздуха», подчеркивающего поэзию озорного и темпераментного штриха. «Рубаи» — не случайный счастливый заказ, выполненный мастером своего ремесла. Бунин делал картинку к «старика Ха-Эму» много лет, как он сам признается, для самоуслаждения. Теперь свой взор смогут усладить не только счастливые обладатели книги, но и наши читатели.

Марина КАМИНАРСКАЯ

Иллюстрации Павла Бунина к «Рубаям» Омара Хайяма.

МОНА ЛИЗА НА ХАЛЯВУ

«Мона Лиза»
К/ст. «Артель Ф», реж.
Н.Студнев

Съемочная группа этой ленты во главе с режиссером и сценаристом Н.Студневым недурно провела время: разбила лагерь на берегу живописной речки и всласть поскоморошничала, гримируясь и одеваясь известными поэтами и государственными деятелями, устраивая капустники, вечера самодеятельной песни, столоверчения с вызыванием поэтических духов и купанием голышом. Попутно все это было снято на пленку, потом нарезано кусками, кое-как смонтировано и решено «прокатить» под видом художественного фильма, дабы окупить затраты на гулянку и расход киноплёнки. Хотите полюбоваться на чужую халяву за свои деньги — сходите и посмотрите.

Виктор МАТИЗЕН

ИЗ НОСА — ВСЕ ТЕЧЕТ

Выставка «Колесо времени»
Салон в Хамовниках

Последнее время сколько хожу на выставки, смотрю — никто в книгу отзывов ничего не пишет, да и вообще посещаемость, так сказать, упала. А тут — настоящий лом! И записи одна другой восторженней. Между прочими и такая: «... картины достойны Третьяковской галереи». Точно подмечено — висят по стенам Иванов, Куинджи, Лосенко, Венецианов, Крамской, но, правда, для бедных, и зовут их А.Герасимов, К.Зубрилин, С.Поляков, А.Солдатов и О.Штыхно. Это молодые художники, учились в Суриковском, а теперь пишут совсем как умудренные академики — пейзажи с церквями, исторические многометровые полотна и новодельные иконы. Словом, откатилось «колесо времени» куда-то далеко в прошлое, и теперь придется

расстаться с этой «памятью» смеясь.

А толпица на выставке, кстати, не из-за картин вообще, а из-за одной конкретной, и вовсе не потому, что она — духоподъемное полотно «Христос и самаритянка» (Ге—Солдатов), а потому, что спонсор экспозиции Алан Чумак «зарядил» ее чудодейственной своей энергией. Рядом на стене — инструкция по применению, жаль, не указаны противопоказания. И люди руки подносят, спорят — тепло или горячо (жара на улице, меж тем, градусов тридцать), младенцев к холсту поднимают, только что ниц не падают. «Исцели, батюшка!» — и такие вирши в книгу отзывов пишут (заканчиваю давешнюю цитату с сохранением стиля автора):

Наше союзное Минздрав
Не излечит народ никак.
Может я и не прав —
Но поможет ему Чумак.

Зря надеетесь, граждане-товарищи, давно ведь сказано, что спасение утопающих — дело рук известных чьих, а также: «никто не даст нам избавленья». Лишнее доказательство тому — мой насморк, которому и Минздрав, и Чумак — что мертвому припарки.

Марина КАМИНАРСКАЯ

МОЛОДАЯ АКТРИСА НА РОЛЬ МИТИ КАРАМАЗОВА

«Я ехала домой»
Свердловская к/ст.,
реж. Л.Уланова

После знаменитых «Служанок» и «М.Баттерфляй» в постановке Р.Виктюка название рецензии мало кого удивит. Но тот факт, что на сей раз речь идет о документальном фильме, может быть, и произведет впечатление. В центре его образ старинно-романсовый и ныне абсолютно паноптикумальный — артистическая чудачка,

взыскующая возвышенной любви. Это ведь и правда так по-русски: ждать чувства, полностью ему отдаваться... Я думала о вас... Душа была полна... Жить по чувству, по любви. Как пытался жить Митя Карамазов, а вот теперь — Наташа Сапелкина, улановская героиня. Неудавшаяся пока актриса, вольнослушательница во ВГИКе и вполне удавшаяся пассажирка — половина ее жизни проходит в пути. Свою «малую родину» в Новосибирской области Наташе пришлось покинуть после письма в какую-то газету. Дескать, вы пишете, что на селе не хватает девушек, а у нас вот не хватает мужских сердец. Освободившиеся из колоний «мужские сердца» хлынули к Наташе, преступность в районе возросла, и она, по настоятельной просьбе местной милиции, вылетела из отчего дома, как пробка из бутылки.

Уланова снимает свою героиню на вокзале, на станциях, в купе... На вокзале Наташа знакомится с парнем, играющим на собственных ладонях. Беспольный, никчемный дар. На станциях — покупает «картошечку вареньякую горяченькую» — все продается, кроме вдохновения. В купе — плачет над неудавшейся судьбой: «Я ведь их, мужчин из прошлого, то есть, так любила... А они меня почему-то бросали...» И безусловный Наташин дар — ни к чему, и любовь — никому. Из всех наших кинематографических «зимних вишен» Наташа для меня самая убедительная. То ли потому, что документальна, то ли потому, что актриса, то ли потому, что Л.Уланова нашла ключ к данному национальному характеру. Надеюсь, если вам удастся посмотреть этот милый фильм, Наташе Сапелкиной будут отданы сердца представителей обоих полов и разных социальных слоев. Режиссерские в том числе.

Виктория БЕЛОПОЛЬСКАЯ

СКУЧНО, ГОСПОДА, СКУЧНО...

**«Салют, Наполеон!»
(«Орленок»)
Московский новый
драматический театр,
реж. Б.Львов-Анохин,
В.Федоров**

Ростановский «Орленок» давно не залетал на нашу сцену. Оно и понятно: история герцога Рейхштадского — сына Бонапарта и принцессы из рода Габсбургов, прожившего свою недолгую жизнь почти что в заточении, вдали от «Франции милой», в мечтах об отцовской короне и славе, — эта история не подходила театру, пестовавшему совсем других орлят. А нынче — что ж? — салют, Наполеон! Постановщики Б.Львов-Анохин и В.Федоров, художники А.Сергеев и Н.Закурдаева показывают нам зрелище изумительной красоты. Убранство сцены и особенно костюмы — это поистине шедевр, образец изысканности и вкуса. На затянутой шелком площадке грациозно движутся дамы и кавалеры в восхитительных нарядах, образующих своего

рода мобильную декорацию — живую картину, достойную кисти Ватто. Зрелище сопровождается отлично подобранной музыкой — песнями Шуберта, танцевальными мелодиями первой половины XIX столетия; их «волшебные звуки» как раз и оживляют старинное полотно, задавая ритм действию — будто в балете или, точнее, в музыкальном ящике, где манерные куколочки кружатся и приседают, подчиняясь заводу кадрили... И все бы хорошо — золотые сны, очарованные грезы, — если б не текст, такой напыщенный и мелодраматичный, что сводит скулы. Правда, в него можно и не вслушиваться, довольствуясь чистой красотой. Радость для глаз — разве этого мало? Мало, увы. Ну десять минут, полчаса даже, а потом... Очень скучно, господа. Очень...

Елена ЗЛОБИНА

ЖДАЛИ, ОЧЕНЬ ЖДАЛИ

**«Ще-е-е»
Группа «Не ждали»
Пластинка фирмы
«Эрио»**

Группу «Не ждали» до сих пор, пожалуй, лучше знали в Голландии, где у них вышел первый диск, нежели у нас. Хотя отсутствие пластинки ансамбля на отечественном музыкальном рынке, спорадичность гастролей, почти полное молчание критики не могли не чувствоваться. Возникло ощущение, что в нашей рок-музыке образовалась какая-то лагуна, незаполненная экологическая ниша. Слава Богу, теперь благодаря фирме «Эрио» с творчеством этого талантливейшего коллектива смогут познакомиться минимум 20 тысяч человек (таков обычно тираж дисков фирмы). Конечно, далеко не все будут в восторге от записи. «Не ждали» — не «Наутилус», не «ДДТ», не «Машина времени» и не «Аквариум». Подпевать им, наигрывать их песни потом на кухне под гитару, мурлыкать у костров или на вечеринках — не получится. Это очень жесткая, фантастически изощренная, необыкновенно наполненная музыка, аналогов которой в отечественном, да, пожалуй, и в зарубежном роке нет. Можно долго проследить странную смесь еврейско-индийско-эстонско-русских корней этой музыки, можно проводить параллели с новым джазом, современным авангардом — а можно просто включить проигрыватели и, не отрываясь, прослушать весь диск, получая необыкновенное, чувственное наслаждение.

А.Г.

Дневник У.

P.S.: ВИДЕО

Ведет Андрей
ГАВРИЛОВ

МОЖНО ЛИ ВСТУПИТЬ В ОДНУ РЕКУ ДВАЖДЫ?

**«Техасвиль»
США, реж. П. Богданович**

В свое время потрясением для многих зрителей стал фильм практически неизвестного у нас тогда Питера Богдановича «Последний киносеанс». Незатейливая на первый взгляд история о жизни молодежи в 50-е годы в маленьком американском городке до сих пор считается одним из лучших фильмов 70-х годов. Спустя двадцать лет режиссер снял продолжение, из которого исчез элемент достоверности, так подкупавший в «Киносеансе». То, что было серьезным, стало игривым, трагедия превратилась в почти фарс. Хотя, может быть, из всех кинопродолжений, на которые так падок Голливуд, это больше других заслуживает того, чтобы его посмотреть.

ВВЕРХ ПО ЛЕСТНИЦЕ, ВЕДУЩЕЙ ВВЕРХ

**«Лестница Джейкоба»
США, реж. А. Лайн**

Адриана Лайна у нас в стране знают очень хорошо как постановщика «9 1/2 неделя». В «Лестнице Джейкоба» нет ничего того, что принесло ему скандальную известность, зато есть уверенная, мастерская режиссура. Сам Лайн считает свою новую работу лучшим из того, что он сделал в жизни. И действительно, это очень сильный фильм. И страшный — не как «Кошмар на улице Вязов», а как «Сердце Ангела» или «Сияние». Но возникает тоскливый вопрос: если трагический опыт вьетнамской войны дал мощный толчок американскому искусству, а не менее трагический опыт нашей афганской авантюры ни к чему подобному не привел, не значит ли это, что авантюра была еще отвратительнее и бездарнее, чем мы предполагаем?

Имя Эдуарда Тополя в 60—70-е годы было известно главным образом в кинематографической среде: ему принадлежали сценарии нескольких фильмов: «Там, где длинная зима», «Юнга Северного флота», «Несовершеннолетние», «Ошибки юности» (эту картину, положенную «на полку», зрители увидели лишь спустя много лет, уже в разгар перестройки). В 1978 году Э.Тополь эмигрировал. На Западе один за другим вышли его остросюжетные политические романы, главным образом в жанре детектива: «Журналист для Брежнева» (широко ходил у нас в самиздате), «Чужое лицо», «Завтра в России» и др. Большинство из них сегодня вышли или готовятся к выходу и в СССР. Исключение пока составляет роман «Московский полет» (1990 г.). Небольшой отрывок из этого романа мы и предлагаем вашему вниманию.

Эдуард ТОПОЛЬ

МОСКОВСКИЙ ПОЛЕТ

Поздним вечером в Вене, в крошечной, как пенал, комнате дешевого отеля «Zum Turke» я взглянул на себя в зеркало и замер от изумления: поперек моей левой щеки легла глубокая, как у старика, морщина. Как шрам. Как окоп. А еще утром, в Москве, когда я брился перед эмиграцией, — у меня были гладкие щеки.

Цена эмиграции — шрам эмиграции, подумал я и даже записал эту фразу в дневник. Мол, в этот день шрам эмиграции лег поперек моей щеки и поперек моей биографии. И провела этот шрам Шереметьевская таможня...

— Эй, вы! Как вас там? Фельдман? Идите к четвертой стойке, вас будут там досматривать!

Сутулая старушка Фельдман, вытягивая, как черепаха, тонкую шею из узеньких плеч, волоком потащила к таможенной стойке два тяжелых фибровых чемодана. Но когда дотащилась, веселый таможенник в сером кителе крикнул через зал своему коллеге:

— Алеша, я занят, возьми ее себе! Идите к первой стойке, Фельдман! Живей, живей!

Старуха Фельдман снова впряглась в свои два чемодана, но у нее уже не было сил сдвинуть их с места. А из-за каната, перегородившего вход в таможенный зал, из толпы провожающих какая-то растрепанная женщина кричала:

— Мама, брось эти чемоданы! Брось! Пустите, я помогу ей!

— Провожаящим в зал нельзя! — стояла на ее пути грудастая дежурная в таможенной форме: кителя, юбки и хромовых офицерских сапожках.

Наконец старуха сдвинула с места один чемодан и, напрягаясь, толчками покатила его к первой стойке. Там работал таможенник, которого почему-то боялись все эмигранты, хотя называли его только по имени — Алеша. Он был русоголов, голубоглаз, с юношеским пушком на розовых щеках — просто царевич из русских сказок. Сейчас перед этим Алешей лежали на таможенном столе груда детской одежды и распахнутый саквояж, а сбоку, в нескольких шагах, на другом столе — еще один распахнутый чемодан, и над этим чемоданом стояла другая таможенница-инспектор — тоже молоденькая, не старше 23-х. Вдвоем они вели досмотр ручного багажа у веснушчатой тридцатилетней шатенки в потертой рыжей куртке и стоптанных сапогах. К ногам шатенки жалась худенькая пятилетняя девочка в расстегнутой беличьей шубке, она держала в руках облупленный черный футляр скрипки-четвертушки, а из рукавов ее шубки почти до пола свисали красные рукавички на шнурках.

— Идите сюда! — властно звал шатенку Алеша, вынимая из ее саквояжа очередной пакет. — Это что у вас?

— Это лекарство для ребенка...

— Лекарства вывозить нельзя.

— Идите сюда! — тут же, без паузы включалась таможенни-

ца за вторым столом, вынимая из чемодана коробку со стиральным порошком. — Это что?

— Это стиральный порошок, вы же видите.

— Стиральный порошок нельзя вывозить в фабричной упаковке. Пересыпьте в полиэтиленовый пакет, тогда везите.

— Но где я тут возьму полиэтиленовый пакет?

— Это нас не касается.

— Идите сюда! — звал Алеша. — Быстрее! Это что? — и скосил глаза на старуху Фельдман, которая оставила у его стойки один чемодан и пошла за вторым.

— Это бутерброды, для ребенка... — сказала шатенка и показала на дочку.

— Никакие продукты вывозить нельзя.

— Но это для ребенка!

— Вам же сказано: никакие продукты! А это что? — Это кофейная чашка, треснувшая, осталась от мамы...

— Это предмет старины. Где разрешение Министерства культуры на вывоз? Вы! — Алеша повернулся к старухе Фельдман, которая подтащила к его стойке второй чемодан. — Идите к третьей стойке, мы тут заняты!

— Но... меня... сюда... послали... — негромко сказала старуха, хватая, как рыба, воздух узкими сухими губками. Ее редкие седые волосы прилипли к потному лбу, и нос был мокрым от росинки пота, а норковый воротник темно-синего пальто уже наполовину оторван.

Однако Алеша не смотрел на нее, вдвоем с молодой таможенницей они все убыстряли темп пасовки этой шатенки, им нравилось гонять этих жидов все быстрее и быстрее — до пота.

— Идите сюда! Это что за картины?

— Это детские рисунки, вы же видите...

— А где разрешение на вывоз?

— Какое разрешение? Это она рисовала, дочка!

— Без разрешения Министерства культуры никакие рисунки вывозить нельзя!

— Эй! Сюда! А где разрешение на вывоз скрипки?

— Вот...

— Ага, вижу. Откройте футляр! А где фотография смычка? Разве это тот смычок, что на фотографии? А пошлину вы уплатили?

— Сюда! Идите сюда! Это что за фотографии?

— Это семейные, — уже мертвым голосом говорит загнанная шатенка.

— Столько фотографий вывозить нельзя, возьмите только половину...

И такая же игра идет между третьей и четвертой стойкой, только здесь у таможенников добыча покрупней — пожилая пара в дубленках, их багаж — не стиральный порошок и не детская скрипка, а сияющий перламутром аккордеон «Вельтмайстер» и в чемоданах — сервиз, нитки с янтарем, льняные простыни, дорогое нижнее белье, куклы-матрешки, добротная одежда, несколько абстрактных картин. Таможенные инспекторы, не спеша, извлекают из чемоданов каждую вещь, прощупывают швы в одежде, в нижнем белье и говорят:

— За вывоз аккордеона вы должны заплатить пошлину — его полную стоимость.

— Но ведь мы купили его в магазине, вот квитанция.

— Вы купили, чтобы пользоваться здесь. А если вывозите — платите пошлину. Это что за картины?

— Это мои, вот моя подпись.

— А где разрешение на вывоз и квитанция об уплате пошлины?

— Но это я рисовала! Сама!

— Картины мы не пропускаем.

— Подождите! Позвольте нам сказать! Эти картины не брали ни на одну выставку, потому что это абстракция. Мне гово-

рили, что это антихудожественно, никому не нужно. Почему же теперь я должна платить вам за свои работы?

— Или вы оставляете картины, или вы не летите. А это что? Серебро?

— Вилки...

— Ага, серебряная посуда. Будем оформлять акт за попытку провоза контрабанды.

— Какой контрабанды? Эти вилки лежат открыто, я ничего не прячу! Каждый имеет право вывезти до 200 грамм серебряной посуды!

— Здесь не двести грамм, а все полкило! Сейчас мы взвесим.

— Но нас же трое! Я, муж и мать! Вон она сидит...

— Это лежало в одном чемодане! Или вы оставляете серебро, или мы снимаем вас с рейса за провоз контрабанды! А вы, Фельдман, я же вам русским языком сказал: идите к первой стойке! И отрежьте норку от пальто, норку мы не пропускаем!

— Я... уже... не могу... — без голоса лепечет старуха Фельдман и мертво оседает на свой свалившийся на бок чемодан. Тут, прорвав ограждение, к ней подбегает растрепанная дочка, подхватывает под мышки.

— Мама!

— Патруль! — зовет грудастая дежурная, мимо которой прорвалась дочка старухи. — Выведите ее!

— Но я только помочу! Она не может таскать эти чемоданы! — пробует объяснить женщина двум солдатам с автоматами.

— Не может — пусть не летит. Освободите таможенный зал!

А рядом, за веревкой, отгораживающей эту часть таможенного зала от всего остального мира, движется на регистрацию билетов поток иностранных туристов. Немцы, французы, американцы, арабы, турки, шведы, канадцы — лучшая инеем меховых шуб, цоккая каблучками итальянской обуви, увешанные японской фототехникой и русскими сувенирами — сотни иностранцев катят на тележках свой багаж мимо любезных за теми стойками таможенников, кассиров, пограничников: «Пардон... Силь ву пле... Пер фавора... Мерси боку...»

Два мира разгорожены только веревкой, но чистые, вымытые иностранцы наглухо замыкают лица и отводят глаза, когда натываются взглядом на этот второй мир, где дотошные таможенники потрошат чемоданы у потных и дурно пахнущих людей. Иностранцы считают, что власти не станут просто так, без причины проверять невинных людей. Право, если их проверяют — значит, они *dragsmaglers* или кто-нибудь в этом роде, ведь во всех аэропортах мира именно такую грязную публику из третьего мира чаще всего и проверяют на наркотики...

Я стоял перед веревкой, в потной еврейской толпе, вторые сутки ожидая своей очереди на досмотр багажа. Все эмигранты знали, что таможенники нарочно растягивают этот досмотр, чтобы последний десяток пассажиров-эмигрантов оказался в цейтноте: самолет вот-вот улетит, а вещи еще не проверены, и остаться нельзя — все билеты на Вену проданы на месяцы вперед, квартира сдана, паспорт и советское гражданство тоже, и вы уже не имеете права находиться в СССР после отлета этого рейса — мосты сожжены!

Оказавшись в таком цейтноте, люди бросают таможенникам свой багаж и — улетают. Пустые.

А чтобы избежать этого, эмигранты приезжают в Шереметьевский аэропорт за двое, а то и трое суток до вылета и живут здесь в очереди — спят на своих чемоданах, едят на них же, нервничают, обмениваются информацией об очередных кознях таможни и ждут, когда утром, в 8.00, появится из-за канатов очередной «товарищ таможенный инспектор» и объявит надменно:

— Ну, кто тут на Израиль?

Таможенникам нравится произносить это слово с ударением

на третьем слогe — так им кажется презрительней.

Но меня не утомляло стояние в этой круглосуточной очереди. Наоборот, как киношник, я видел, что на меня буквально со всех сторон прет новый, яркий, почти фронтовой материал: эти взмыленные эмигранты, остервеневшие в боях с ОБВИРОМ, жэками, отделами кадров, Министерством культуры и таможенными и навьюченные детьми, родителями и вещами. Эти чистенькие, как с другой планеты, иностранцы. Эти молодые веселые мародеры-таможенники и их прихвостни — небритые мордатые грузчики, которые выются меж эмигрантов, нащепывая сомнительные предложения пронести в самолет что угодно или «договориться» с таможенным инспектором, чтобы он не отрывал ваш чемодан. И — разговоры, разговоры:

— Сейчас они отправят эту женщину на гинекологический осмотр! Вот увидите! За то, что ее муж не подписывает акт про контрабанду серебряных вилок. Позавчера было то же самое, я сам видел. Только не из-за вилок, а из-за ложек, и они тоже прицепились — «контрабанда!» А женщина говорит мужу: «Слушай, мы оставили им квартиру, машину, деньги в банке и мебель. Так брось уже им эти ложки, пусть они подавятся!» И что вы думаете? Они ее за это отправили на гинекологический осмотр. И заставили сидеть в гинекологическом кресле до отлета самолета! Фашисты!

— А вы знаете, что делают на ленинградской таможне? У моего брата были краски — обыкновенные краски в тубиках. Они спрашивают: «Вы художник?» — «Да. Я художник». — «Ага. Хорошо. Где ваша палитра?» — «Вот». И знаете, что сделал таможенник? Он прокалывал каждый тубик и выжимал краски на палитру. Формально — искал бриллианты, а на самом деле — просто издевался, вы же знаете, что такое найти у нас хорошие краски! Дефицит хуже мяса! Брат все деньги потратил на эти краски, ничего не вез с собой, кроме них, — художник! А этот мерзавец нарочно, как садист, выдавливал каждый тубик на палитру — все выдавил, без остатка!.

— Ой, вы бы видели, как они издеваются у нас в Одессе! Когда я сдавал грузовой багаж, они отняли у меня ковер — обыкновенный ковер, из магазина, 1200 рублей стоит. Тоже сказали — контрабанда. Так я пошел жаловаться начальнику таможни. Я показал ему свои документы — я всю войну прошел капитаном артиллерии, имею два ранения и восемь боевых орденов. И знаете, что он мне сказал? Он говорит: «Скажите спасибо, что мы только берем с вас штраф за попытку провоза контрабанды!» — «Но при чем тут контрабанда?» — говорю. — «Я же не прятал этот ковер! Я его сдавал в багаж!» — «Все!» — говорит. — «Идите!» И знаете, что я ему сказал? Я сказал: «Хорошо! Вы будете иметь мой ковер, но вы будете иметь и мое горе! Бог есть!» И я вам говорю — вон лежит мой сын, он умирает, у него лейкемия, ему каждый час нужно принимать по десять таблеток, а они не пропускают никакие лекарства, я уже ходил тут к начальнику таможни. Я говорю ему: «Пропустите хоть двадцать таблеток, на два часа до Вены! Иначе парень умрет по дороге!» Знаете, что он ответил? «Не летите!» Вот и все, представляете? «Не летите!» Но я вам скажу: они будут иметь наши ковры и наши ложки, но они будут иметь и наше горе! Очень скоро! Бог есть!.

Я впитывал в себя эти разговоры, лица, детали — мучнистую белизну лба огромного 23-летнего сварщика с лейкемией, который лежал на полу, на брезентовых носилках, почему-то босой, но в пальто и с кислородной маской на лице... потерянное черепашье лицо старухи Фельдман... истерические поцелуи враскоряку 16-летней еврейской девочки и 17-летнего русского парнишки, расстававшихся навсегда (казалось, они сейчас трахнутся прямо здесь; стоя, на глазах у родителей и всего мира)... красные варежки, свисавшие из рукавов беличьей шубки девочки со скрипкой... мембранный, с потолка голос объявлений о посадке в самолеты на Токио, Монреаль, Па-

риж, Прагу, Хельсинки... хрипло орущего потного грудного ребенка и над ним — огромную бледно-синюю женскую грудь, которую толстая жена умирающего одесского сварщика поминутно мяла и опять совала ребенку в рот... бесконечные маятниковые раскачивания взад-вперед пейзаго старика в ермолке, приехавшего в Шереметьево из Бухары еще неделю назад... бутерброды с красной икрой и шампанское у какой-то шумной пьяной компании провожающих... красивую бледную брюнетку с большими, черными и бездонными, как ствол гаубицы, глазами, багаж которой потрошат теперь таможенники, высоко поднимая над ее чемоданом какие-то платья, кофточки, туфли и колготки...

Я — тоже потный под свитером и курткой и небритый после бессонной ночи — жевал вчерашний бутерброд и ногами продвигал к таможне свой чемодан, рюкзак и пишущую машинку. И вертел головой из стороны в сторону, панически боясь, что ведь забуду, забуду массу примет этого всеобщего остервенения последних, прощальных дней. А записать нельзя — таможенники проверяют даже телефонные книжки и уничтожают все рукописи, записи, письма. И я мысленно диктовал себе в память все, что видел. Фильм, мой новый фильм, который я тут же назвал «Еврейская дорога», родился во мне в этой очереди, и теперь я нянчил его в душе, как новорожденного ребенка, и ликовал от своего замысла. Если записать все, что творится вокруг и случится потом с тремя дюжинами эмигрантских семей по дороге Москва—Вена—Рим—США и Москва—Вена—Израиль, если записать все, до мелочей — и разбитые надвое семьи, и мимолетные дорожные романы,

Т.Е.С.

и мародерство этих таможенников, и встречу с новым миром — это же кинороман, как еврейские «Унесенные ветром», «Доктор Живаго», «Блуждающие звезды».

И вдруг все, что я сделал в кино до этого — даже мой последний фильм, арестованный КГБ и запрещенный цензурой, — все показалось мне мелким и малозначительным. Здесь, в потной орущей очереди эмигрантов, я вдруг почувствовал, что «Еврейская дорога» — вот моя миссия! Само Провидение бросило меня сюда с пишущей машинкой, чтобы я поплыл с потоком эмигрантов, стал хроникером этого потока, а потом снял эту еврейскую киноопею с достоверностью документа истории. И теперь я взывал душой над толпой, чтобы все увидеть, ничего не забыть.

— Слушайте, почему, уезжая, мы, каждый — даже эта девочка со скрипкой! даже этот ребенок с соской во рту! — должны платить им по 500 рублей за потерю советского гражданства? Они лишают нас гражданства, и мы же должны им за это платить?!

А ведь и правда, подумал я. Они уже отпустили нас, они уже не властны над нашими жизнями и душами, но, как собака хватает вас за штанину, и дергает, и рвет, так это государство и каждый его чиновник пытаются — с матерным лаем и хамством — вырвать из нас на прощанье еще что-нибудь: золотые запонки, вилки, смычок от детской скрипки и даже стиральный порошок.

— Мужчина! Вы собираетесь лететь или вы передумали?

Я очнулся от самодиктовки — черт возьми, оказывается, подошла моя очередь! Забросив на спину брезентовый рюкзак, я потащил в таможенный зал свой чемодан и машинку.

— К первой стойке! — приказала грудастая дежурная.

Но у первой стойки инспектор Алеша, уже закончив досмотр багажа бывшего капитана артиллерии, вдруг сказал ему:

— А ну-ка снимите пальто с вашего сына!

— Да вы что? — испугался отец умирающего. — Он же на полу лежит, его продует!

— Я должен проверить его пальто, иначе не полетите, — отрезал Алеша и приказал мне: — А вы идите к четвертой стойке, я занят.

Так, подумал я, сейчас они меня погоняют!

Я сбросил со спины рюкзак и, оставив свои вещи на полу среди зала, пошел к четвертой стойке. Там напротив высокой стройной брюнетки с тонким лицом и огромными черными глазами-гаубицами стояли сам начальник таможи майор Золотарев — худощавый альбинос с заячьим профилем — и еще два таможенных инспектора с погонами лейтенантов. Перед ними на широком таможенном столе, рядом с выпотрошенным чемоданом были разложены какие-то рекламные плакаты, театральные афиши и программки. И с каждой афиши смотрели огромные глаза этой молодой брюнетки, и тут меня словно что-то толкнуло: Господи! Да это же эта... Как ее?.. Актриса из Минска... Я видел ее в «Любовь одна» и в «Царской милости»!

— Та-ак... Значит, вы и есть Лиза Строева, — говорил актрисе начальник таможи, держа в руках зеленый листок ее выездной визы с чернильными печатями ОВИРа и австрийского посольства. — Ну-ну... Значит, у нас играла русских цариц, а сама, значит, Лиза Соломоновна... А? Как же так? — и он требовательно посмотрел на побледневшую актрису, словно уличил ее в провозе контрабанды.

— Последние триста лет русскими царями были немцы, — вдруг вырвалось у меня.

У майора зарозовели белые и по-заячьи пухлые скулки, он посмотрел на меня прозрачно-синими глазами и бросил сквозь острые зубки:

— Пшел вон!

И столько властного презрения было в этом даже не «по-

шел!», а именно «пшел!», что меня словно дерьмом облили. Впрочем, я и сам уже испугался своей выходки, сказал:

— Я, собственно, хотел...

— Вон!!! — гаркнул майор.

Я пожал плечами и отошел к своим вещам, стараясь не обочиваться на красивую актрису. Но и спиной почувствовал, как майор провожает меня тяжелым цепким взглядом. Я уже понял, что теперь проверкой моего багажа займутся всерьез. Но что с меня взять им? Я не везу с собой даже афиш своих фильмов. Если они не разрешают вывозить фильмы, то какой смысл везти афиши, да еще русские! И пока Алеша брезгливо извлекал из моего рюкзака старую брезентовую куртку на меховой подкладке, туристический спальник мешок, стоптанные альпинистские ботсы, высокие эскимосские сапоги из оленьей шкуры — «кисы», трехногий складной стульчик из моржовых костей и прочие заполярные сувениры моей последней киноэкспедиции, я уже чтобы самому себе доказать, что я их не боюсь, открыто наблюдал, как у соседнего стола они проверяют второй чемодан этой актрисы. Теперь тамошний таможенник вынимал из ее чемодана нижнее белье — трусы, ночные рубашки, бюстгалтеры, гигиенические тампоны и спрашивал с явной издевкой:

— А это что?

— Трусики... — беззвучно отвечала актриса.

— Так... — таможенник тщательно прощупал каждый шов в этих белых сатиновых трусиках, затем сложил свои пальцы — большой и указательный — в колечко и медленно, словно сквозь душающую петлю, пропустил через него ночную сорочку

актрисы. Затем стал прощупывать утолщения в новоизвлеченном бюстгалтере. — А это что?

— Лифчик...

— Что-что? Не слышу. Громче!

— Бюстгалтер... — по щекам актрисы покатали черные от косметики слезы. Я проследил за ее взглядом и понял, почему она плачет: по ту сторону каната стояла очередь идущих на посадку иностранцев, и они, эти иностранцы, во все глаза зыркнули на ее нижнее белье — нижнее белье советского производства.

— Откройте машинку, — приказал мне таможенник Алеша.

Я открыл футляр пишущей машинки.

Алеша пробежал пальцами по клавишам, вздымая рычажки букв, потом взял рукой один из рычажков и с силой надломил его. Рычажок хрустнул пополам.

— Что вы делаете??? — вскрикнул я.

Алеша хладнокровно поднес обломок рычажка к глазам и улынулся:

— Я думал, эти рычажки золотые. От вас все можно ожидать, — он бросил сломанную букву в футляр машинки и надломил еще одну, испытующе глядя мне в глаза. То, что я мучительно вздрогнул от хруста рычажка, словно это не машинке, а мне самому выламывали пальцы, показалось Алеше подозрительным. Он достал из ящика стола напильничек и поскреб надлом рычажка, всем своим видом показывая, что ищет золото. Потом, снова глядя мне в глаза, сломал еще одну букву...

Но я уже не вздрагивал. Машинка, на которой я собирался писать сценарий своей киноопеи, умирала передо мной, превращаясь в кусок железа. Конечно, я и до этого знал, что они варвары и фашисты, но чтобы до такой степени?..

Сломав пять или шесть букв, Алеша усмехнулся:

— Можете закрыть футляр. — И показал на олени сапоги: — А это что?

Однако теперь я молчал. Слепыми, растерянными руками я закрывал футляр убитой машинки.

— Эти сапоги — предмет национальной культуры, — сказал Алеша про олени «кисы». — У вас есть разрешение на вывоз?

— Нет. Можете взять себе.

Алеша сунул руку в «кисы» и скривился от запаха слежавшейся оленины.

— Ладно, это можете везти, — сказал он брезгливо. — А это что?

— Стул.

— Я вижу. Из моржовой кости? Обработанную моржовую кость вывозить нельзя.

— Это необработанная.

— Кому вы врет! Смотрите, какая полировка!

— Это полировка натуральная — это кости моржовых пенисов, — сказал я. И не удержался, добавил с издевкой: — У нас с вами в пенисах нет костей, а у моржей есть, потому что им приходится сношаться в Ледовитом океане.

Алеша оторопело поглядел на меня, потом — на стульчик. Ножками этого стульчика служили три полуметровые кости толщиной с человеческую руку и с лукообразными утолщениями на концах. На губах у Алеши заиграла грязная улыбка, глаза жадно оживились, но он тут же согнал это с лица, сказал:

— Порнографию мы на Запад не пропускаем, — и решительно отложил стульчик в сторону. — Эй, вы куда?

Но я не обернулся. С демонстративным спокойствием я уже шел от Алешиного стола к актрисе, которая, кое-как затолкав свои вещи в чемоданы, пыталась дотащить их в другой конец зала, к весовой стойке. Там принимали ручную кладь. Однако сил у этой актрисы было не больше, чем у старухи Фельдман, а на щеках были разводы от слез и поплывшей косметики.

— Разрешите помочь вам, — сказал я ей и, не дожидаясь ответа, взял из ее тонких белых рук кожаные ручки ее чемоданов, потащил их к весовой стойке.

И затылком чувствовал, как она удивленно смотрит на меня губицами своих огромных глаз.

— Эй, вы! — крикнул мне в спину Алеша. — Вернитесь к вашему багажу!..

Рисунки П. Ступенко

Всего за 20 рублей (включая стоимость пересылки) вы можете получить полный комплект журнала «Столица» за полгода (26 номеров за январь — июнь 1991 г.).

Почтовый перевод с указанной суммой направляйте по адресу:

101425, Москва, ГСП, К-51, Петровка, 22.

Журналы будут высылаться незамедлительно.

Не забудьте сообщить свой адрес.

НОРМА МЕЙДЖОР: «ДЛЯ ВСЕХ ПРЕМЬЕР-МИНИСТР, А ДЛЯ МЕНЯ — МУЖ»

За три месяца, прошедших со времени избрания Джона Мейджора премьер-министром Великобритании, в жизни его жены Нормы произошла большая перемена — из деревенской глуши она оказалась перенесенной в самый центр мироздания. Однако Норма не хочет полностью отказываться и от спокойной жизни прежних лет.

— Наш образ жизни мало изменился, — говорит Норма, — поскольку Джон по-прежнему каждый раз проводит выходные дни в конце недели дома, исключений было одно-два, не больше. Как правило, после чашечки чая в постели мы обычно готовим завтрак. Мне хочется думать, что мы едим здоровую пищу. Я, в частности, стараюсь заставить Джона есть больше волокнистой пищи. Но это напрасный труд. Не любит он и черный хлеб, и обезжиренное молоко. Он не считает еду одним из самых больших удовольствий в жизни. Однако, как известно, по пути в Лондон, утром в понедельник, он останавливается в своей излюбленной закускойной, чтобы съесть там запеченные бобы. Мы получаем воскресные газеты, и Джон довольно быстро их просматривает. У меня на это уходит целая неделя. Воскресными вечерами мы обычно смотрели телевизионные передачи, но сейчас это уже редкость. Теперь смотрим только новости.

Страстью Нормы была — и остается — опера. Это увлечение с особой силой овладело ею, когда она работала няней у дочери певицы Джуны Бронхилс. Норма была так увлечена оперой, что даже ночевала на улице, чтобы купить билет на галерку в Королевскую оперу.

— Мы обычно раскладывали свои спальные мешки и устраивались на Боу-стрит, неподалеку от здания суда.

Встретившись с Джоном, она пыталась приобщить к своему увлечению и его.

— Он говорил, что опера ему нравится, но я думаю, что скорее ему нравилась я. Как-то раз во время спектакля он даже задремал.

В день, когда Джон стал премьером, Норма вместе с дочерью Элизабет пошла в оперу на «Севильского

цирюльника» и сидели на самых дешевых местах.

Как и ее муж, Норма — выходец из рабочей среды. Она была единственным ребенком в семье. Когда ей было три года, ее отец, армейский офицер, был убит в последнюю неделю войны.

— Материально моей матери было очень тяжело. Приходилось много работать. Когда мне было четыре года, мне была назначена пенсия, и я стала посещать школу. После обучения в педагогическом колледже Норма начала преподавать шитье в различных школах. Тогда же она заинтересовалась политикой и встретила с Джоном.

Рассказывая о своей нынешней жизни, Норма говорит, что на Даунинг-стрит ей очень нравится: люди там очень любезны, хорошая еда, вкусы Мейджоров зачитываются, большой выбор блюд. К тому же посуду мыть не надо. Очень приятно там бывать. Но это все-таки не их дом, и в нем нет таких уютных уголков, как в их собственном доме, говорит Норма. Ее же дом мало изменился за это время.

Норма бережно относится к своей семейной жизни. Она считает своей основной обязанностью обеспечивать спокойную жизнь для Джона и всей семьи. Сын Джеймс лучше всех сформулировал те чувства, которые испытывают в семье в связи с новым положением Джона: «Он может быть и премьер-министром, но он все еще мой отец».

А для Нормы он все еще мужчина, для которого она с любовью хранит семейный очаг.

«САНДИ ПОСТ МЭГЭЗИН»,
Великобритания

РОЗЫ ОТ ГРИППА

Врачу из Бостона Д.Дьюперсу в результате долгих исследований удалось доказать, какое влияние оказывает королева цветов на наше здоровье.

Аромат роз обладает антисептическим действием и помогает предотвратить многие болезни, считает врач. В первую очередь, запах роз убивает бактерии дыхательных путей. Кто часто страдает бронхитом, насморком, должен по возможности чаще покупать розы, советует

Дьюперс. Особенно рекомендуются розы красного цвета, так как они в большей степени защищают от гриппа, бронхита и воспаления легких. Этот совет пригодится и тем, кто часто страдает головной болью и мигренью.

«РАЙНИШЕ ПОСТ», ФРГ

«ГАМЛЕТ» — «СМЕРТЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ» МЭЛА ГИБСОНА

В актерском таланте кинозвезды Мэла Гибсона критики сомневаются, говоря, что он способен только на то, чтобы бегать по пустыне за призраками, быть сверхжестоким и наводить порядок с пистолетом в руке, как в знаменитом боевике «Смертельное оружие». Чтобы убедить всех в обратном, он решился на рискованное предприятие: сыграть главную роль в новой экранизации «Гамлета». Режиссер картины — Франко Дзеффирелли, «тиран киностудий», «отец Ромео и Джульетты», чья непримиримость на съемках перестала уже быть легендой. Для «Гамлета» Дзеффирелли все самое лучшее: будут использованы грандиозные декорации и костюмы, стоящие миллионы, приглашен один из лучших сценаристов — Кристофер Де Во (автор «Человека-слона»). На роль королевы Гертруды приглашена Глен Клоз, «дьявольская любовница» из фильма «Фатальная связь». Музыка для фильма должен написать Эннио Мориконе.

Съемки уже полгода идут в Дувре, в одном из величественных средневековых замков, возвышающемся над Ла-Маншем. Затем предполагается, что они продолжатся в двух других исторических местах Великобритании — замках Блесс и Даннотар. Для придания им более древнего вида фасады всех замков будут покрыты толстым слоем угольной пыли вперемешку с водой... «Знаете, — заявил, улыбаясь, австралиец, — в театре я переиграл всю классику, но, когда я говорю об этом, мне никто не верит...»

«СИНЕ-ТЕЛЕ РЕВЮ»,
Франция

Так случилось, что долгие десятилетия мы получали представление о скульптуре лишь по памятникам, которые в основном безобразно и бездарно украшали площади и парки наших городов, по бесконечным Ильичам и «девушкам с веслом». Выставки станковой скульптуры были редкостью, а закупленные государством работы благополучно оседали в запасниках, разрушались от вяло текущего времени, и только некоторые из них возвращались к зрителю экспонатами отчетных экспозиций.

Все уже отвыкли, что скульптура может «жить» в доме и забвение этого вида искусства оборачивается не только проявлениями бескультурья и отсутствием чувства прекрасного, но, как ни странно, гораздо более прозаическими вещами: например, детям трудно привить пространственное мышление. А еще скульптура — единственный жанр изобразительного творчества, который доступен слепым, но об этом в нашем «милосердном» обществе, конечно, никто и думать не станет.

Изменить положение, к которому притерпелись и зрители, и сами ваятели, решили шестеро молодых художников, создавших первое в стране объединение скульпторов «Пирамида» при Союзе художников СССР. Они подумали и о школьниках, изучающих черчение, и о лишенных зрения людях, и обо всех, кому необходима встреча с прекрасным.

Слово «Пирамида» невольно ассоциируется с геометрией, но на выставке объединения встречаешься с исповедью. Молодые скульпторы не стесняются в творчестве оставаться такими, какими сотворила их природа, без социальной маски и лицедейства в духе прошедших времен или новой конъюнктуры.

Сила воли и женственность — это Оля Карелиц. Воспринимая мир остро, нервно, но не истерично, она способна противостоять ему. Несмотря на небольшие формы, ее работы по-настоящему монументальны. У Марины Левинской — редкое сочетание мягкой доброты и порывистой романтичности. В композициях аналитичного, обстоятельного Григория Шпичинецкого — символичность и мудрая библейская эпичность. У Виктора Королева — безукоризненное чувство ритма, ирония, динамизм. Нежность и теплота образов — это камень Бориса Беляковского, он художник светлого, чистого взгляда на жизнь и людей. У

ШЕСТЬ ГРАНЕЙ «ПИРАМИДЫ»

Игоря Макарова — предельная обнаженность внутреннего мира, настроений и чувств.

Всех шестерых молодых художников объединяет близость мироощущения, но в понимании творчества они самостоятельны, у каждого — свой сложившийся стиль, пластический язык, манера, даже предпочтение определенному материалу: бронзе ли, керамике, дереву или камню. «Мы объединились, чтобы выжить. Человек в мире и в искусстве одинок, а мы подставляем плечо друг другу, чтобы каждый из нас смог полностью раскрыться как художник», — говорят они. Здесь никто не отталкивает другого локтями, освобождая место для себя, единственное обязательное качество — профессионализм. Девиз

— не подстраиваться под бытательский вкус, а работать, поднимая зрителя до искусства, чтобы общество не захлебнулось в дешевке и халтуре, нагло и броско кричащей со всех углов.

«Я не понимаю художника, который просто «делает красиво». Он или заблуждается, или прячет голову в песок, или это человек с железобетонными нервами, который не хочет видеть происходящее вокруг», — говорит Игорь Макаров. Все члены «Пирамиды» искренне верят, что, несмотря на эксперименты с формой, главным должно быть человеческое начало, душа, иначе скульптура перерождается в дизайн.

Вообще атмосфера у скульпторов дружеская и по-хорошему деловая. Как бывает на симпозиу-

Марина ЛЕВИНСКАЯ, «Икар», 1991, сталь

Борис БЕЛЯКОВСКИЙ, «Лежащая», 1991, мрамор

Григорий ШПИЧИНЕЦКИЙ,
«Конец эпохи», 1991, бронза

Ольга КАРЕЛИЦ,
«Цветной торс», 1990, керамика

Игорь МАКАРОВ
«Продолжение бега», 1991, бронза

мах. Для непосвященных объясню, что симпозиумы проводят не только ученые, но и ваятели. У них это выглядит так: собираются в каком-нибудь небольшом городке и, живя вместе месяц-два, создают произведения на пленэре, часто прямо на виду у зрителей — прохожих, а потом за символическую плату оставляют работы городу. Кстати, это вовсе не изобретение советской бедности, а наше заимствование западной «тусовочной» традиции. Словом, обстановка на симпозиумах весьма плодотворная и по-

настоящему творческая. Так же живет «Пирамида», хотя на ребят свалилось и множество финансовых, организационных и юридических проблем, их светлые фантазии и чистые помыслы, конечно, сталкиваются с неласковой реальностью, где этот художник не нужен, а общество почти не способно на понимание, любовь, благодарность.

И все-таки времена новых отношений искусства и зрителя наступают. Вот она, скульптура, — не скучный бюст или застывшая компози-

ция «на тему», а одухотворенный человеческий образ...

Шестеро молодых скульпторов ушли в свободное плавание, где нет ни официальных выставок, ни официальных заказов, где можно надеяться только на самих себя. Они открыты к любым контактам с теми, у кого есть интерес к их творчеству, — не только со зрителями будущих выставок, утонченными ценителями-эстетами, но и с покупателями, с меценатами.

Тамара ДМИТРОХИНА

Виктор КОВАЛЕВ, «Диалог», 1990, титан